

НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

CURSOR MUNDI

ЧЕЛОВЕК

*Античности, Средневековья
и Возрождения*

ВЫПУСК 13

CURSOR MUNDI • ЧЕЛОВЕК
Античности, Средневековья и Возрождения

XIII

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

CURSOR MUNDI

Человек

Античности, Средневековья и Возрождения

**Научный альманах,
посвященный проблемам исторической антропологии**

Выпуск 13

Иваново

Издательство «Ивановский государственный университет»

2022

ББК 63.3(0)

С 95

CURSOR MUNDI : человек Античности, Средневековья и Возрождения : научный альманах, посвящённый проблемам исторической антропологии. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2022. – Вып. 13. – 172 с.
ISBN 978-5-7807-1402-6

В тринадцатом выпуске альманаха представлены научные статьи и публикации, посвященные социальным практикам и идеологии западноевропейского общества в период от поздней Античности до Ренессанса.

Альманах может быть интересен специалистам-историкам, филологам, философам и культурологам, а также всем, кто интересуется проблемами социальной истории, истории сознания и культуры.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редколлегия:

д-р ист. наук, проф. **В. М. Тюленев** (ответственный редактор),
д-р филол. наук, проф. **Н. Ю. Гвоздецкая**,
д-р филол. наук, проф. **М. Р. Ненарокова**,
д-р ист. наук, проф. **Н. В. Ревякина**,
канд. ист. наук, доц. **Д. В. Самоговинский**
Э. М. Манукян (ответственный секретарь)

*Для оформления обложки использовано изображение:
«Святая с пальмовой ветвью и книгой» Луини Бернардино*

ISBN 978-5-7807-1402-6

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом, уже тринадцатом, выпуске альманаха «Cursor mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения» мы по-прежнему постарались соединить аналитические работы с переводами позднеантичных и средневековых, точнее, ренессансных текстов, труды состоявшихся ученых и со всем молодых авторов, делающих свои первые шаги в науку. Пожалуй, главное, что отличает этот выпуск от многих его предшественников, — появление раздела, в котором мы обращаемся к истории нашей науки и вспоминаем коллег и друзей, уже ушедших от нас.

Сборник формально делится на четыре части. Первый раздел с уже традиционным названием «От Античности к Средневековью» представлен двумя публикациями, так или иначе связанными с интеллектуальной историей Италии периода остготского владычества. В своей статье мы предлагаем познакомиться с двумя поэтическими произведениями Эннодия, посвященными Амвросию Медиоланскому, в которых не только отразился процесс становления культа свт. Амвросия в Медиолане, но и представлен сам автор, который оказывается не только хранителем памяти о святителе, но прежде всего защитником риторической культуры, который, славя в Амвросии проповедника, защищает искусство красноречия. В свою очередь, публикация перевода одного из писем Кассиодора Сенатора, подготовленная магистрантом Ивановского университета А. А. Казаковой, позволяет познакомиться с элементами политической мифологии времен остготского королевства, важнейшим компонентом которой становятся опять же интеллектуальное дарование и риторические навыки правителя, в данном случае — королевы Амаласунты.

Второй раздел объединяет статьи и публикации, открывающие читателю новые грани идеологии итальянского и французского Возрождения. В статье Н. И. Девятайкиной анализируется феномен интеллектуальной дружбы на заре итальянского Ренессанса. Рассматривая письма Петрарки к Кабассолю, автор показывает, как первый гуманист, найдя в епископе Кабассоле верного друга и единомышленника, добродетель-

ного и гуманистически образованного человека, благодаря переписке с ним укрепился в собственном жизненном выборе. Тема Петрарки продолжена в публикации Л. М. Лукьяновой. Читатель имеет возможность познакомиться с переводом отрывка из трактата «De viris illustribus», в котором представлены биографии двух мифологических персонажей, Геркулеса и Ясона, написанные с гуманистических позиций. Петрарка воспевает в своих героях доблесть, разум, славу, великодушие, предприимчивость и прочие гуманистические добродетели. «Итальянскую» серию публикаций завершает перевод трактата Франческо Гвиччардини «La Decima Scalata», выполненный магистратом Санкт-Петербургского университета К. В. Павловым. Текст, посвященный, в основном экономическим и фискальным вопросам, отражает переживания, надежды и страхи флорентийцев XVI в. Завершается раздел переводом письма французского интеллектуала XVI в. Луи Ле Руа к Екатерине Медичи, выполненным Д. В. Самотовинским. Письмо дает возможность погрузиться в рассуждения Ле Руа о взаимосвязях французской и всемирной истории, о бедствиях, постоянно сопровождавших человечество, и о прогрессе в области науки и искусств, происходящем на фоне этих бед, отчасти порожденных самим этим прогрессом.

В разделе «Вспоминая коллег и учителей» С. В. Соловьев предлагает собственный взгляд на творчество Л. М. Баткина как ренессансоведа и культуролога, а Н. В. Ревякина вспоминает эпистолярное общение с Пьеро Каццолой и на основе переписки показывает увлеченность этого итальянского филолога русской классикой.

Выпуск альманаха завершается рецензией Э. М. Манукиана на недавно опубликованную монографию И. Е. Мирошниченко о Синезии Киренском.

В. М. Тюленев

В. М. Тюленев
(Иваново)

АМВРОСИЙ МЕДИОЛАНСКИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ЭННОДИЯ

В статье проанализированы два поэтических произведения Эннодия, посвященные Амвросию Медиоланскому. Первое из них является одной из двенадцати эпиграмм, описывающих епископов Милана, второе — одним из двенадцати гимнов, составленных Эннодием по образцу амвросианских. Первостепенное внимание в статье уделено образу святого, который создается Эннодием. В частности, показано, что Эннодий в прославлении святого ориентируется на южно-галльскую агиографическую традицию, видя главное достоинство святого не в чудесах, а в пастырской деятельности, залогом успеха в которой является красноречие епископа. Изображая Амвросия в первую очередь проповедником, Эннодий доказывает, что риторика является божественным даром и должна служить не тщетной славе, но прославлению Христа, защите веры и наставлению в праведности.

Ключевые слова: Эннодий, Амвросий Медиоланский, эпиграммы, гимны, модель святости.

Среди многочисленных произведений Магна Феликса Эннодия, медиоланского диакона, ставшего впоследствии епископом Павии, не последнее место занимают его поэтические труды, к сожалению, совершенно обойденные вниманием в отечественной науке. Впрочем, такое же пренебрежение можно увидеть и в отношении других латинских поэтов поздней Античности. В лучшем случае можно найти переводы на русский язык отдельных поэтических произведений¹, но почти нет работ, в которых бы они становились предметом не филологического, а исторического анализа. Даже в антологиях римской литературы, изданных в России, Эннодий совершенно не представлен, возможно, из-за сложности языка этого ритора, поэта и служителя

© Тюленев В. М., 2022

¹ См. особенно антологии римской поэзии [5; 4].

Церкви. Неслучайно Селин Урлахер-Бехт начинает свою статью, посвященную гимнам Эннодия, с известного высказывания Арнульфа, епископа Лизьё (1141–1182), который признается, что язык Эннодия настолько сложен, запутан и сбивает с толку, что более справедливым было бы назвать его «Иннодий [Innodius = Путаник], нежели Эннодий» [24, р. 125].

Между тем именно вокруг интерпретации поэтических творений Эннодия на протяжении многих лет в науке шла главная битва сторонников видеть в нем «воина Церкви», как он сам называл себя в одном из писем (*Ennod. Op.* 11, 3)¹, и тех, кто усматривал в его творчестве свойственную для римских аристократов риторическую игру, в ходе которой незастойным считалось обсуждать в том числе пикантные темы, недостойные церковного деятеля [23, р. 190].

Поэтические труды (*Carmina*) Эннодия в 1611 г. были разделены первым его издателем Жаком Сирмоном на два блока, первый из которых объединял двадцать одно сочинение, в числе которых были эпитафамы, гимны, описания путешествий (*Itinerarium*), славословия в адрес тех или иных лиц, второй (*Epigrammata*) — эпитафии и эпиграммы, общее число которых составило сто пятьдесят одно произведение². Это деление повторил в 1882 г. Вильгельм фон Гартель, издавший труды Эннодия в Вене [15].

Таким образом, в распоряжении исследователей есть более ста семидесяти стихотворных опусов Эннодия, в числе которых можно встретить разные как по объему, так и по содержанию сочинения от грандиозной, написанной гекзаметром в

---

¹ В своей статье мы будем делать ссылки на труды Эннодия по изданию Ф. Фогеля [14], указывая номер труда (*Op.*), отрывка или стиха (*v.*).

² Устоявшееся благодаря Вильгельму фон Гартелю число эпиграмм Эннодия небесспорно. Некоторые исследователи учитывают, что в рамках цикла сочинений Эннодия издаются также творения его друзей, Фауста (*Op.* 367) и его сына Мессалы (*Op.* 371), а какие-то стихотворные труды, ставшие у Сирмона-Гартеля самостоятельными, являются предисловием или финалом прозаических сочинений. Поэтому иногда появляется указание на 148 эпиграмм Эннодия [19, р. 419–421; 26, р. 237, п. 333].

сто семьдесят строк поэмы ко дню рождения епископа Епифания Тицинского в тридцатый год его епископства (*Ennod.* Ор. 43) до составленных элегическим дистихом зарисовок, из которых три, как минимум, носят автобиографический характер¹, какие-то посвящены духовным вопросам, большинство же содержат описания базилик, баптистериев, фонтанов², мозаики, предметов домашней утвари³ и пр.⁴

Не известно, имел ли Эннодий планы издать свои поэтические труды, но, очевидно, не сделал этого. Многие из них, особенно краткие эпиграммы отражают спешную работу издателя, переписавшего творения Эннодия в том виде, в каком он нашел их среди бумаг епископа Павии после его кончины [19, р. 419].

В своей статье мы обратимся всего лишь к двум поэтическим сочинениям Эннодия, которые объединены тем, что оба посвящены святителю Амвросию Медиоланскому, хотя и входят в разные поэтические циклы.

В самом начале VI в., уже став диаконом медиоланской церкви, Эннодий написал цикл из двенадцати эпиграмм, посвященных епископам города от Амвросия (374–397) до Теодора (475–489), предшественника Лаврентия (*Ennod.* Орр. 195–206), при котором Эннодий нес свое духовное служение диакона. Эпиграммы представляют собой краткие зарисовки о жизни и

---

¹ В одной (*Praefatio totius operis poetici quod fecit*) он рассуждает об утешительной силе поэзии (Ор. 187), в другой (*De eo quod vindictarum tempore scripsit*) — о своем сочинительстве во время сбора винограда (Ор. 188), третья (*De quodam gluttone qui opus eius inperitus carpebat*) является инвективой против недоброжелателя («глупца»), не пощадившего его «святой труд» (Ор. 189). Анализ второй эпиграммы см.: [18].

² Например, стихотворение «О мраморном льве, направлявшем воду в дом» (Ор. 127).

³ Например, эпиграмма о кубке с изображением Пасифаи (матери Минотавра) и быка (Ор. 133).

⁴ В этом году увидел свет труд Брета Маллигана, в котором кроме исследования предложен перевод на английский язык поэтического наследия Эннодия [17], но, к сожалению, для нас он оказался доступен лишь в виде краткого фрагмента.

деяниях медиоланских епископов, возможно, сочиненные в качестве надписей, сопровождавших настенные изображения епископов в одной из медиоланских церквей [12, р. 245]. Самых епископских портретов (*imagines clipeatae*) того времени в Милане не сохранилось, но очевидно, что в VI в. примеров подобной визуализации церковной истории города было немало в Италии, в том числе можно вспомнить цикл портретов, созданных в Равенне по инициативе епископа Максимиана (546–557), портреты из епископского склепа в Неаполе, а также в римской базилике Святого Павла (Сан-Паоло-фуори-ле-Мура) [12, р. 245]. Сам факт создания галереи из епископских портретов в Медиолане весьма показателен и свидетельствует прежде всего о формировании культа местных прелатов и строящейся вокруг него особой идентичности христианского общины Медиолана.

Если вернуться к текстам Эннодия, то в составленных им эпиграммах мы можем увидеть не только собственно епископов, пусть и скрытых под покровом агиографических топосов, однако не лишенных индивидуальных черт [12, р. 245], но и самого автора, а также его аудиторию. Создавая краткие поэтические зарисовки (от десяти до четырнадцати строк), Эннодий так или иначе ориентируется на определенную модель святости, близкую как ему, так и его образованному читателю. Не раз уже отмечалось, что поэтический язык Эннодия — не только его сложная образность, вообще свойственная позднеантичному маньеризму, но рассыпанные по текстам литературные аллюзии — предполагает, что он ведет диалог прежде всего с представителями образованной элиты, способными уловить «отзвуки аллюзий и интертекстуальные взаимосвязи» в его речи [10, р. 658]. Поэтому выводы, к которым мы придем, проанализировав текст Эннодия, позволят отчасти увидеть духовный и интеллектуальный мир также медиоланской элиты начала VI в.

Сложность поэтического языка Эннодия, о которой только что было сказано, делает крайне рискованными попытки перевода его сочинений на современные языки¹, в том числе рус-

---

¹ Собственно этой проблеме современного научного перевода гимнов Эннодия и посвящена упомянутая выше статья Селин Урлахер-Бехт [24].

ский, поэтому мы предлагаем читателям познакомиться с более или менее литературно обработанной версией перевода его эпиграммы, а потом и гимна, в тексте же статьи будем отталкиваться от буквального перевода, говоря среди прочего о многозначности ряда слов.

**О деяниях и жизни господина епископа Амвросия
(Op. 195 = Carm. II, 77)**

- 1 Так поступал, как учил, отличаясь заслугами, честью,
Даром и нравами, велеречивый Амвросий-епископ.
Пурпуром царским язык пламенел его щедрый,
С ранней весны, какие хотел, выпускал он побеги,
- 5 Светел челом, гирляндой цветов он увенчан,
Труд его уст был усеян камнями драгими.
Жестом людей наставлял, сдержанно, тихо,
Взором порой обжигал, повергая их наземь, ругая;
Он осуждал громогласно проступки большие,
- 10 А небольшую вину осуждал он, смотря молчаливо.
Он препоясан мечом, огражден щитом тяжким,
Грудь облачил он сотканной из стали одеждой.
Силою меч обладает, рубщик и враг он пороков,
Мужа не жалит ехидна коварная в спину.

Прежде чем говорить об образе святого Амвросия, который транслирует Эннодий, стоит обратить внимание на литературную игру, в которую автор увлекает своего читателя. Ни Вильгельм фон Гартель, ни Фридрих Фогель, издавая в XIX в. труды Эннодия, не обнаружили в тексте эпиграммы ни каких-либо цитат, ни литературных аллюзий. Между тем в четырнадцати строчках, посвященных Амвросию, слышны отголоски как римской языческой, так и христианской литературы. Даниэле Ди Риенцо в своей монографии, посвященной эпиграммам Эннодия, обнаружил в рассматриваемом тексте целую россыпь прямых и косвенных цитат [13, p. 52–55]. Так, в изображении Амвросия как воина Христова Эннодий активно использует язык римских поэтов. Фраза Эннодия о препоясанном мечом Амвросии (*succinctus gladiis*, v. 11) повторяет слова Энния (*suc-*

cincti gladiis, *Enn. Ann.* 426)¹, предпоследняя же строка эпиграммы (*ensis habet vires vitiorum sector et hostis*, v. 13) начинается с прямой цитаты из восьмой книги «Фарсалии» Лукана: *ensis habet vires, et gens quaecumque virorum* (*Lucan. Phars.* VIII, 385). Слова же пятой строки о том, что Амвросий увенчан гирляндой цветов, по-видимому, восходят к «Метаморфозам» Овидия (*Ov. Met.* IX, 238). Римский поэтический язык дополняется аллюзиями на Писание. Те, кто не услышали в описании военного облачения Амвросия Энния, могли услышать в нем стихи из пророка Исаии: «Он возложил на Себя правду, как броню, и шлем спасения на главу Свою; и облекся в ризу мщеника, как в одежду, и покрыл Себя ревностью, как плащом» (Ис. 59:17). Наконец, последняя строка о том, что Амвросий благодаря своим добродетелям может не бояться укуса ехидны (*vipera*), отсылает читателя или слушателя к рассказу Луки об апостоле Павле, который стряхнул в огонь повисшую на его руке змею (*vipera invasit manum eius*), оставшись невредимым (Деян. 28:3–6).

Используя язык римской языческой и христианской литературы, Эннидий создает довольно оригинальный образ святого. С первых же строк эпиграммы он представляет Амвросия в качестве деятельного пастыря и проповедника: «Он поступал так, как учил, выделяясь заслугами и честью / нравами и талантом, Амвросий-певец / чей орошающий язык сиял пурпуром» (vv. 1–3)². Очевидно, что Эннидий ориентируется в данном случае на ту модель святости, которая сложилась преимущественно в южно-галльской агиографии V в. [1, с. 86; 21, р. 564]. Важнейшей добродетелью его героя оказывается деятельное пастырское служение [13, р. 53]. Неслучайно первая строка, содержащая, как кажется, аллюзию на отрывок из Евангелия от Матфея, где Иисус критикует книжников и фарисеев за то, что те постушают

---

¹ Даже если Д. Ди Риенцо прав, увидев в данном случае заимствование из «Анналов» Энния, можно допустить, что само заимствование оказалось опосредованным. Очевидно, фраза *gladiis succincti* стала устойчивым словосочетанием в римском языке. См., напр.: *Suet. Jul.* 84, 3; *Suet. Aug.* 32.

² *Egit quod docuit meritis et honore superstes / Ambrosius vatis moribus ingenio / Roscida regificio cui fulsit murice lingua.*

не так, как сами учат (Мф. 23:3), указывает на деятельность епископа, связанную с его проповедью. Как можно видеть, два глагола *egit* («совершал») и *docuit* («учил») идут у Эннодия в связке друг с другом.

Надо понимать также, что Эннодий далеко не первым взялся за создание памяти об Амвросии. Он наверняка был знаком с «Житием Амвросия», написанным Павлином ок. 422 г. [3], в котором медиоланский святой предстает в качестве не только пастыря, но и чудотворца. Рассказы о чудесах Амвросия проходят красной нитью через все повествование Павлина (от чуда, произошедшего с будущим епископом в младенчестве, до посмертных чудес). Эннодий же и полусловом не пытается намекнуть на чудотворную силу Амвросия, не упоминая ни о *signa*, ни о *miracula*, сопровождавших жизнь святителя.

Это следование образам леринской агиографии, нашедшее отражение и в «Житии Епифания», над которым Эннодий трудился примерно в то же время, когда писал свои эпиграммы, прослеживается еще в одном немаловажном аспекте. Эннодий с самого начала эпиграммы характеризует Амвросия как человека, искусно владеющего словом. Во второй строке он сопровождает имя Амвросия определением *vates*, словом, которое прошло значительную трансформацию в христианской латыни. Первоначально имевшее смысл «пророк», «певец», «поэт» существительное *vates* к периоду поздней Античности стало служить синонимом слову «епископ» [10, р. 630]. Столетие спустя, в начале VII в. Исидор Севильский пояснит: «**Pontifex** имеет только одно значение — “высший священник”, **vates** же имеет много значений — и “священник”, и “пророк”, и “поэт”» (*Isid. Different. I, 451*)¹. Судя по всему, Эннодий использует это существительное, стремясь передать все его смысловые оттенки, поэтому в своем переводе фразу *Ambrosius vatis* мы вольно перевели как «велеречивый Амвросий-епископ».

Третья и последующие строки эпиграммы в полной мере убеждают нас в том, что через определение *vates* Эннодий явно характеризует Амвросия как человека, принадлежащего к ритор-

---

¹ Pontifex tantum summum sacerdotem significat; vates autem plura significat, aut sacerdotes, aut prophetas, aut poetas.

ской культуре. Он пишет славу языку и устам святителя: язык его покрыт росой (*roscida lingua*, v. 3), то есть слова с него как бы стекают, переливаясь, подобно утренней росе; он сияет «царственным пурпуром» (*regifico cui fulsit murice*, v. 3); с юности («с весны своей») дает побеги (*vere suo pingens germina*, v. 4), устами святитель приготовил (создал) труд, усыпанный драгоценными камнями (*distinctum gemmis ore parabat opus*, v. 5).

Эти строки, посвященные непрерываемому для жителей не только Медиолана, но и всей Италии епископу, и представленному в образе церковного ратора, крайне важны для понимания мировоззрения Эннодия. Разумеется, мы без труда обнаружим, что и Павлин в «Житии Амвросия», начавший повествование о своем духовном патроне с чуда о пчелах, залетавших в рот спящему младенцу Амвросию, делает акцент на ораторском даровании своего героя [25, р. 340]. Но важно понимать, что Эннодий пишет об ораторском мастерстве Амвросия в то самое время, когда сам для себя стремится решить вопрос о месте риторики в своей новой жизни, связанной с церковным служением. Во многих письмах своим друзьям он признается, что выбрал безмолвие, отказался от прежних увлечений риторикой [22, S. 68–76; 8, с. 156–158]. Епископ Амвросий-проповедник, таким образом, выступает свидетельством того, что риторика может приносить не только тщетную славу, но и бессмертие тому, кто ею правильно пользуется.

Эннодий не раз говорит, что красноречие предоставлено людям в качестве божественного дара [20, р. 299]. Один из гимнов Эннодия, а именно написанный в честь праздника Пятидесятницы, собственно, открывается этим тезисом, который, таким образом, превращается у него в программное заявление: «Это и есть высший дар, / что язык служит языкам» (*Ennod. Op. 344, v. 1–2*)¹. Но, как и любой дар, красноречие, дарованное Богом, требует ответного дара в виде хвалы Господу, что особенно ярко выражено Эннодием в гимне Киприану Карфагенскому, где он следующим образом описывает святого-проповедника: «Он был ярк в словах / богат необыкновенной речистостью, / валы бурлящего потока / и стрелы, пущенные из лука, / одолевая ис-

---

¹ Et hoc supernum munus est / quod lingua linguis militat.

кусной речью; / богатство досточтимой души / он, по праву, вернул Христу» (*Ennod. Op. 343, vv. 6–12*)¹. То есть правильное использование красноречия — это обращение его на пользу проповеди.

Четыре строки рассматриваемой эпиграммы рисуют портрет Амвросия-проповедника, который, как видим, использует в разговоре с паствой и модуляцию голоса, и жесты: «Он [то] жестом наставлял людей, сдержанно и тихо, / [то] взором испепелял, повергая наземь и браня. / Серьезные проступки он осуждал громогласно, / а незначительную вину преследовал, храня молчание» (*vv. 7–10*)².

Два финальных дистиха эпиграммы, представляя Амвросия в качестве воина Христова, препоясанного мечом и настолько защищенного крепкой броней, что змея не может ужалить его, не только показывают святого, преисполненного добродетелей, но и, как кажется, вновь возвращают нас к образу святого-проповедника. Если под броней, защищающей сердце святого, можно понимать его веру и добродетели, то под мечом, рубящим пороки, очевидно, подразумевается его язык, посредством которого Амвросий боролся с грехами. В этой связи можно еще раз вспомнить строки из гимна Киприану, где Эннодий пишет о карфагенском епископе как о сокрушающем грехи посредством песни (*peccata rumpens carmine, Ennod. Op. 343, v. 17*), а также из гимна самому Амвросию, где медиоланский святитель устами исторгает добычу из пасти змея (*Ennod. Op. 346, vv. 16–17*). То есть речь может идти не только о внутренней борьбе святителя с собственными искушениями, но и о сражении за паству посредством сокрушающей всякий грех проповеди.

Спустя некоторое время после создания эпиграмм в честь медиоланских епископов Эннодий берется за написание гим-

---

¹ *Dictis fuit praeifulgidus / et ore dives unico, / torrentis undam gurgitis, / incompacta cornu spicula / sermon vincens promptulo, / opes verendi pectoris / qui iure Christo reddidit.*

² *Distinctum gemmis ore parabet opus. / Instituit populous gestu probitate pudore, / fovit respiciens perculit admonuit. / Vocis ut officium postrema pericula poscunt, / sic teneras culpas qui tacet insequitur.*

нов¹, в которых он воспроизводит амвросианскую гимнографическую модель с ее акаталектическим ямбическим диметром [10, р. 626; 24, р. 126; 9, р. 125–129; 16, р. 239; 19, р. 419]. Из двенадцати гимнов Эннодия восемь посвящены святым: два — святым общехристианским, а именно Деве Марии и Первомученику Стефану, еще два — Киприану Карфагенскому и Мартину Турскому, почитание которых в V в. вышло далеко за пределы их епархий, четыре же — святым, так или иначе связанным с Медиоланом (Назарию, Евфимию, Дионисию и Амвросию). Последние из упомянутых гимнов особенно интересны, поскольку они свидетельствуют, как и эпиграммы, рассмотренные выше, о формировании в Медиолане раннего Средневековья особой, построенной на культе местных святых, идентичности. Эннодий, по сути, выстраивает историю медиоланской церкви от принявшего мученическую смерть во времена Нерона Назария до своего современника епископа Лаврентия, которых также удостоивается со стороны Эннодия изысканной речи, произнесенной на день рождения (*Ennod.* Op. 2). Амвросий же, удостоенный двух поэтических текстов (эпиграммы и гимна), оказывается некоторой связующей фигурой, завершающей один этап истории медиоланской церкви и открывающей другой.

Гимн Амвросию, о котором пойдет речь далее, в переводе звучит следующим образом:

Гимн святому Амвросию
(Op. 346 = Carin. I, 15)

- 1 На небо возносят Амвросия
Имя, честь и деянья.
Здесь ни к чему красноречье,
Всякий дар его — дар его нравов.
- 5 Не за чем сильному помощь —
Своим защищен он оплотом.

---

¹ Подавляющее большинство сочинений Эннодия невозможно датировать, но Ф. Фогель, попытавшийся в своем издании выстроить труды будущего епископа Павии в хронологической последовательности, публикует гимны после «Панегирика Теодориху», написанного, скорее всего, ок. 507 г.

- В плоти живя, ничего не имел он от плоти,
Царственный ум в его теле
- Ниспровергал все соблазны.
10 Так он и жил — не ради себя,
Но всецело для Бога.
Равный апостолам он
- Возвратил из изгнания веру.
Славу «свидетелям» воздал
15 Лавром цветущего слога.
Силою уст исторгал он добычу
- Из пасти свирепого змея.
Битвы ведет он Христовы,
Мечи его — полные страха.
20 Жив он и помощь дает из могилы,
Церкви кормило держащий.
Яда Юстина лишилась,
Кара пророку вернулась наградой.
Помни, о свет, про престол твой,
- 25 Путь укажи, о святой, вслед идущим,
Славным отцом защищенным,
Вождь безмятежного дома не трепетал
Чтобы в облаке скрытый,
- Тот, кто есть пастырь жрецов,
30 Кто все изгоняет, что красит,
Правит кто стадом владык,
Кто есть учитель учащих.

Знакомство с текстом гимна показывает, что Эннодий не просто пишет портрет святого, используя для этого язык агиографии, но знал историю Амвросия, возможно, читая его житие, написанное Павлином. В 23 строке гимна упомянута императрица Юстины, защищавшая арианство, козням которой Павлин посвящает несколько отрывков жития (*Paul. Vita Ambr.* 11–15). Эннодий прямо говорит о победе святителя в том противостоянии с регентшей Валентиниана II, но вовсе не упоминает о ее принадлежности к арианству, возможно, не желая заострять этот вопрос в условиях остготского правления. И вновь, как и в эпи-

грамме, Эннодий оставляет вне прославления чудеса¹, сотворенные святителем и рассказанные Павлином, и все внимание сосредоточивает на пастырском служении Амвросия, его борьбе с ересью, проповедях, а также подчеркивает место Амвросия в медиоланской церкви.

Первое же двустипхие гимна предлагает читателю некоторую сумму достоинств святого, которые выражаются в трех словах второй строки: «На небо возносят Амвросия / имя, честь и дело» (*Ennod.* Ор. 346, vv. 1–2)². Первым словом (*nomen*) Эннодий, очевидно, намекает на этимологию имени Амвросия, происходящего от греческого существительного *ambrosia* (пища богов), вторым — на его аристократическое происхождение (*honor*) и, наконец, третьим (*actio*) — на неустанное радение о пастве. Благодаря этой деятельности и тому, что «жил он не ради себя, / а всецело ради Создателя своего» (vv. 10–11), Амвросий, как пишет дальше Эннодий, оказался достойным преемником апостолов (*adiectus hinc apostolis*, v. 12); он также воин Христов, «который ведет битвы Христовы» (*qui bella Christi militat*, v. 18) и даже после смерти продолжает оказывать помощь своей церкви (v. 20).

Так же, как и в эпиграмме, в гимне далеко не в последнюю очередь прославляются красноречие и ученость пастыря. В четвертой строфе гимна Эннодий после слов о том, что Амвросий вернул изгнанную веру (намек на победу над арианством), говорит об ораторском могуществе епископа: «Он воздал триумф мученикам³ / лавром полного силы языка. / Устами он вырвал добычу / из пасти свирепого змея» (vv. 14–17)⁴. Первую из приведенных строк, конечно, можно понимать не столь однозначно. Если Эннодий все-таки ориентировался на

---

¹ Молчание Эннодия по поводу чудес святого отличает его гимны в том числе и от гимнов самого Амвросия, не забывавшего упомянуть, например, об исцелениях, совершенных Протасием и Гервасием. См. об этом гимне исследование Ю. О. Ситарской [6].

² *Caelo ferunt Ambrosium / Nomen honor vel actio.*

³ Мы сочли, что в поэтическом переводе более удачным будет использовать для слова *martyr* его исходное значение — «свидетель».

⁴ *Dixit triumphos martyrum / Linguae virentis laureis. / Hic ore praedam sustulit / De fauce serpentis feri.*

житие, написанное Павлином, то триумф мучеников во времена Амвросия связан прежде всего с обретением мощей Протасия и Гервасия (*Paul. Vita Ambr.* 14, 1), строительством в городе базилики, куда были перенесены мощи мучеников Виталия и Агриколы (*Paul. Vita Ambr.* 29, 1). Но далее Эннодий явно акцентирует внимание на ораторских (и поэтических?) талантах святителя, так что, скорее всего, под «воздаянием триумфа» подразумевается все-таки написание гимнов мученикам¹.

Говоря о прославлении Амвросием мучеников, Эннодий переносит внимание с самого мученического подвига, на духовный смысл памяти о нем. Рассказ о мученичестве становится не менее важен, чем само мученичество; прославление мучеников обеспечивает земное бессмертие как им самим, так и певцу, чей литературный гений помогает обессмертить подвиг мучеников за веру.

В этих же строках Эннодий показывает, что важнейшим оружием пастыря является его способность наставлять словом: не с помощью чудес, но силой слова он одолевает змея, и не случайно Эннодий говорит о языке святого как о «полном силы», «расцветающем» (*virens*). Упоминание же в характеристике языка Амвросия лавра, традиционно служившего атрибутом Аполлона, превращает медиоланского епископа в настоящего античного песнопевца.

Наконец, обращают на себя внимание финальные слова гимна, где Эннодий, суммируя все сказанное прежде, восклицает: «учитель тех, кто учит» (*magister est docentium*, v. 32). Таким образом, Амвросий для слушателей гимна становится не просто кормчим Церкви (*clavum tenens ecclesiae*, v. 21), но и учителем, который и сам силой слова сражался с врагами веры, и наставил в этом других. Краткость гимна и возникающая в результате этого двусмысленность некоторых фраз позволяют отнести эти слова про учительство, как и всю последнюю строфу, не к Амвросию, а к Богу: Он «пастырь жрецов... пасет стадо владык, / Он учитель тех, кто учит» (v. 31–32). Но даже если в данном случае Эннодий славословит Бога, это лишь усиливает его мысль о божественном происхождении учительства и красноречия.

---

¹ Об этих гимнах см. статью М. Р. Ненароковой: [2, с. 30–31].

В связи с гимном Амвросию хотелось бы коснуться еще одной важной идеи, выраженной Эннодием. В 20 и 21 строках медиоланский диакон пишет, что святитель, «будучи погребенным, жив и помогает, / Церкви кормило держащий»¹. Эннодий не только воспроизводит в данном случае общую мысль о святом как о незримом небесном спутнике, но и превращает Амвросия в небесного главу медиоланской общины, по-прежнему ведущего корабль своей церкви в спасительную гавань. Именно к нему он обращает призыв «снаряди, святой, последователей, / укрепленных славным вдохновителем» (vv. 25–26). С. Жиоанни, видящий в последней строфе все-таки Амвросия, а не Христа, воспринимает весь этот гимн как свидетельство эволюции модели святости в связи с институализацией Церкви: Эннодий прославляет «рациональное» поведение епископа, ставшего носителем высшей власти в своем городе, где находится его престол и откуда он руководит в том числе сильными мира сего [16, p. 42]. Таким образом, Эннодий вносит свой существенный вклад в формирование памяти об Амвросии, тесно слитой не столько с вселенской, сколько именно с медиоланской церковью [11, p. 19] и превращающей ее в церковь Амвросия.

Подводя итог, хотелось бы сделать три замечания.

Первое. В эпиграмме и гимне Амвросию Медиоланскому Эннодий ориентирует своего просвещенного читателя на то новое понимание святости, которое сложилось в южно-галльской (по преимуществу связанной с леринской традицией) агиографической литературе V в. Для времени, когда подвиги мучеников ушли в прошлое, а Церковь стала играть важнейшую роль в социальной жизни, актуальным становится тип священнослужителя, всецело отдающего себя повседневным заботам паствы и вместе с тем паству эту наставляющего. Одним из образцов такого пастыря у Эннодия становится Амвросий, который, не приняв венца мученика, удостоивается небес благодаря своей безупречной жизни и всемерной заботе о Церкви, ведя устами своими борьбу за души верующих и религиозную истину.

Второе. Созданный в эпиграмме и гимне «портрет» Амвросия вполне соотносится с идеалом церковного пастыря у Эн-

---

¹ Vivit sepultus et iuvat / Clavum tenens ecclesiae.

нодия. Так, в гимне Киприану он представляет карфагенского епископа не столько мучеником, сколько церковным оратором, который «превращает виновных в блаженных, / грехи сокрушая песнею» (*facit beatos ex reis, / peccata rumpens carmine, Ennod.* Op. 343, vv. 16–17), и чье слово в сочетании с добродетелями гарантировало ему бессмертие [10, p. 659–662]. Или можно вспомнить письмо Эннодия, отправленное Цезарию Арелатскому, в котором он поет славу своему собрату, соединившему в себе умение наставлять посредством слова и примера прихожан и ораторские способности: «Блажен ты, кому дано от Бога учить увещеваниями и примерами. Постоянно шествуя впереди, ты показываешь остальным прямой путь благочестия. Когда ты говоришь, кто не стремится узнать [из твоих уст] больше, чем из книг? Направляя талант свой к написанию книг, ты просвещаешь даже учителей (*magistros*): сколь бы великим ни был писатель, он обязан тебе, ибо ты одарил его своим красноречием. Соединились в тебе луч слова и [луч] дела» (*Ennod.* Op. 461, 5) [7, с. 64]. Как видим, Эннодий, говоря о том, что Цезарий просвещает даже учителей, воспроизводит свое суждение, высказанное в гимне Амвросию: *magister est docentium*.

Третье. Если все-таки ограничиться фигурой Амвросия, то надо сказать, что, несмотря на усердие Павлина, представившего своего патрона и пастырем, и чудотворцем, и проповедником, и воином Христовым, для римских аристократов, достигших успеха в остготской Италии благодаря своим риторским дарованиям, Амвросий оставался прежде всего искусным оратором, положившим свой талант на алтарь Церкви. Спустя полвека Эннодию будет вторить Кассиодор, дав краткую характеристику епископу Медиолана, в которой на первое место поставил писательский и проповедческий дар Амвросия: «святой Амвросий — ручей сладостного красноречия, весьма пронизательный, поражающий несокрушимостью убеждений, чье учение было созвучно жизни, поскольку Божественная благодать благоволила к нему в немалых чудесах» (*Cassiod.* Inst. I, 20).

Библиографический список

1. *Бабина А. А.* Чудеса как элемент модели святого-патрона в галльской агиографии IV–V вв. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново, 2022. № 1. С. 85–94.

2. *Ненарокова М. Р.* Поэзия святителя Амвросия Медиоланского: к истории возникновения амвросианского гимна // *Современные тенденции развития науки и технологий.* 2015. № 3–6. С. 20–33.

3. *Павлин.* Житие свт. Амвросия / пер. Д. Е. Афиногенова // *Святитель Амвросий Медиоланский.* Собрание творений на латинском и русском языках. Т. 1. М., 2012. С. 58–109.

4. Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков / отв. ред. С. С. Аверинцев и М. Л. Гаспаров; сост. Щ. Е. Нестерова. М., 1998. 474 с.

5. Поздняя латинская поэзия / сост. и вступ. ст. М. Гаспарова. М., 1982. 719 с.

6. *Ситарская Ю. О.* Гимн мученикам Гервасию и Протасию свят. Амвросия Медиоланского в контексте традиций почитания мучеников на Востоке и Западе в IV веке // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2017. № 2(36). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4355>

7. *Тюленев В. М.* Эннодий и Цезарий Арелатский // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* Вып. 6. Иваново, Изд-во ИВГУ, 2014. С. 60–67.

8. *Тюленев В. М.* Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // *Средние века.* Вып. 82(1). М., 2021. С. 151–165.

9. *Alfonsi L.* Ambrogio in Ennodio // in: *Ambrosius episcopus. Atti del Congresso Internazionale di studi ambrosiani nel XVI Centenario della elezione di sant’Ambrogio alla cattedra episcopale (Milano 2–7 dicembre 1974) / a cura di G. Lazzati.* Milano, 1976. Part 2. P. 125–129.

10. *Bordone F.* Ennodio e la conversione dell’eloquenza. L’hymnus sancti Cypriani (carm. 1.12H=343V) // *Athenaeum. Studi di Letteratura e Storia dell’Antichità.* Vol. 101/2. Pavia, 2013. P. 621–667.

11. *Boucheron P., Gioanni S.* Introduction. Gouverner, prier et combattre avec les Pères en Italie (Ve–XVIIIe siècle). Pour une histoire politique de la mémoire d’Ambroise // *La mémoire d’Ambroise de Milan. Usages politiques d’une autorité en Italie (Ve–XVIIIe siècle) / ed. P. Boucheron et S. Gioanni.* Paris, 2015. P. 7–27.

12. *Collins S.* From Martyrs’ Cults to Confessors’ Cults in Late Antique Milan: The Mosaics of San Vittore in Ciel d’Oro // *Journal of Late Antiquity.* Vol. 5. № 2. 2012. P. 225–249.

13. *Di Rienzo D.* Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio. Napoli, 2005. 265 p.

14. *Ennodius M. F.* Opera / rec. F. Vogel // *MGH AA.* Bd. 7. Berlin, 1885. LXIII+420 p.

15. *Ennodius*. Opera omnia / rec. G. Hartelius // CSEL. Vol. 6. Wien, 1882. LXXXII+722 p.

16. *Gioanni S.* Augustin, Paulin, Ennode et les origines de la mémoire d'Ambroise (Ve–VIe siècles). Une nouvelle fondation de l'Église de Milan? / a new foundation of Milan Church? // La mémoire d'Ambroise de Milan. Usages politiques d'une autorité en Italie (Ve–XVIIIe siècle) / ed. P. Boucheron et S. Gioanni. Paris, 2015. P. 235–252.

17. *Mulligan B.* The Poetry of Ennodius: Translated with an Introduction and Notes. Routledge, 2022. 266 p.

18. *Mondin L.* La poesia nel tempo della vendemmia: Ennodio, carm. II 67 = 188 V. // Incontri di filologia classica. Vol. XIV. 2014/2015. P. 135–165.

19. *Mondin L.* La misura epigrammatica nella tarda latinità // Epigramma longum. Da Marziale alla tarda antichità. From Martial to Late Antiquity, Atti del Convegno internazionale, Cassino, 29–31 maggio 2006 / a cura di A.M. Morelli. Cassino 2008. T. II. P. 397–494.

20. *Prontera A.* La *laus litterarum* di Ennodio (dict. 12 = 320V.): appunti per un commento // Incontri di filologia classica XVII (2017–2018). P. 293–325.

21. *Prinz F.* Cassiodor und das Problem christlicher Aufgeklärtheit in der Spätantike // Historische Zeitschrift. Bd. 254. Heft. 3. 1992. S. 561–580.

22. *Schröder B.* Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert: Studien zum Mailänder Diakon Magnus Felix Ennodius. Berlin: De Gruyter, 2007. XI+399 S.

23. *Urlacher-Becht C.* La place de la morale dans les épigrammes satiriques d'Ennode de Pavie // Les Lieux de l'épigramme latine tardive: vers un élargissement du genre / ed. L. Furbetta, C. Urlacher-Becht. 2020. p. 189–207.

24. *Urlacher-Becht C.* Les Hymnes d'Ennode de Pavie: un „Noeud inextricable“? // Atelier de Traduction. Vol. 9. 2008. P. 125–136.

25. *Vocino G.* Bishops in the mirror. From self-representation to episcopal model: the case of the eloquent bishops, Ambrose of Milan and Gregory the Great // Religious Franks: Religion and power in the Frankish Kingdoms: Studies in honour of Mayke de Jong / eds. by R. Means, D. van Espelo. Manchester University Press, 2016. p. 331–349.

26. *Wasył A. M.* Genres rediscovered: Studies in latin miniature epic, love elegy, and epigram of the Romano-Barbaric Age. Jagiellonian University Press, 2011. 290 p.

А. А. Казакова
(Иваново)

КАССИОДОР. ВАРИИ XI, 1. ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ

Публикация представляет собой перевод первого письма из одиннадцатой книги «Варий» Флавия Кассиодора. Важность этого послания определяется несколькими причинами. С одной стороны, оно служит определенным панегириком королеве Амаласунте, с другой — послание демонстрирует пример выстраивания политической программы Кассиодора. Насыщенное многими историческими аллюзиями, оно является важным источником для изучения образа власти в Остготской Италии. Работа сопровождается предисловием и комментарием.

Ключевые слова: Остготская Италия, Кассиодор, Варии, Амаласунта.

Представленное ниже послание Флавия Кассиодора открывает XI книгу его «Варий» и представляет особый интерес для исследования прежде всего образа политической власти Остготской Италии. Этот образ, конструируемый Кассиодором на протяжении всего сборника, в данном письме особенно ярко выражает ту политическую программу, которую префект претория развивал к началу правления Амаласунты. С одной стороны, он стремится показать преемственность остготской королевы традиционно римским идеалам, а с другой — не может не обращать внимания на ее готское происхождение. Автор послания стремится связать оба этих аспекта в систему, некоторые элементы которой мы рассмотрим ниже.

По всей видимости, письмо должно было выполнять несколько задач. Первая из них — представить Кассиодора римскому сенату при его вступлении в должность перфекта претория. Несмотря на то, что в самом «знакомстве» сената с Кассиодором не было необходимости, так как политическая карьера автора послания началась еще при Теодорихе Великом, новая должность предполагала формальное приветствие, которому

автор и посвящает первую часть своего письма. По мнению М. А. Виньо, эта первая часть послания выходит за рамки обычной для античной эпистолографии салютации. Как правило, преамбула и начало (*exordium*) направлены на то, чтобы привлечь внимание читателя и не имеют существенного значения для текста письма. В данном же случае Кассиодор напрямую касается своего назначения, которое, на первый взгляд, кажется даже предметом всего послания, чтобы быстро перейти, начиная с четвертого абзаца, к похвале Амаласунте. Таким образом, это не совсем классическое введение позволяет автору правильно включить в свое письмо панегирик, не пренебрегая его предложением, то есть достижением префектуры, которым он в то же время подтверждает свою легитимность перед сенатом [4, р. 28]. Это введение скорее является «декларацией принципов совершенно нового префекта», модель которого напоминает модель *gratiarum actio*, которую мы находим, например, у Плиния Младшего или Авсония после их назначения консулами [4, р. 26].

В остальном структура послания носит достаточно классический характер. По мнению М. А. Виньо, текст Кассиодора можно разделить на шесть разделов. Первая часть — *captatio benevolentiae*, адресованная сенату (§§ 1–3), за которой следует восхвалением королевы, разделенное на четыре части в соответствии с добродетелями Амаласунты, которые префект хочет подчеркнуть: умеренность (§§ 4–5), мудрость или благоразумие (§§ 6–10), мужество (§§ 10–14) и справедливость (§§ 15–18) [4, р. 26–27]. Все эти добродетели так или иначе входят в круг традиционных, и ведут свое начало от сочинений Эсхила, Платона и Аристотеля. Важно подчеркнуть, что Кассиодор не просто перечисляет благородные качества¹ королевы, но и пытается обосновать их существование. Таким образом, послание схоже по

---

¹ Хотя в послании перечислено гораздо больше характеристик Амаласунты, Виньо, как и другие исследователи, замечают, что Кассиодор акцентирует свое внимание именно на 4 перечисленных выше. В целом можно отметить следующие определяющие королеву качества: *aequitas, pietas, benignitas, fortitudo, animi firmitas, sapientia, prudentia, constantia*. [См. также: 5, р. 25–26].

жанру с панегириком и соответствует традиции панегирика Сидония Аполлинария Теодориху II и Эннодия Теодориху Великому, и, как и последний, направлен на установление статуса королевы как *princeps regum*. Тем самым автор ставит ее выше других правителей Запада. При этом М. А. Виньо акцентирует внимание на том, что хотя тема восхваления Амаласунты кажется на первый взгляд далекой от продвижения Кассиодора по службе, через регентшу он наконец приближается к нескольким ключевым понятиям своей политической программы, в частности, к идее примирения и гармоничного сосуществования римского народа и остготов. Именно стремление подтвердить легитимность власти Амаласунты и составляет для Кассиодора вторую задачу письма.

Например, в 8–9 отрывках речь идет об умеренности Амаласунты, которая некоторым «кажется праздною» (§ 8). Этот тезис опровергается Кассиодором: ведь молчание королевы выражает не ее безразличие, а, наоборот, показывает ее сдержанность и умение тщательно обдумать предстоящие дела. Примерно такой же принцип действует и в отношении других добродетелей, причем, по всей видимости, было важно именно доказать состоятельность королевы как правителя, а не просто перечислять множество ее качеств. Пример с умеренностью Кассиодор подкрепляет исторической аллюзией к Галле Плацидии, которая в отличие от его героини не смогла справиться с властью, потому что «небрежно управляла» (§ 9) своей империей. Но интересно здесь не только само противопоставление Галлы и Амаласунты и их качеств, но и то, что это единственный классический римский пример во всем послании. Кроме того, Кассиодор возвышает именно Амаласунту, которой приписывает римские качества, а не Галлу, которая была римлянкой по происхождению.

Особенно отчетливо заметна подробность и доказательность перечисления качеств Амаласунты в отношении отрывка про ее образованность (§ 6–7). В данном случае королева не просто проявляет истинно римские качества, но и превосходит их: она не только славится богатством родной речи, но и исполнена яркостью аттического красноречия. При этом такое искусное знание языков не просто пассивно украшает королеву, но

позволяет ей, например, не тратить времени на переводчиков. Все это, соединяясь с прекрасным знанием наук, позволяет ей сохранять в себе мудрость предков; таким образом добродетели Амаласунты не просто существуют в ней изолированно, но переплетаются друг с другом.

Заканчивается послание восхвалением (практически «воскрешением») предков королевы и эпилогом (§§ 19–20), который снова обращен к сенату [4, р. 26–27]. Кассиодор уделяет много внимания историческим аллюзиям, что достаточно типично для сочинений этого времени. Как и панегирик Теодориху Великому, составленный Эннодием, данное послание выполнено в традиции произнесения хвалебных речей правителям Рима, а соответственно в нем обнаруживаются общие риторские приемы, в том числе — использование сравнений адресата панегирика с мифологическими и историческими персонажами прошлого [6, с. 168–173]. Прославление Амаласунты происходит исключительно через готских предков, здесь уже нет примера, подобного ранее упомянутому с Галлой Плацидией. Кассиодор здесь формирует на уровне риторики новую политическую и историческую реальность, в которой готское прошлое занимает свое законное место. Всех предков автор наделяет одной добродетелью, которые частично перекликаются с уже названными: «Амал отличался благополучием, Острогота терпением, Атала кротостью, Винитарий справедливостью, Унимунд красотой, Торизмут целомудрием, Валамер верностью, Теудимер благочестием», а Теодорих мудростью (§ 19). В данной, практически заключительной части, уже нет попытки доказать, что все перечисленные герои действительно обладали перечисленными качествами. Сложно сказать, почему Кассиодор не уделяет этому внимания: скудность информации о самих исторических личностях, боязнь перевести фокус с Амаласунты на ее предков или нежелание посвящать римских сенаторов в готскую историю. Тем не менее, само это перечисление и соотношение Амаласунты с этими качествами ее предков, каждое из которых присутствует в ней, говорит о стремлении Кассиодора возвысить ее среди готов. Кроме того, для Кассиодора важно было примирить римлян и готов, поэтому Амаласунта неизбежно должна была

стать воплощением, с одной стороны, римских добродетелей, с другой стороны, наследницей готской славы.

Мы не стали акцентировать внимание на знаменитом отрывке последней части письма, в котором он ставит ее пример выше всей мужской славы (§ 19). Во-первых, гендерным аспектам власти Амаласунты в литературе посвящено достаточно внимания [см.: 2, р. 133–134], а во-вторых, невозможно составить глубокий анализ этой составляющей ее власти только на основании представленного ниже послания. Тем не менее, М. Витиелло, например, обращает внимание на то, что данное возвеличивание королевы среди мужчин было направлено на то, чтобы подходящим способом оправдать использование ею королевской власти в готском мире, где традиции требовали правителей-мужчин. Ее власть обрела легитимность через ее предков. Кроме того, любое сравнение с недавними императрицами или особенно с Феодорой было бы неуместно и уж точно политически опасно [5, р. 27–29].

Перевод выполнен А. А. Казаковой под руководством В. М. Тюленева по изданию *Cassiodori Senatoris Variarum* // MGH T. XII: *Auctores antiquissimi* / Rec. T. Mommsen. Berlin. 1894. S. 327–330.

Сенату города Рима Сенатор префект претория

[1] Вы делаете ценным для меня, отцы сенаторы, мое возвышение, коль скоро я увижу, что оно было желанно вам. Ибо я верю, что самым благополучным образом случилось то, чего, как известно, желали столь многие счастливые [люди]. Ибо очевидно, что желания ваши — предзнаменование всех благ, ибо никто не может получить одобрение столь великих [людей], если прежде божественная власть не обеспечит ему возвышение. Окажите же [мне свою] милость, чтобы обрести послушание. Любить коллегу — в природе вещей. Более того, вы добавляете себе славы, когда радуетесь чести, оказанной сенатору.

[2] Пусть забота сенаторов неустанно влечет меня к государственной пользе, чтобы я еще больше услышал слов вашего одобрения, когда преуспею в такого рода хлопотах. Второй заботой моей является посвятить себя после государей вам, поскольку мы уверены, что вам угодно то же, что, как мы знаем,

приказывают владыки¹: прежде всего, чтобы мы считали полезным то, что достойно уважения; чтобы наши действия всегда сопровождалось, словно служанкой, справедливостью, и чтобы мы никому не продавали позорным образом то, что не купили у нашего добродетельного государя.

[3] Вы уже слышали, виднейшие мужи, из похвал мне, какое бремя забот я взял на себя². С того особый спрос, кто удостоивается прославления при восхождении на вершину почета. Мы не смеем назвать эти [хвалы] лживыми, но признаем, что они преувеличены: ибо такие оценки не открыли [моих] достоинств, но создали их. В самом деле, мы не похвалимся ими, понимая, что наши владыки хотели возвысить наши скромные [достижения], чтобы не показалось, что такие великие почести оказываются тем, кто их не заслуживает. Влекут нас блага времени, достойного прославления, и, словно жаждущих после долгой засухи, призывают нас сделать глоток [напитка] сладчайшего вкуса.

[4] О счастливая удача [нашего] века! При короле³, пока он лишен забот, правит материнская нежность, благодаря которой совершается все таким образом, что мы чувствует, как любовь ее достигает всех нас. Ей выказывает славное послушание тот, кому все подвластно, и с восхитительным благоразумием, прежде чем получить возможность править над людьми, начал управлять своими нравами. Это, конечно, самый трудный род правления для молодого человека — управлять собственными страстями. Это довольно редкое благо для владыки торжествовать над нравами и достигать сего в цветущем возрасте, чего, как думается, с трудом достигает седая умеренность.

---

¹ В данном случае Кассиодор использует термин *dominos nostros* и по всей видимости под владыками подразумевает Амаласунту и Аталариха. Если бы речь шла об императоре и его супруге, весьма вероятным было бы использование терминов *Augustus, imperator* или *principum* (как например в Var. XI, 13, адресованному Юстиниану).

² Букв.: «какое бремя забот я, удостоенный похвалы (*praedicatus*), принял на себя». Ср. с посланием, написанным от имени Аталариха римскому сенату: *plenum magnis honoribus Senatorem* (Var. IX, 25, 1).

³ Имеется в виду Аталарих, ставший правителем в 526 году.

[5] Возрадуемся же, отцы сенаторы, и возблагодарим в молитвенном благоговении высшее могущество¹ за то, что по прошествии времени не составляет труда проявлять милосердие для нашего короля, научившего в младенческие годы сохранять благочестие. Но давайте припишем это чудо нравам их обоих, ибо дух матери (*genius maternus*) столь велик, что даже чужеземный правитель по праву должен ей подчиняться².

[6] Ибо все царства благоговейно перед нею, видеть ее — это почетно, слышать, как она говорит, — чудо. Ибо в каком языке она не показывает себя ученойшей? Она исполнена яркости аттической велеречивости; сияет великолепием римского красноречия; славится богатством родной речи: она превосходит всех в их собственных [языках], будучи одинаково восхитительной во всех. Ибо если свойством образованного [человека] является хорошее знание родного языка, то как можно оценить ту премудрость, которая, постоянной используя, владеет столькими видами красноречия?

[7] Отсюда приходит различным народам необходимая и великая польза, ибо в присутствии³ образованнейшей госпожи никто не нуждается в переводчике. Ибо ни посол не страдает от какой-либо задержки, ни встречающий его не терпит ника-

---

¹ Используя оборот *supernae maiestas*, Кассиодор явно имеет в виду Бога, говоря о величии небес, но, возможно, в нем также можно увидеть намек на Амаласунту, величие, лежащее выше (*superna*) Аталариха. Термин *maiestas* действительно часто используется в «Вариях» как именование Бога. Однако есть два случая, когда он относится к королевской семье остготов (Var. III, 27, 2; IX, 18, 2). Этот намек тем более вероятен, что в следующем предложении, которое начинается с похвалы Амаласунте, Кассиодор использует в отношении королевы относительное местоимение, как если бы он уже упоминал ее ранее, когда это не так [4, р. 29–30].

² Интересный взгляд на позицию Амаласунты по отношению к Юстиниану до смерти Аталариха представлен в переводе «Варий» на английский язык, предпринятом ещё Шейном Бьорнли. По его мнению, если правление Теодориха понимать в истинно имперской традиции, его назначение Зеноном сделало его наследников в некотором смысле по статусу выше Юстиниана [1, р. 427].

³ Букв.: «у ушей образованнейшей госпожи».

кого ущерба из-за медлительности переводчика, когда и тот, и другой использует в речи своей родные слова и ответ получает на родном языке. Ко всему этому добавляется словно драгоценная диадема знание наук¹, благодаря которому по мере познания мудрости древних, постоянно возрастает королевское достоинство.

[8] Но хотя она наслаждается таким совершенным знанием языков, в государственных делах она столь молчалива, что кажется праздною. С помощью нескольких слов она разрешает запутанные споры; проявляя сдержанность, останавливает горячие войны; бесшумно творит государственное благо. Не успеваешь услышать, как на твоих глазах уже что-то делается, и с удивительной умеренностью незримо дает то, что, как она знает, не терпит промедления.

[9] Удостоилась ли чего-то подобного почтенная древность? Мы узнали, что Пластиция², известная во всем мире, славная родством с несколькими императорами, радела о своем сыне, облаченном в пурпур, чья империя постыдно уменьшилась из-за того, что она небрежно управляла ею. В конце кон-

---

¹ Особо обращают на себя внимание слова Кассиодора о знании Амаласунтой греческого языка. Владение двумя языками (латинским и греческим) делало Амаласунту в глазах ее просвещенного современника фигурой исключительной, сопоставимой с лучшими представителями римской аристократии, а благодаря знанию еще и готского языка превосходящей их [7, с. 90].

² Подразумевается Галла Пластиция (PLRE II, Placidia, p. 888–889) — дочь императора Феодосия I, сестра императора Гонория. Рожденная в последние годы существования единой империи, после её окончательного распада в 395 году Галла осталась в Италии под опекой старшего брата, императора Гонория, и его полководца Стихиона. Во втором браке родила дочь Гонорию и сына Валентиниана, в малолетство которого управляла Западной Римской империей. Именно последнему сюжету посвящен экскурс. Видимо, основной целью упоминания истории Пластиции для Кассиодора является ее сопоставление с Амаласунтой, где последняя выглядит более выигрышно, так как в отличие от дочери Феодосия I, не только не допустила разделения государства, но и сделала Дунай римским.

цов, она приобрела себе невестку¹, потеряв Иллирик, и брак правителя был заключен ценой прискорбного разделения провинций. Он также изнежил войско чрезмерным покоем. Под опекой матери он вынес то, что вряд ли мог бы вынести, если бы был брошен ею.

[10] При сей же госпоже, у которой все предки были королями², войско наше с Божией помощью наводит страх на врагов. Сохраняющее стойкость³ благодаря благоразумного управлению, оно ни в частых войнах оно не истощается, ни в ходе долгого мира не ослабевает. Более того, в самом начале [царствования], когда постоянно хочется чего-то нового, она вопреки воле восточного императора сделала Дунай римским⁴.

[11] Известно, чего достигли захватчики, но я полагаю, что об этом следует умолчать, чтобы дух (*genius*) императора, нашего союзника, не испытывал стыда за поражение. В самом деле, что он думает о наших землях, можно понять из того, что, будучи уязвленным, он даровал мир, который он не хотел даровать другим, когда его о том умоляли. Следует добавить, что он удостоил нас таким множеством посольств при столь редких просьбах о них, и это исключительное могущество смирило восточное величие, чтобы сделать италийцев владыками.

[12] Даже франки, столь славные благодаря победам над варварами, насколько были приведены в смятение [нашим] великим походом!⁵ Когда они подверглись нападению, они побоялись вступить в бой с нашими [воинами], хотя постоянно завывали битвы с [другими] народами, внезапно нападая на них.

---

¹ Имеется в виду брак Валентиниана III с Лицинией Евдоксией, дочерью восточного императора Феодосия II.

² Букв.: «которая имела столько королей, сколько предков».

³ Кассиодор использует причастие *libratus* (букв. «уравновешенный», «взвешенный»), указывая на то, что войско благодаря разумной политике сохраняет баланс и не теряет боеспособности ни в ходе войн, ни во времена мира.

⁴ Это, вероятно, намекает на попытку восточно-римского императора Юстиниана I — он упоминается ниже как император-союзник — вернуть Паннонию в 528.

⁵ Кассиодор намекает на кампанию по изгнанию франков и бургундов из Южной Галлии после смерти Алариха II в 507 г.

Несмотря на то, что этот высокомерный народ отказался от противоборства, он тем не менее не избежал гибели своего короля. Ибо Теодорих¹, долгое время славившийся могущественным именем, умер к славе наших правителей, побежденный скорее в битве с недугом, я думаю, по божественному замыслу, чтобы войны между свойственниками не осквернили нас или чтобы войско, справедливо вступившее [в войну], не получило [повода к] какому-либо отмщению. Хвала тебе, исполненное счастья воинство готов, за то, что лишило жизни коронованного врага и не обрекло нас стать жертвой отмщения.

[13] Бургунд², чтобы вернуть своё, также стал преданным, целиком отдав себя, а взамен получив немного. Ибо он предпочел, оставаясь невредимым, повиноваться, нежели сопротивляться во вред себе, и тогда он надежнее защитил королевство, когда сложил оружие. Ибо мольбой он вернул то, что потерял в бою. Блаженна ты, владычица, в многочисленных похвалах, Божественное благоволение которую лишает всякой необходимости в войне, поскольку ты либо побеждаешь врагов государства посредством небесной милости, либо присоединяешь их к своей империи по собственной щедрости.

[14] Радуйтесь, готы, равно как и римляне: достойно удивления то, о чем все говорят. Смотрите, с помощью Божией, счастливая владычица достигла того, что отличает оба пола: ибо родила она для нас славного короля и твердостью духа уберегла обширнейшую империю.

[15] Все это, конечно, как бы о том ни шла речь, касается войны. Но если мы хотим проникнуть в чертог ее благочестия,

---

¹ Это может быть Теодорих I, старший сын Хлодвига, который унаследовал Франкское королевство Австразия в 511 году и пытался вернуть Готскую Галлию перед своей смертью в 533 году. Он же упоминается в рассказе Григория Турского. Ср.: *Greg. Hist.* III, 21; III, 23.

² Вероятно, «бургунд» в данном случае служит скорее именем нарицательным и обобщает народность бургундов, нежели какого-то конкретного. Тем не менее под описанные Кассиодором события может подходить и Годомар, сын Гундобада; его королевство бургундов было включено в состав франкского королевства в 534 году, через год после того, как Кассиодор стал префектом претория.

то едва ли нам хватило бы ста языков и ста уст¹. Хотя справедливость и рвение равны в ней, однако доброта ее превосходит могущество. Поэтому мы скудно скажем о значимом, и немного о многих [ее достоинствах]. Вы знаете, сколько благ она по щедрости небесной даровала нашему чину: в чем нет никаких сомнений, ибо сенат — сам тому свидетель. Пострадавших она возвратила в лучшее состояние, не пострадавших возвысила в почестях, одарила благами по отдельности всех, кому оказывала общее покровительство.

[16] То, что мы защищаем, уже произошло. В самом деле, посмотрите на патриция Либерия², а также префекта Галлий, военного мужа, заслужившего всеобщего признания, сияющего достоинствами, красивого обликом, но более украшенного шрамами, добившегося наград за свои труды, так что даже префектура, которую он прекрасно исполнял, он не утрачивает, и удвоенная почеть украшает исключительного мужа. Ибо он получил нынешнее достоинство, чтобы не казалось, будто он, несмотря на свои заслуги перед государством, остается без наград, потому что долго не имеет их.

[17] О, удивительное благоволение владык, которое настолько возвысило вышеназванного мужа, что, дав ему фации, решило увеличить его наследие (*patrimonium*). Это было встречено всеми с такой радостью, что все полагали, будто подарок его скорее обогатил их самих, ибо то, что дается достойному [человеку], без сомнения воспринимается как вверенное многим.

Что же я скажу о твердости ума, которой она одерживает верх даже над достославными философами? Ибо исходит из уст владычицы доброе слово и надежное обетование.

---

¹ Ср. *Verg. Aen.* VI, 625.

² PLRE II, *Liberius* 3, p. 677. По всей видимости упоминание конкретного сенатора было необходимо для упрочения положения Амаласунты в сенате. Фигура Патриция Либерия, преданного чиновника, администратора и военного, но также посредника между готами и римлянами показывает, как такие достижения ценятся и вознаграждаются королевской семьей [4, p. 37].

[18] То, что мы говорим, отцы-сенаторы, в неменьшей степени мы испытали на себе. Истинный свидетель тот, кто хвалит [доброту другого], испытал [ее на себе]. В самом деле вам известно, какие усилия были направлены против меня, но ни золото, ни усердные просьбы не помогли, все это было испробовано, чтобы испытать достойное славы постоянство мудрейшей владычицы.

[19] Порядок речи требует взглянуть на славу древних императриц, сравнив и с нынешней [королевой]. Но каким образом может быть достаточно женских примеров для [характеристики] той, перед которой блекнет вся слава мужчин? Если бы королевская когорта предков узрела ее, они, словно в чистейшем зеркале, тотчас увидели бы славу свою. В самом деле, Амал отличался благополучием, Острогота терпением, Атала кротостью, Винитарий справедливостью, Унимунд красотой, Торизмут целомудрием, Валамер верностью, Теудимер благочестием, а мудростью¹, как вы уже видели, — ее прославленный отец². Все они, несомненно, признали бы здесь каждый в отдельности свои достоинства, но с радостью бы согласились, что она превосходит их, поскольку слава одного воистину не может сравниться с множеством ее достоинств.

[20] Подумайте, какая радость была бы у них от такой наследницы, которая смогла превзойти заслуги всех их. Возможно, вы хотите услышать отдельно о достоинствах правителя: вполне хвалит потомка тот, кто восславляет родителя. Кроме того, вспомните восхитительное высказывание красноречивейшего Симмаха: «Я с радостьюзираю на умножение его добродетелей и оставляю прославление их начал»³. Окажите услугу

---

¹ В оригинальном тексте перечисляются следующие качества: *felicitas, patientia, mansuetudo, aequitas, forma, castitas, fides, and sapientia*.

² Как известно, основным источником Иордана служила монументальная работа Кассиодора, поэтому скорее всего Кассиодор использует в этом отрывке собственные изыскания о роде Амалов. См. также: [3, str. 53–82].

³ Скорее всего Кассиодор имеет в виду Квинта Аврелия Симмаха, оратора и общественного деятеля, жившего во второй половине IV в. Цитируемый автором отрывок не сохранился.

мне, отцы-сенаторы, и от моего имени возблагодарите наших общих владык, исполнив мой долг к вашему удовольствию: ибо как один человек не в состоянии удовлетворить желания всех, так многие могут исполнить чаяния одного.

Библиографический список

1. *Bjornlie M. S.* The *Variae*. The Complete Translation. Oakland, 2019. 519 p.

2. *Cristina La Rocca.* Consorts regni: a problem of gender? The consortium between Amalasantha and Theodahad in 534 // *Gender and Historiography: Studies in the earlier Middle Ages in honour of Pauline Stafford*. 2012. P. 127–144.

3. *Gračanin Hrvoje.* Odabrane Kasiodorove poslanice o ženama // *Latina et Graeca*. Vol. 2. No. 36. Zagreb, 2019. str. 53–82.

4. *Vigneau M.-A.* Cassiodore, *Variae*, Livre 11: traduction et commentaire historique. Août, 2015. 150 p.

5. *Vitiello M.* Amalasuintha. The Transformation of Queenship in the Post-Roman World. Philadelphia. 2017. 321 p.

6. *Тюленев В. М.* Герои и образы прошлого в «Панегирике Теодориху» Эннодия // *Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3. Нижний Новгород, 2011. С. 168–173.

7. *Тюленев В. М.* К вопросу о женском образовании на позднеантичном латинском Западе. Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2020. Вып. 57. С. 84–95.

Н. И. Девятайкина
(Саратов)

**«ЛУЧШЕ НАМ ОСТАТЬСЯ В ТВОЕЙ ДЕРЕВНЕ»:
ФЕНОМЕН ДРУЖБЫ НОВЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ XIV ВЕКА
(ПЕТРАРКА И КАБАССОЛЬ)**

В статье на материале трактата Петрарки «Об уединенной жизни» и некоторых его посланий предпринята попытка выявить, каким был лично-эмоциональный уровень общения, круг литературно-философского знания и интересов, общественная позиция, прежде всего, связанная с Авиньонскими делами, отношение к уединению двух интеллектуалов века — знаменитого итальянского поэта и гуманиста Петрарки и епископа Кавейона (Прованс), видной фигуры в церковных делах своего времени Филиппа Кабассоля.

Ключевые слова: епископ Кабассоль, Авиньон, Воклюз, новый интеллектуал, трактат Петрарки «Об уединенной жизни», «Письма без адреса» Петрарки, круг общения, гуманистический идеал человека.

«Лучше нам остаться в твоей деревне. Там мне видится желанный покой и самая безопасная гавань», — так заканчивает свое послание одному из адресатов поэт и гуманист Франческо Петрарка. Послание вошло в знаменитые «Письма без адреса», потому только стараниями исследователей установлен адресат (священник Филипп Кабассоль), время (1342) и место (Авиньон) составления письма. Послание принципиально важно для понимания характера отношений между священником и поэтом, их реакций на ситуацию в папской столице тех лет, а приведенная фраза могла бы стать эпитафией к трактату «Об уединенной жизни», который гуманист в это время уже обдумывал и который посвятил Филиппу Кабассолю, что делает его в свете принятого в статье исследования столь же интересным, как письмо.

Прежде чем обратиться к названным материалам, позволим себе несколько кратких пояснений. С Кабассодем у Петрарки оказалось связано весьма многое — долгая история личной дружбы, содержательной и доверительной переписки, поддержки друг друга до конца дней, воспоминаний. Судьба распорядилась прекрасным образом: Франческо Петрарка (1304–1374) и Филипп Кабассоль (1305–1372) появились на свет с разницей в несколько месяцев, и один другого пережил меньше, чем на два года. Дружбе ровесников та же судьба отпустила почти невероятное для их чумного века время, унесшего у того и другого немало родственников и близких людей, — тридцать пять лет. Дружба родилась в Провансе, Авиньоне, на протяжении жизни интересующих нас личностей игравшем роль главного папского центра. Папская столица притянула многие десятки незаурядных личностей, значительную часть которых можно назвать новыми интеллектуалами.

Эти новые интеллектуалы раннего ренессансного времени, их менталитет, занятия, круг и характер общения, отношение к событиям века все больше интересуют ныне культурное сообщество и ученых. Свидетельств много — от публикаций переводов их сочинений и писем, разработки монографий до создания ярких, основанных на документальном материале популярных текстов, фильмов, материалов сайтов, специальных туристических маршрутов, юбилейных масштабных празднеств. Но до научного исчерпания темы в рамках новых подходов еще далеко.

Что касается Петрарки, ныне в центре внимания специалистов по истории итальянского гуманизма и Ренессанса — его общественная позиция (в которой многое переосмысливается), картина мира, повседневность, детальное рассмотрение разных этапов жизненного и творческого пути. Очень впечатляют новые переводы на европейские языки, на русский фундаментальных сочинений и латинских посланий гуманиста, дополненных современным знанием.

Огромную роль в этом сыграл многолетний плодотворный труд итальянского историка литературы У. Дотти. Много добавило для понимания позиции переиздание (значительное дополненное) этим ученым монографии о Петрарке [8]. Он же подго-

товил упомянутое в начале статьи новое издание «Писем без адреса» [9]. В эти годы вышла также работа чешского историка Ю. Шпишки о жизни Петрарки в Провансе, детально рассмотревшего пребывание там гуманиста и добавившего много фактов о характере противопоставления поэтом Авиньона и Воклюза, тоже интересном для уяснения некоторых обстоятельств, связанных с темой данной статьи [10]. Много новых вопросов, а также оценок предлагает в последние годы историк литературы И. Кандидо, в частности, акцентировавший важность как изучения круга интеллектуалов, близкого к Петрарке и Боккаччо, их вклада в новый язык знания, так и культуры раннего нового времени [7, р. 3–31]¹. Некоторое число новых работ (в том числе на русском языке) появилось за последние годы об Авиньоне. Они помогают понять позиции Петрарки и его единомышленников (см.: [5; 6]).

Что касается Филиппа Кабассоля, то специальных работ о нем пока, насколько можно судить, не написано. Достаточно развернутые биографические сведения можно найти в работе американского ученого Э. Х. Уилкинса, опубликовавшего в свое время одно из лучших биографических исследований о Петрарке [12], а также в его небольшой статье, точнее, публикации в свободном жанре «придуманного» рассказа-ответа Кабассоля его молодому служителю-секретарю относительно Петрарки, проливающего своей документальной точностью свет на их знакомство и дружбу (1960) [11, р. 69–77]. Схожие сведения, но без многих важных деталей, присутствуют и в академических интернет-справочниках.

Как уже было заявлено в начале статьи, главным ее материалом стал трактат Петрарки «Об уединенной жизни» (*De vita solitaria*). Его новейшие переводчики (Кр. Карро и др.) называют время работы над сочинением, с которым наш опыт работы над петрарковскими текстами позволяет полностью согласиться. Это 1346–1366 годы. Поясним, что именно такое время уходило

---

¹ По сведениям об авторе, выложенным в анонсах берлинского издательства De grüiter, И. Кандидо курировал перевод на английский язык трактата Петрарки «Об уединенной жизни», но пока нам не удалось обнаружить данных о выходе публикации.

у Петрарки на создание и редактирование любого из крупных латинских сочинений. Это подтверждается перекличкой материала, прямым или непрямым отражением фактов и событий многих лет. Стоит вслед за Кр. Карро и И. Кандидо, признать, что главная часть работы могла быть сделана в 1346 году, который до недавних пор и считался временем создания сочинения.

Нашей главной задачей стало выявление «портрета» Кабассоля, т. е. того, какие замечания, суждения Петрарки позволяют дать хотя бы обобщенную характеристику его «кругу» через пример одного из близких ему людей. Кроме того, некоторая часть материалов была почерпнута из «Писем без адреса», прежде всего, обращенных к Кабассолю (первого послания, 1342 года и двенадцатого, 1352) и других нарративных свидетельств.

Названные материалы позволили выявить, каковы были обстоятельства знакомства Кабассоля и Петрарки, каким — лично-эмоциональный уровень общения, круг литературно-философского знания и интересов, общественная позиция, прежде всего, связанная с Авиньонскими делами.

Кратко изложим «контексты» знакомства. Филипп де Кабассоль (1305–1372) происходил из знатной провансальской семьи, отец был вигье в Арле (судьей, который подчинялся только королю), дядя — профессором гражданского права; о неравенстве их «статусов» Петрарка несколько раз вспоминает в трактате, письмах. Кабассоль получил серьезное теологическое образование, что позволило ему начать свое служение как духовного лица в Кавейоне с 1328 года. Через два года он стал архидиаконом, еще через четыре (1334) — епископом. Дальше (назовем основное) он параллельно служил советником при королевском доме в Неаполе, папским нунцием в Германии, получил титул Латинского патриарха Иерусалима (1361), стал кардиналом при папе Урбане V, участвовал в конклаве при выборах следующего папы, имел много церковных должностей в разных итальянских и французских городах, успел побывать даже архидиаконом Йорка и Лейчестера. Филипп Кабассоль, по свидетельствам многих ученых, был для своего века фигурой первого ряда, истинным прелатом эпохи Возрождения, отличался «великолепным знанием литературы и утонченностью манер», как охарак-

теризовал его еще папа Иоанн XXII в начале 1330-х годов при назначении на должность. Это не мешало ему вступить в один из самых строгих орденов — францисканский, что могло среди прочего также послужить знакомству, поскольку Петрарка очень любил Франциска Ассизского, имел у себя его сочинения, вел скромную и строгую жизнь.

Перед нами в лице Филиппа де Кабассоль предстает масштабная и успешная личность, хорошо ориентированная в общественных, политических, светских, церковных и культурных обстоятельствах времени и круга земель.

Франческо Петрарка, напомним, происходил из культурной городской семьи флорентийского нотариуса, которого политическая судьба закинула в Авиньон, когда сыну было 8 лет. Он сумел дать своим детям университетское образование (Монпелье, Болонья), очень хотел, чтобы оба сына стали юристами. Но Франческо Петрарка не завершил обучение на «старшем» (правоведческом) факультете Болоньи, равно как и его младший брат Герардо (1307 – после 1374). Поэтический талант и исключительная образованность старшего позволили ему принять должности капеллана и ученого секретаря при кардинале Колонна, потом получить несколько церковных бенефициев, требовавших дипломатической и ученой службы и дававших средства к существованию. Условием такой службы было принятие хотя бы неполного монашеского пострига, потому единственный прижизненный портрет изображает Петрарку в монашеском плаще, поверх капюшона которого обвит лавровый венец. Авиньонские папы также пытались призвать его на должность ученого секретаря, но гуманист ни разу не дал согласия, хотя первую половину жизни (до 1353 г.) провел в Авиньоне и городке Воклюз неподалеку от него, где построил себе небольшой дом. Воклюз и свел Кабассоля и Петрарку, потому что входил в Кавейонский диоцез. Кабассоль построил свою резиденцию в старинном городском укреплении, от которого до дома Петрарки было 20 минут ходьбы. Дружба началась в 1337 году, когда Кабассоль уже был епископом этих мест, а Петрарка уже Капитолийским лауреатом, венчанным поэтическим венцом, автором эпической «Африки» (незавершенной), многих посланий и блистательных сонетов.

За десять лет дружба настолько окрепла, что Петрарка решает посвятить Кабассолю свой трактат «Об уединенной жизни», первый среди шести текстов в этом крупном жанре. Второй — «О монашеском досуге», — начатый в 1347 г. и написанный, по данным У. Дотти, за Великий пост, гуманист посвятит своему любимому брату Герардо, постригшемуся в монахи под впечатлением посещения его обители. Кабассоль, можно думать, стал для Петрарки таким же близким человеком. О посвящении Петрарка счел нужным написать в автобиографическом «Письме потомкам» (1358–1373, незаконченное), добавив, что на момент работы над этим посланием «Филипп, муж всегда великий... занимает пост кардинала-епископа Сабинского; он один еще в живых из всех моих старых друзей, и он любит меня не по долгу епископа, как Амвросий Августина, а братски» [4, с. 18–19].

Из этого уже отчасти ясно, каким был личностно-эмоциональный уровень общения. Но обратимся к тексту трактата «Об уединенной жизни» (он будет цитироваться по нашему переводу 1998 года [1], страницы называться в скобках сразу после цитаты или пересказа). Трактат (первая книга) обсуждает образ жизни в уединении и жизнь в городе. По сути дела, там резко противопоставляется одно другому, все аргументы свидетельствуют в пользу уединения. Петрарка избирает жанр «непричесанного» (его выражение, с. 67) обмена мнениями, разговора с другом, которому он посвятил трактат. Он уверен, что тот «любит» автора трактата и таким. Эта спокойно-достойная уверенность задает тональность всему трактату. Прежде всего, он свидетельствует от начала до конца о взаимопонимании и неформальных отношениях.

Один из примеров этого — способ обращения — становится «сквозным». Дело в том, что гуманист, вслед за древними латинскими авторами, поставил себе за правило использовать в *личной переписке* обращение на «ты», без титулов и званий или величания вроде «господин» (*dominus*). Но перед нами *трактат*, не переписка, пусть даже публичная. Петрарка не изменяет правилу и в этом случае. С первой страницы и с первой фразы (с. 61) он обращается к другу именно так. И дальше — только в начальных фразах предисловия — «ты» и «тебе» звучит четы-

режды (с. 61), затем на многих страницах (с. 62, 64, 67–69, 79, 81–84, 86, 89, 92, 99, 100, 105, 111, 113–116, 122, 124, 125, 127) обращение остается таким же. По символическому совпадению — на последней странице — тоже четыре раза.

Это нисколько не принижает культуру отношений: для Петрарки Кабассоль остается «досточтимый отче» (с. 61), «отче» (с. 81, 99), иногда более эмоционально — «дорогой патер» (с. 105); более того, Петрарка сдерживает свое перо от резкой критики так называемых «занятых», признаваясь: «...лишь почтительное уважение к тебе, отче, удерживает жало моего негодования» (с. 82). Каким может быть это жало, ясно из инвектив Петрарки, где он намеренно вводит бранные слова, просторечие, сниженную лексику, полемизируя и с очень высоко поставленными оппонентами, вроде авиньонских кардиналов. Да и «Письма без адреса», в которых фигурируют (без имен) папы и кардиналы, тоже звучат очень жестко, язвительно, порою лично грубо.

О доверительности и схожести мнений свидетельствует не меньше диалогичность текста — от начала до конца автор трактата живо *разговаривает* со своим другом: непринужденно обращается «скажу тебе» (с. 102), «поверь мне» (с. 122), приглашает вернуться к тому, «о чем говорили» (с. 83, 98, 111), задает риторические вопросы, напоминает о чем-то, опирается на его мнение, отсылает к его опыту, просит подумать вместе: «ты наблюдал» (с. 116), «как видишь» (с. 89, 92 и др.).

Эти простые обращения дают читателю передохнуть от напористого и полемического текста, одновременно втягивают его в мысленный разговор «на равных», что позволяет автору трактата в некоторый момент простыми словами изложить целую программу жизни через серию «правил» (с. 99–101), то есть перейти к диалогу со всеми христианами.

Какой же свет проливает все изложенное на «портрет» Кабассоля? Автор трактата рисует патера, как бы мы сказали, гуманистически ориентированным единомышленником. Петрарка не скрывает, что будет обращаться к «новым» вопросам, говорить «жестко», что толпу его слова часто приводят в «негодование» (с. 61). Таким образом, он отделяет Кабассоля

от этой «толпы» и ориентируется на его принятие и поддержку нового.

В предисловии, где речь идет о посвящении, Петрарка несколько раз комплиментарно говорит о Кабассоле: у него «блестательный и ясный ум» (с. 61), он ученый человек (с. 62), он мудр (с. 66). Через весь трактат проходит восхищение нравственными качествами и искренностью Кабассоля (с. 61), его неприятием хоть чего-то, противного достойным нравам (с. 65), его точное умение оценить чужое суждение, всегда «близко к истине» (там же). Нетрудно понять, что Кабассоль рисуется в полной мере обладающим личными добродетелями человеком, а не только статусными достоинствами церковным лицом. Точнее, для Петрарки важнее именно личное благородство и «virtus» — то, на чем будет стоять вслед за ним весь ренессансный гуманизм. Петрарка даже о неиспользованных возможностях высокой карьеры Кабассолем говорит с похвалой: «Ты бы давно занял там видное место» (с. 68) — имеется в виду папская курия.

В составе «портрета» личности ренессансного времени одной из самых значимых характеристик была высокая образованность, новое гуманитарное знание. Трактат «Об уединенной жизни» дает судить об этом в отношении Кабассоля через ссылки Петрарки, его упоминания о мнениях авторов прежних времен, некоторые прямые цитаты. Трактат очень густо насыщен именами и отсылками. Формально в этом виден Петрарка — ученый — человек своего времени, выученный логике, риторике, владеющий всеми классическими форматами изложения доказательств. В данном случае ему было важно доказать превосходство уединения и занятий в уединении перед жизнью городского «занятого» обитателя высокого ранга.

Гуманист превратил это «обыкновенное» занятие в блестящую демонстрацию своего художественного и философского, светского и христианско-библейского знания. И одновременно показал, что ровно то же самое знал и читал Кабассоль. Об этом свидетельствует контекст трактата. Добавим, Кабассоль знал, и, по словам Петрарки, принимал все им написанные сочинения, столь же насыщенные культурными мнениями и примерами, — они были другу гуманиста «по душе» (с. 61).

Многочисленность имен и цитат заставила прибегнуть к их систематизации в таблице.

Авторы, названные в трактате Петрарки «Об уединенной жизни»
(в последовательности упоминаний)

Древне-греческие	Римские	Библейские: Ветхий Завет	Новый завет/ Отцы церкви
Геродот	Цицерон	Давид. Псалом 18, 13	Василий Великий
Ксенофонт	Гораций	Книга Иова	Амвросий
Плотин	Катон Старший	Исход	Ап. Павел
Эпикур	Ювенал	Книга Царств	Апокалипсис
Аристотель	Овидий		Августин
Демосфен	Вергилий		Киприан
	Валерий Максим		Евангелие от Матфея
	Сенека		
	Теренций		
	Светоний		
	Квинтилиан		
	Макробий		
	Аррунций		
Всего: 6	12	4	2/ 4

Как видно из таблицы, Петрарка адресует почти к 30 авторам, при этом к половине из них неоднократно, называя по несколько сочинений. Например, Цицерон вспоминается около 10 раз — и как автор риторических трактатов, и как автор речей в защиту того или иного лица, и как создатель морально-этических сочинений («Гускуланских бесед», «О законах» и пр.). Примерно такая же картина с Сенекой. Таблица показывает, что среди авторов поэты, сочинители прозаических исторических текстов, а также любимый Ювенал, которого гуманист часто называет просто Сатирик.

Посвящение духовному лицу не сказывается на характере аргументов: два раза Петрарка адресует к Новому Завету, четыре — к разным текстам Ветхого. Нам ясно, что в круге чтения Кабассоля много светских текстов, преимущественно римских авторов. Таким образом, Петрарке было с кем обсуждать свет-

ское римское прошлое; и здесь они с Кабассолом понимали друг друга, возможно, не во всем и не всегда были одного мнения, как можно понять из отдельных замечаний трактата «Об уединенной жизни», но говорили на языке одной культуры.

Самый тонкий и острый вопрос в отношениях друзей, кажется, мог быть связан с папской курией. О состоянии дел в Авиньоне во времена создания основного текста сочинения «Об уединенной жизни (1346–1347)» Петрарка писал немало. Самые критические, инвективные по тону и содержанию письма, когда дело дошло до их разделения по сборникам, он включил в названные в начале статьи «Письма без адреса». Как указывалось, два важных (из девятнадцати) было адресовано Филиппу Кабассоллю. Кратко выявим, насколько они представляют позицию молодого епископа или позволяют о ней судить.

Первое из писем открывает сборник. Оно написано в марте или апреле 1342 года, незадолго до смерти папы Бенедикта XII (понтификат: 1335–1342); этому посланию посвящена огромная литература. Да и сам Петрарка придавал письму особое значение, потому и принял решение поместить в начало сборника. Кабассоль во времена этого папы стал епископом и уже пять лет возглавлял диоцез Кавейон.

Чтобы понять содержание и пафос послания, приведем одно из его суждений, в котором Петрарка обращается прямо к папе, не называя по имени: «О, если бы ты, святой отец, понимая, что в отсутствие кормчего корабль собьётся с курса, правил своим судном сам и не допустил, чтобы оно, спасённое столь большой ценой от врагов, утонуло!» [3, с. 9]. Поясним, Петрарка пишет Кабассоллю. Обращение к папе — риторический прием. (Такие обращения-наставления нередки у Петрарки не только в письмах, но и трактатах, например, в диалоге «О понтификате», включенном в знаменитое сочинение «О средствах против превратностей судьбы» [2, с. 255–257]).

Потом Петрарка «возвращается» к Кабассоллю, в той же строке цитируемого письма поясняет: «Иначе возникает сильное опасение, что под напором волн мы погибнем среди утёсов или попадём в руки пиратов. До этого довело нас, мягко говоря, неумение нашего рулевого, а точнее, его слепота. И это ещё было бы простительно. Но придётся назвать вещи своими именами:

это сделала необузданная ярость, постыдное бездействие, неистовое стремление к грозному берегу, власть разума, вручённая фортуне, и опасный груз бесславия, принятый на борт по требованию гнусной алчности. О, насколько счастливее тот, кто пахал землю отцовским плугом, чем тот, кто взял рыбацкие уключины!» [3, с. 9]¹.

Мы не будем касаться политики папы, исторической оценки его деятельности, наша задача — услышать голос гуманиста, понять его мнение, каким оно сформулировано в послании к ближайшему другу, поскольку это позволит составить представление о нравственной и общественной позиции Кабасоля. Ключевые слова письма: «кораблекрушение» — это о состоянии церкви; «слепота», «ярость», «бездействие», «алчность» — это о «кормчем», т. е. понтифике. И адресат, и автор послания хорошо знают того, о ком идет речь. Судя по всему, понимают, что его понтификату скоро придет конец. Тревожатся, что будет дальше. На «дворе» — 1342 год, при власти — третий по счету авиньонский папа; впереди, как показала история, еще почти 40 лет пребывания папства в Авиньоне, еще четыре папы.

Обратим внимание на самый резкий выпад в адрес папы в послании Кабассолю: «И среди этого (надвигающегося кораблекрушения. — *Н. Д.*), накачавшись вином, отягощенный возрастом, облитый одуряющим бальзамом, то шатается, то дремлет, то мгновенно валится в постель, о, если бы в одиночестве» [3, с. 9]. Петрарка ничего не выдумал, но резких и язвительно-насмешливых слов для папы не пожалел. Бенедикт XII (род. в 1280-е гг.) к этому времени, скорей всего, перешагнул свои шестьдесят, что для XIV века означало старость. Но написать такие слова о папе можно лишь очень близкому человеку, име-

---

¹ Петрарка адресуется к евангельскому рассказу: апостол Петр, первый римский епископ, ученик Христа, был простым рыбаком; папы, получая из рук выборщиков-кардиналов власть, как бы садятся в его лодку и берут в руки руль, а кардиналы — весла. Одновременно гуманист отсылает и к культурной античной цитате. Ср.: *Гораций*. Эподы. I, 2: «Счастлив, кто вдали от дел, как древний род смертных, пашет землю отцовским плугом».

ющему схожее мнение и никогда не предающему огласке суждений своих друзей.

Судя по характеристикам, Петрарка в письме указал едва ли не на все семь смертных грехов (siiaagl — в латинском сокращении: гордыня, гнев, зависть, алчность, леность, обжорство, любострастие), рассуждая о первом лице церкви. Особо его сокрушали у немолодых пап, в том числе, у характеризуемого, склонность к вину и любострастие. Петрарка молчит о достижениях понтифика: по сведениям историков церкви, тот оказался самым «бережливым» из семерых в отношении казны; очевидно, гуманиста смущали способы ее пополнения, не раз обозначенные как «алчность».

Но главное Петрарка сформулировал предельно отчетливо: за всеми личными грехами просматривается неспособность папы вывести церковь из, если так можно выразиться, кризиса обмирщения и, естественно, вернуть двор в Рим. Гуманист выразительно рисует в письме картину метаний церковного корабля («Судна Святого Петра»), который вот-вот потонет, по волнам. В характеристиках что ни слово, то намек или метафора. В роли управителя церкви Бенедикт XII был не из самых сильных фигур, набрал себе примерно таких же родственников в помощники, многое им доверил. Петрарка пророчит папе бесславие в веках. Ясно, что он изливает все видевшему воочию другу горечь души.

Речь идет о первом лице церкви, любая оценка в таком случае становится выражением общественной позиции, согласие с ней — также. Письмо, написанное Петраркой через десять лет («Письма без адреса», XII) по поводу другого папы, о котором речь пойдет чуть ниже — лучшее подтверждение, что эта позиция и того и другого только упрочилась.

В заключение анализируемого (первого) письма Петрарка подытоживает: «Хочешь услышать мой совет? Лучше всего, если это возможно, остаться нам в твоей деревне». В контексте письма — не искать ничего в Авиньоне при этом папе; в контексте отношений — и Петрарка, и Кабассоль горят негодованием, им важно *быть вместе* и обсуждать ситуацию. Таковое возможно только при единомыслии. Кстати, через четыре года после данного письма Петрарка начинает как раз трактат «Об

уединенной жизни» и там подчеркивает свое «особое уважение» (с. 68) к Кабассолю за его любовь к уединению и стремление к свободе. Прочитируем: «...ради них ты избегаешь римскую (как ее называют) курию». Гуманист хвалит друга за то, что тот не дал засосать себя «ее адским водоворотом» (с. 68).

Двенадцатое из «Писем без адреса», обращенное к Кабассолю, о котором только что было упомянуто, написано при схожих с первым обстоятельствах: теперь из жизни ушел папа Климент VI (1342–1352), в свое время сменивший Бенедикта XII, и избран новый — Иннокентий VI. Понтифик Климент VI был объектом самой суровой критики в «Письмах без адреса», время его церковного правления гуманист апокалиптически горестно оплакивает в послании к Кабассолю, к анализу которого мы перешли. Все письмо — горячая молитва, по стилю напоминает библейские Псалмы (Петрарка много раз их там цитирует), наполнено ожиданием лучшего.

Нам особенно важна приписка в конце: «Ты же, патер¹, всегда разделявший мои скорби, не поддавайся фортуне, но пока она (мы надеялись, что вскоре она это сделает) катит своё неустойчивое колесо в лучшую сторону, оставайся жив и здоров» [3, с. 49]. Первая часть фразы проясняет позицию Кабассоля и подтверждает наше предположение о единомыслии («мы надеялись»): он разделяет мнение Петрарки, видит состояние церкви, реагирует соответственно ожиданиям друга-гуманиста.

Подведем итоги. Гуманист, интеллектуал и поэт Петрарка, ставший зачинателем ренессансных представлений о мире и человеке, возник в этих своих «ипостасях» не из пены морской. Ему было важно публично и приватно утверждаться в новых идеях, развивать их, промерять, уточнять, отстаивать. Много из этого мог дать круг общения. У Петрарки он оказался достаточно широким и одновременно интеллектуально насыщенным. Он умел находить дружбу и дорожить ей, а близкие друзья вроде Кабассоля составили яркий «круг в круге». Культурный опыт подсказал гуманисту один из лучших подарков друзьям — посвящение им своих сочинений. Первым стал как раз Филипп

---

¹ Патер (отец) — общее обращение к духовному лицу; напомним, Филипп Кабассоль был епископом.

Кабассоль. Судя по объяснению Петрарки в предисловии к трактату «Об уединенной жизни», он использовал ситуацию гуманистически изящно, поняв, что если удастся создать произведение, достойное будущего, то он прославит тех, кому оно будет посвящено, и окажется на виду сам. И посвятил один из самых удивительных по новизне мыслей, чувств, языка, восприятия жизни трактат самому большому другу Филиппу Кабассолю. Петрарка раскрывался в письмах к Филиппу Кабассолю, понимая, что любая его цитата или намек будут понятны, любое имя будет столько же говорить адресату, сколько автору письма, любая оценка станет предметом дружеского обсуждения. 26 писем в его собраниях посланий к епископу Кавейона подтверждают это (последнее — за несколько месяцев до ухода из жизни Кабассоля с надеждами на встречу в Воклюзе).

Общение двух друзей-интеллектуалов позволяет обозначить и некоторые общие важные вещи: за полтора века до Реформации гуманист Петрарка и его просвещенный, много знавший и видевший в практиках церкви друг, уловили, что в своем прежнем виде католическая церковь не устоит, что нужны перемены. Оба понимали также, что многое в деле перемен зависит от главы церкви, и «портрет» в первом письме — «от противного», каким *не должен* быть папа. В этом смысле письмо очень точно поставлено именно как открывающее сборник, т. е. представляющее читателю позицию автора через послание ближайшему другу.

Петрарка «промерял» с помощью опытного в церковных делах, ученого, благородного, честного, тонкого в чувствах друга тональность названного сборника посланий и его идеи. Они какой-то своей частью перекликаются с трактатом «Об уединенной жизни». Это не удивительно: в годы проживания в Воклюзе было написано большинство «Писем без адреса», пятнадцать из девятнадцати.

Только внутренне свободный и смелый интеллектуал, этически безупречного образа жизни мог и в трактате, и в названных письмах противопоставлять *настоящее служение авиньонским практикам* римской курии, высокое размышление и творчество в уединении — суете папской столицы. Епископ Филипп Кабассоль, судя по письма и трактату «Об уединенной

жизни», разделял мнение Петрарки, что служило для гуманиста очень важной опорой.

При всей лексической краткости, почти афористичности, словесный портрет самого Кабассоля в трактате «Об уединенной жизни» получился объемный, многомерный: в нем ясно проступают социальные, этические, ценностные, религиозные, поведенческие и личностные качества, каждое из которых в «единственном числе» украсило бы священника авиньонского времени, а в совокупности создало впечатляющий образ соратника, интеллектуала, сильную и высокую опору.

Яркая, хотя и с большими испытаниями, судьба определила Петрарке много лет провести в Авиньоне. Поэтический талант в сочетании с неслыханной эрудицией и умом мыслителя, довольно рано поставили поэта и гуманиста в центр общественного внимания. Он встречался и переписывался с королями и императорами, папами и кардиналами, был близко знаком со многими епископами, аббатами, простыми монахами и учеными теологами. Он адресовал письма десяткам единомышленников и полемизировал с десятками противников. Голосами вторых (как противников ученого единения) наполнен и его трактат «Об уединенной жизни». Да и по другим поводам с ним полемизировали яростно и ожесточенно. Порою ценой смелого слова могла оказаться жизнь. Поэтому поддержка друзей много значила для него в деле отстаивания своей позиции и удержания повседневной стойкости.

Феномен Кабассоля состоит в том, что он своим отношением являл добродетельного, деятельностного, гуманистически образованного, чуткого друга, не дав усомниться Петрарке в правильности выбранных ценностных ориентиров и многое сделал для их философски-этического обоснования в духе ренессансных новаций.

Библиографический список

1. *Петрарка Ф.* Об уединенной жизни // Петрарка Франческо. Сочинения философские и полемические / сост., перевод, коммент., указат. Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой. М.: РОССПЭН, 1998. С. 61–127.

2. *Петрарка Ф.* О средствах против превратностей судьбы / Пер. лат., коммент. Л. М. Лукьяновой. Саратов: Волга, 2016. 616 с.
3. *Петрарка Ф.* Письма без адреса / пер. с лат. Л. М. Лукьяновой; коммент. Л. М. Лукьяновой, Н. И. Девятайкиной. Саратов: Саратовская гос. консерватория имени Л. В. Собинова, 2022.
4. *Петрарка Ф.* Письмо к потомкам / пер. с лат. М. Л. Гершензона // Петрарка Франческо. Избранное. М.: Художественная литература, 1974. С. 9–24.
5. *Потехина И. П.* Богатство и бедность святого Петра. Административно-финансовая система средневекового папства. СПб.: Евразия, 2018. 320 с.
6. *Санжаров В. А.* Кардиналат авиньонского периода: священная коллегия в XIV веке // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б.: Гуманитарные науки, 2019. № 4. С. 51–60.
7. *Candido I.* Introduction to Petrarch and Boccaccio // *Candido I.* Petrarch and Boccaccio. The unity of knowledge in the pred-modern world. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 3–31.
8. *Dotti U.* Vita di Petrarca: il poeta, lo storico, l'umanista. Torino: Nino Aragno, 2014. 771 p.
9. *Petrarca F.* Liber Sine nomine / introd. di U. Dotti. Torino: Nino Aragno, 2010. 216 p.
10. *Špička, J.* Petrarca v Provence: údolí, město, hora. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2014. 366 p.
11. *Wilkins E. H.* Philippe de Cabassoles on Petrarch // *Speculum*. 1960. Vol. 35. № 1. P. 69–77.
12. *Wilkins E. H.* Vita del Petrarca. Milano: Feltrinelli, 2003. 328 p.

Л. М. Лукьянова
(Саратов)

ПЕТРАРКА
ЯСОН И ГЕРКУЛЕС
(ФРАГМЕНТ ИЗ ТРАКТАТА «О ЗНАМЕНИТЫХ МУЖАХ»)

Вниманию читателя предлагается перевод отрывка из прозаического сочинения Петрарки «О знаменитых мужах». Описывая деяния мифологических персонажей, гуманист отмечает те черты их личности, которые созвучны его представлению об идеальном человеке, сочетающем в себе телесную мощь с силой разума.

Ключевые слова: Петрарка, трактат «О знаменитых людях», итальянский гуманизм, доблесть, разум, слава, благородство.

Предлагаемый текст представляет собой перевод фрагмента из сочинения Петрарки «De viris illustribus» («О знаменитых мужах»). Этот трактат содержит описания как исторических, так и легендарных личностей, основанные на соединении сведений из разных литературных источников. Писать его гуманист начал в 1338 году и работу над ним не прекращал до конца жизни, оставив её незавершённой. Сочинение посвящено другу Петрарки сеньору Падуи Франческо ди Каррара.

Трактат состоит из двух книг: первая содержит биографии римских царей и политических деятелей, а также Александра Македонского, Пирра и Ганнибала; вторая описывает жизнь библейских персонажей и двух мифических героев: Ясона и Геркулеса.

Цель этого сочинения Петрарка определил в предисловии: «Я собираюсь соединить в одном месте и как бы неким образом сплотить... знаменитых мужей, которые блистали исключительной славой, и собрать воедино их заслуги, словно рассыпанные по разным книгам... На столь великое дело я потратил немало труда, чтобы одновременно и принести пользу, и доставить удовольствие». Пересказывая и компилируя сведения о

мифических персонажах, почерпнутые у разных древних писателей, гуманист рисует определённые человеческие характеры, особенно выделяя те черты, которые играли большую роль в формировании идеала ренессансной личности.

В Ясоне он отмечает его стремление к опасным подвигам и особо подчёркивает его справедливость по отношению к тем племенам, с которыми он вёл войны, и великодушие по отношению к Эту.

Помимо телесных сил Геркулеса, гуманист отмечает его предприимчивость и сообразительность, делая акцент на то, что «некоторые называли его философом».

В тексте автор касается и весьма значимой для него темы славы. Результатом подвигов его героев стало достижение славы, которая не умрёт в веках. Он пишет о Ясоне: «Великая слава его подвигов не может умереть», «Славу его имени увековечила его доблесть», «Слава Ясона не уступала славе Александра». Геркулеса «прославили его телесные силы», «Он оказался достойным того, чтобы на крыльях славы вознестись к всевышним».

Своим героям Петрарка даёт и этическую оценку: большинство их подвигов было совершено во благо людей. В поступках мифических героев Петрарка усматривает образ идеального человека, сочетающего в себе телесные силы с силой разума и несокрушимой мощью духа, — и в этом явно просматривается гуманистическая концепция человека.

Перевод осуществлён по изданию: *Petrarca Fr. Omnia opera*. Basel, 1554.

Л. М. Лукьянова

ЯСОН

[1] Ясон сын Эсона, племянник царя Пелия, юноша редких природных способностей. Славу имени увековечила его доблесть, признанная как храбрыми мужами, так и его дядей Пелием.

Был слух, что у колхов есть золотое руно; то ли это изображение, посвящённое Юпитеру, как утверждают некоторые писатели, то ли это не соответствует истине, а пищу слухам дали огромные богатства тамошнего царя Ээта, которыми, пред-

ставлялось, он окутан, как золотым руном. Во всяком случае, несомненно, что то и другое прельщало души, жадные до золота или до славы. Манила сама трудность дела и явный риск; кроме того, пищу для молвы давала и неусыпная забота царя о тщательной охране: говорили, что богатое руно стережёт бессонный дракон и огнедышащие быки. Поверив этому, коварный Пелий легко убеждает юную душу племянника, весьма жаждущую славы и невиданных подвигов, отправиться к колхам и прежде, чем кто его опередит, прославиться за столь великое дело. Сам же больше всего думал о том, что Ясон погибнет, не вынеся тяжести трудов, опасностей бескрайнего моря или дикости племён, к которым пойдёт. Впрочем то, что Пелий замыслил на погибель юноши, как это часто бывает, обернулось к небывалой славе Ясона. Как только прошёл слух об этом предприятии, воспламенились души родовитых юношей и поднялась вся Греция, отовсюду сошлись те, кого влекла любовь к Ясону (ведь его удивительным образом все любили, а кое-кто и очень любил), и те, кто надеялся получить свою долю добычи или славы.

Корабль, который построил Арго, был первым из всех, первым стало и известное плавание под предводительством Ясона — не столько из-за славного имени (ибо есть ли имя более славное, чем у Алкида?¹), чем из-за того, что природные свойства характера сделали его предводителем трудного дела. С ним поплыли Геркулес, Пелей, Нестор, Теламон², которых называли аргонавтами, весьма известный во всём мире славный отряд, о чём Аполлоний написал целый том³. Когда прибыли к колхам, Ясона увидела и влюбилась в него с первого взгляда дочь царя Эака Медея, знаменитейшая чародейка; её поразила внешность Ясона, что, мы знаем, является началом любви, и о чём изящно сказал Флакк: «...когда из всех аргонавтов Медею

---

¹ Алкид — Геракл, внук царя Алкея.

² Пелей — царь мирмидонян, отец Ахилла; Нестор — царь Пилоса; Теламон — царь Эгины.

³ Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) — греческий грамматик и поэт, перу которого принадлежит эпическая поэма «Аргонавтика».

пленил блистательный предводитель»¹. Так, в очень опасном и рискованном деле ему помогли не только ум и силы (что было очень важно), но и красота тела; все трудности он преодолел с помощью советов влюблённой. Как бы то ни было, на родину Ясон вернулся более славным, чем ушёл оттуда, привезя с собой и руно, и Медею.

[2] Но чем блистательнее доблесть, тем острее зависть. И вот родные сыновья Пелия возненавидели Ясона так же, как втайне ненавидел его дядя, и с помощью козней без причины изгнали его из пределов царства.

Юноше был знаком путь к колхам; изгнанный из Фессалии, он опять направился в дом свёкра, вновь обретя после разрыва супругу Медею; при этом его сопровождали многие, которых привлекло восхищение доблестью этого изгнанника и сострадание к нему. Чтобы загладить старые обиды новым благим делом, изгнанник зять оказал своевременную помощь находящемуся тогда также в изгнании тестю и возвратил ему царство; он даже добавил к владениям колхов множество захваченных силой городов, и эта щедрость стёрла память о прошлом похищении². Ясон был очень признателен тем, кто последовал за ним, и в соответствии с заслугами каждого распределил между ними много городов и великолепную добычу, полученную в результате победы.

[3] После усмирения соседних народов мужество его ещё возросло. Воспламенённый успехами, устремившись дальше, он то вёл удачные войны с арктическими племенами, жившими у крайнего севера, то заключал с ними справедливые договоры.

[4] Каким считался это муж на Востоке, можно заключить из того, что пишет о нём Юстин: «Почти весь Восток установил для Ясона как для основателя городов божеские почести и воздвиг ему храмы, которые много веков спустя полководец Алек-

---

¹ «...ut Argonautas praeter omnes candidum // Medea mirata est ductem» когда Медею Аргонавтов вождь пленил своей красотой блистательной. Гораций. Эподы. III, 3 (перевод Ф. Петровского).

² Юстин. Эпитома сочинений Помпея Трога «История Филиппа». М., 2005. XLII, 2, 12.

сандра Парменион приказал разрушить, чтобы ничьё имя на Востоке не было более почитаемым, чем имя Александра»¹.

[5] Вот что можно очень коротко сказать о жизни этого мужа.

Смерть Ясона многие писатели обошли молчанием, а некоторые рассказали её так: Случилось, что несколько юношей, неизвестно по какой причине, побили некоего гимнасиарха² Таксилла. Тот, оскорблённый обидой, пожаловался Ясону. Ясон предложил претерпевшему несправедливость на выбор: получить от своих обидчиков триста драхм, или нанести им по десять ударов плетью. Таксилл, более алчущий наказания, чем наживы, выбрал последнее. Юноши, скрыв стыд за наказание и не найдя достаточно подходящего повода, чтобы отомстить гимнасиарху, излили весь яд своей ненависти на того, кто предложил этот выбор, и убили не подозревающего ничего такого и ничего не опасавшегося Ясона. С его гибелью, не скажу, ушла великая слава его подвигов, которая не может умереть, но, о чём нелегко говорить, исчезла надежда на совершение новых подвигов. У греков, о чём говорят некоторые авторы, восхищение Александром было не большим, чем надежда на Ясона, и конечно, как представляется другим, слава Ясона не уступала славе Александра. Немаловажным доказательством этого является зависть самого Александра или его полководцев, о чём мы только что говорили. Этот выдающийся муж, совершив великие дела и замышляя ещё более великие, умер в самый разгар подготовки войны с персами.

[6] После Ясона пасынок его Мед, которого Медея родила от афинского царя Эгея, и один из спутников Ясона, фессалиец Армений, по примеру его совершили великие дела в Азии; первый основал город, назвав его по имени матери Мидией, откуда Мидийское царство, под властью которого впоследствии долгое

---

¹ *Юстин*. Эпитома. XLII, 3, 5 (перевод М. Рижского).

² Гимнасиарх — лицо, обучающее юношей, принимавших участие в гимнастических состязаниях во время празднеств.

время находился Восток; второй дал своё имя Армении, долго бывшей величайшим после Парфии царством¹.

ГЕРКУЛЕС

[1] Насколько легко сплести сказку о Геркулесе, настолько трудно составить историю о нём. На самом деле Геркулесов, или скорее тех мужей, которых называли Геркулесами, было много; мы даже знаем, что Варрон часто называл этим именем всех храбрых мужей². Это стало причиной того, что о Геркулесе написано столько недостоверного, столько противоречивого, что читатель, запутавшись, словно в извилах лабиринта, не может найти выхода. Избегая поворотов многочисленных заблуждений и ступая по более верным, пусть и редким, следам среди тёмных троп этого очень давнего дела, постараюсь как можно ближе подойти к истине, насколько мне поможет путеводная нить ума³.

[2] Итак, этот Геркулес, как считают некоторые, был известным философом⁴, другие называют его мужем исключительным в войне и превосходящим силой всех людей. Впрочем,

---

¹ После смерти Ясона доблестью с ним пытался сравниться Мед, который основал город Медию в честь своей матери и царство мидян, дав ему прозвание от своего имени» (*Юстин*. Эпитома. LXII, 3, 6). Армений, родом из Фессалии, один из полководцев Ясона, основал Армению (*Юстин*. Эпитома. LXII, 3, 8).

² Многообразие мифов о Геркулесе и наличие сходных героев у других народов привело александрийских филологов к предположению, что это имя носили несколько героев. «Те, которые исследуют тайные и малоизвестные письмена, сообщают, что Геркулесов было много» (*Цицерон*. О природе богов. III, 16, 42; перевод М. Рижского).

³ Аллюзия на миф о Тезее, нашедшего выход из лабиринта с помощью путеводной нити, которую дала ему Ариадна.

⁴ У софиста Продика в сочинении «Геркулес на распутье», дошедшем до нас в изложении Ксенофонта, Геракл предстаёт в виде юноши, сознательно отвергшего наслаждения и избравшего путь лишений и совершенствования. Большинство кинических философов представляют его идеальным киником, удостоившимся апофеоза за жизнь, полную трудов (*Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе. II, 1, 21–34; перевод С. Соболевского).

о том, что оба эти качества могли сочетаться в одном человеке, могут свидетельствовать примеры и других людей, которые заслужили замечательную славу равным образом и за военные подвиги, и за сообразительный ум. И на самом деле именно предприимчивый ум позволил этому мужу сдерживать на плече небесный свод, когда на него навалилось то, что было под силу лишь богам; потом эту привычную для него ношу снова принял на себя Атлант¹. А телесные силы прославили Геркулеса как укротителя всяких чудовищ, избавителя от них многих племён и вообще пособника человеческого рода и принесли ему некую исключительную славу, возвысившую его до обожествления.

Множество блистательных подвигов совершил этот муж. Известного бесчеловечной жестокостью, грабежами и убийством чужеземцев царя Египта Бусирида он подверг наказанию, равному преступлениям этого царя, который заплатил кровавым убийством за кровь невинных чужеземцев². Он победил в войне кентавров, очень воинственное и опытное в сражениях племя людей³. Совершил бесчисленное множество тяжелейших трудов по повелению царя Эврисфея: по его приказу, как говорят, он привёл свирепого неукротимого критского быка, победив и свя-

---

¹ Имеется в виду первый подвиг Геркулеса, когда ему было поручено принести Эврисфею золотые яблоки, принадлежавшие Гесперидам, дочерям Атланта; эти яблоки добыл Атлант, пока Геркулес держал вместо него на своих плечах небесный свод. Когда Атлант захотел снова взять на себя небо, Геркулес попросил сменить его на время, пока он не подложит под груз львиную шкуру, и таким образом обманул Атланта.

² Бусирид — сын Посейдона, мифический царь Египта, приносивший в жертву всех иноземцев, прибывавших в его страну, до тех пор, пока не явился Геркулес, который позволил связать себя, подвести к алтарю и, когда Бусирид уже занёс над ним жертвенный топор, Геркулес разорвал путы и зарубил Бусирида и его сына.

³ Кентавры — в греческой мифологии фантастические существа — полулюди, полулошади. Геркулес сразился с кентаврами по пути к Эриманфу.

зав его. Собираясь принести ему же золотые яблоки Гесперид¹, он дошёл до края света и, войдя в тщательно охраняемый лес, принёс то, что нашёл: принадлежавшие девам яблоки и сделал известными эти места. Он же проник в царство амазонок², где в то время жили четыре сестры: Антиопа, Ортигия, Меланиппа и Ипполита. Впрочем, управляли царством первые две с такой славой, что сам Эврисфей, придумщик труднейших указаний, среди двенадцати подвигов, которые должен был совершить для него Геркулес, именно этот считал непосильным: принести оружие царицы амазонок, великий знак женской доблести. Туда с отборным войском он отправился вместе с Тезеем; так как Ортигия в то время вела внешние войны, Геркулес неожиданно является к оставшейся дома и не думающей ни о какой опасности Антиопе. Став победителем, он берёт в плен сестру царицы Меланиппу, а другая, Ипполита, досталась по жребию Тезею и стала для него не пленницей, а женой; она родила ему сына Ипполита, юношу, которого его всем известное целомудрие довело до гибели³. Геркулес же, возвратив свою пленницу царице, получил в обмен то, что стало причиной войны, — оружие, с которым он возвратился к Эврисфею, исполнив его поручение⁴.

[3] Победив в единственном сражении Антея, опустошающего поля Ливии, Геркулес убил его. Потом с несокрушимой силой тела и духа он уничтожил лернейскую гидру, немейского льва и эриманфского вепря. Он завоевал силой оружия очень укрепленные города: направляясь вместе с Язоном к колхам (как я уже говорил) и, причалив в гавани фригийской Симоенты⁵, они были задержаны по приказу господствующего тогда над

---

¹ Геспериды — дочери Атланта и Ночи (или Гесперии), жили далеко на Западе в саду, где росли золотые яблоки, охраняемые драконом.

² Амазонки — племя воинственных женщин, обитавших на Кавказе (по другим представлениям — в Малой Азии).

³ Ипполит, отверг домогательства своей мачехи Федры и проклятый отцом погиб, свалившись с колесницы.

⁴ Описание похода на амазонок взято Петраркой из указанного сочинения Юстина (II, 4, 19–25).

⁵ Симоента — небольшая река недалеко от Трои.

этим прибрежным краем Лаомедонта¹, предавая проклятиям трудность предприятия и нрав царя. Один Геркулес с негодованием проявил непримиримую ненависть к царю; возвратившись на родину, пылая гневом, помня об обиде и отовсюду созвав первых лиц Греции, он становится их предводителем и устремляется в Трою уже не как путешественник, но с враждебным войском. Вышедшего навстречу ему царя Геркулес убивает вместе со всеми сыновьями, кроме Приама, которого тогда там не оказалось; город разрушает. Такая же слава досталась ему за разрушение Эхалии².

И этот победитель многих городов и храбрых мужей, укротитель страшных чудовищ был побеждён любовью женщины и явил самый наглядный пример того, какую силу имеет эта пагуба для человека. Он, будучи столь великим, столь необыкновенным победителем на всём свете, достойным того, чтобы на крыльях своей славы вознестись к всевышним, и, как представляется Цицерону, столь великий и истинный бог³, оказался в услужении у охваченной страстью женщины и, обвинив роскошным ожерельем сильную шею, на которой удержал когда-то небесный свод, по велению влюблённой прятл крепкими пальцами мягкую шерсть⁴, так что справедливо сказано, что всех побеждал Геркулес, а победительницей стала Иола.

---

¹ Лаомедонт — мифический царь Трои, отец Приама.

² Эхалия — город на острове Эвбея; царь его Эврит обещал руку своей дочери Иолы тому, кто одолеет его в состязании лучников, и, несмотря на победу Геркулеса, отказался от обещания на том основании, что Геркулес был рабом у Омфалы. Оскорблённый Геркулес разрушил Эхалию.

³ Геркулеса «людская молва, помня его благодеяниях, приобщила к сонму небожителей» (*Цицерон. Об обязанностях. III, 5, 25* перевод В. Горенштейна).

⁴ Геркулес сбросил со скалы сына Эврита Ифита за то, что тот заподозрил Геркулеса в краже кобыл; оракул сообщил ему, что искупить свою вину он может, продавшись в рабство на три года, и полученные за это деньги отдать сыновьям Ифита. Купила Геркулеса лидийская царица Омфала с целью приобрести себе не воина, а любовника; она заставляла его прятать шерсть вместе со своими рабынями.

[4] Обойду молчанием то, что очень хорошо известно: как в мирное время он прошёл фессалийские ущелья и горные хребты, как повернул речные потоки¹, как сломал принадлежавший Ахелю рог изобилия², как спустился в преисподнюю и заковал в цепи трёхголовое чудовище³, и прочее, о чём долго рассказывать. Не ведая усталости, он проник в самые отдалённые области Востока и Запада. На Западе мы видим памятники трудов этого мужа: известнейшие Геркулесовы столбы⁴, находящиеся по соседству с нашим краем. По слухам, подобные столбы он установил и на крайнем побережье Востока; упоминают, что там были сделанные из цельного куска золота изображения и Геркулеса, и отца Либера⁵, который славным победителем также достиг этих мест. Впрочем, для нас, обращённых к Западу, отдалённость восточных областей делает представление о них более туманным. Думаю, менее всего следует пропустить то, что на самом Западе, у трёх Балеарских островов, он лишил и власти, и жизни царствующего там Гериона, у которого было три туловища⁶.

[5] С малой добычей за большую победу он пришёл в Италию, в те места, где теперь находится Рим. Тогда ими владел

---

¹ Имеется в виду миф о том, как Геркулес очистил Авгиевы конюшни, проломив стену конюшен и повернул реку Алфей, чтобы её потоки устремились через скотный двор.

² Петрарка обращается к одному из вариантов мифа о происхождении рога изобилия. Сын Океана и Фетиды Ахелой в битве с Геркулесом предстал в облике быка, и Геркулес сломал ему рог; впоследствии этот рог забрали нимфы, и он стал рогом изобилия.

³ Речь идёт о страже подземного царства Цербере.

⁴ Геркулесовы столбы — высоты у Гибралтарского пролива. По одному из вариантов мифа, достигший пределов мира Геркулес пробил гору насквозь — так образовался Гибралтарский пролив.

⁵ В древней Италии бог, отождествляемый с греческим богом виноградарства Дионисом.

⁶ Герион — царь иберийского Тартесса; родился с тремя головами, шестью руками и тремя телами, сросшимися в поясице; имел отличавшихся особой статью коров. Геркулес, убив стерегущего их пастуха, угнал коров. Узнав об этом, Герион вызвал Геркулеса на поединок, и Геркулес убил его.

изгнанный из родной Аркадии царь Эвандр¹. Переправив вплавь стадо через Тибр, Геркулес, утомлённый долгой дорогой, уснул у Авентинского холма. Там к нему, объятому сном, подошёл живший неподалёку пастух по имени Как, человек очень сильный, но в то же время свирепый и опасный разбойник. Его привлек внешний вид коров (они ведь были удивительно красивы), и, уверившись, что их сторож беспробудно спит, он перетащил лучших коров в скрытую у Авентина пещеру, повернув их хвостами вперёд, чтобы хозяин стада не нашёл их по следам. Как думал, что таким образом он сделал невозможными поиски добычи и воровство окажется безнаказанным. И это удалось, так как Геркулес, проснувшись утром и обнаружив пропажу стада, сразу же решил найти похитителя и подошёл к пещере, но, осматривая обращённые в другую сторону следы коров, нигде не обнаружил их присутствия. Обойдя всё вокруг, он в недоумении постоял возле пещеры и отошёл. В негодовании уходил он с остатками стада и оставил бы преступление безнаказанным, если бы в ответ на мычание уходящего стада не раздалось мычание запертых коров; когда эта хитрость обнаружилась, Геркулес вернулся...

На этом повествование заканчивается.

---

¹ Эвандр — сын Гермеса и нимфы Каллипсо; был изгнан жителями Аркадии за убийство мнимого отца. Прибыл в Италию, где основал на берегу Тибра на месте будущего Рима город Палатин.

К. В. Павлов
(Санкт-Петербург)

**ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ
ДЕСЯТИННАЯ ШКАЛА
(ПРЕДИСЛОВИЕ И ПЕРЕВОД)**

Публикуемый текст представляет собой перевод сочинения флорентийского дипломата, мыслителя и историописца эпохи Итальянских войн 1494–1559 гг. Франческо Гвиччардини «La Decima Scala» — «Десятичная шкала» с предисловием. Данный источник представляет собой две части сочинения-рассуждения о проекте фискальной реформы Флорентийской республики эпохи войн на Апенниннах, объединённые по принципу «in utraque parte»: «Рассуждение в поддержку налога» и «Высказывание против налога, за преобладающее мнение». В предисловии рассматриваются социальные проблемы современной Гвиччардини Флорентийской республики, нашедшие отражение в высказанных в данном сочинении флорентийских позициях сторонника и противника введения нового принципа налогообложения. В переводе сохранена авторская двухчастная структура текста источника, а также подзаголовки первой и второй его частей.

Ключевые слова: «Десятичная шкала», Гвиччардини, флорентийское общество, Флорентийская республика в Итальянских войнах, налоговая реформа Флорентийской республики.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сочинение Франческо Гвиччардини «La Decima Scalata» («Десятичная шкала») составлено автором в эпоху Итальянских войн 1494–1559 гг.¹ в контексте описания дискуссии в руковод-

---

© Павлов К. В., 2022

¹ Точная датировка «La Decima Scalata» Франческо Гвиччардини нам неизвестна. Однако, исходя из размещения этого сочинения в десятитомном издании трудов Гвиччардини, составленном по хронологическому принципу, после дипломатических писем за его авторством периода 1538–1539 гг. и перед сочинением «Del suicidio per ragione di liberta o di servitu» — «Самоубийство по причине свободы или подневольного состояния», о котором нам известно, что оно было создано флорентинцем незадолго до смерти в 1540 г., можно предпо-

стве Флорентийской республики на предмет целесообразности проведения реформы фискального аппарата Флоренции, невыгодной пополанам — социальным массам республики, приоритетным обоснованием для реализации которой выдвигалось достижение Флоренцией ключевой задачи в войнах на Апеннингах — возврата территории Пизы¹. Основным противоречием в контексте проблемы: «Нужна ли Флоренции налоговая реформа против интересов пополанского общественного большинства, исходя из военных интересов государства» для Гвиччардини выступает предлагаемый Большим советом Флорентийской Республики механизм фискального регулирования — введение налоговой шкалы, при которой большинство бедных флорентийских граждан при уплате предполагавшегося к введению налога теряют большую долю своих доходов, чем меньшинство богатых [7, р. 23]. Само предложение применения подобного механизма в Большом совете во многом противоречило одному из главных принципов политической традиции Флоренции, подмеченному американским исследователем Ф. Гилбертом — принципу представительства как базису выражения и учета интересов той или иной социальной группы в административных структурах тосканского государства². Узкий круг флорентийских «грандов» выдвинул фискальный проект, подчинённый и согласованный лишь коллективной воле собственной социальной прослойки. Вместе с тем, будучи применённым прямо, этот проект мог послужить парадоксальным «словом» общественно-политической идеи самого Большого совета Флорентийской республики: оставаясь «Большим» по вывеске, он бы становился

ложить, что «La Decima Scalata» была написана им между 1538–1540 гг. (см.: [10]).

¹ Флоренция утратила пизанское владение, связанное с завоеванием территории Пизы в 1406 г., в самом начале Итальянских войн в 1494 г.: воспользовавшись восстанием в Генуе против власти французов, пизанцы осуществили свое восстание против флорентийского господства [2, с. 90–91].

² Подобное устройство Большого совета Флоренции во многом явилось результатом переложения тосканской республикой механизма Большого совета Венеции — «Consiglio Maggiore» (см.: [8, р. 468]).

в плане участия в принятии общественно значимых решений органом влияния узкого меньшинства флорентийского общества. Как автор рассматриваемого сочинения смотрит на социальное устройство государственной системы Флоренции? Парадоксально, но сам Гвиччардини, являясь представителем того «крыла» флорентийской аристократии, которое после возвращения в республику дома Медичи в 1512 г. получило контроль над принятием в ней политических решений, не считает возможным сводить выражение интересов общества Флоренции к интересам исключительного меньшинства. Фискальная система Флорентийской республики, выбранная Франческо в сочинении «*La Decima Scalata*» в качестве «зеркала» социальной диспропорции в устройстве её политического аппарата, была известна ему на практике. Так, в позднем автобиографическом сочинении — «Воспоминания о себе самом» — Гвиччардини упоминал, что в 1513 г. был членом Комиссии семнадцати, занимавшейся упорядочиванием государственного долга Флорентийской республики, пришедшего в критическое состояние из-за расточительства республиканского фискального управления — Монте [1, с. 336]. Вместе с тем не налоговое бремя как таковое, а именно опасность «крена» меньшинства флорентийской элиты против интересов пополанов представляются ему более серьёзной угрозой для жизнеспособности тосканского государства. В другом своём сочинении — «Диалог об устройстве Флоренции» («*Dialogo del Raggimento di Firenze*»), возвращаясь к вопросу социального распределения ролей, определяющего работу политического механизма тосканской республики, Франческо указывает, что для политического руководства Флоренции не должно быть интересов «маленьких» и «больших» людей города — общественные интересы должны вертикально соотноситься с уровнями флорентийской политической системы: «Положение других дел, по моему мнению, то есть тех, которые для правительства находятся внизу, будут идти лучше, и все будут более удовлетворены на любом уровне» [9, р. 393]. Однако флорентинец в сочинении «*La Decima Scalata*» не выступает и против руководства своей республики от имени «тех, которые для правительства находятся внизу». Гвиччардини в рамках построения текста по античному риторическому «трафарету» «*in utramque partem*»

приводит противоположные точки зрения двух флорентийских социальных групп по налоговому вопросу: большинства населения тосканской республики, чьи интересы пострадают на уровне потребительского жизнеобеспечения, и диктующего приоритет военных задач Флоренции по возврату Пизы меньшинства, выступающего сторонниками реформы.

Вместе с тем, «голосом» социальных групп, какими бы широкими, в плане политики представительства, они ни были, для Гвиччардини в конечном счёте выступают отдельные ораторы — личности флорентийского Большого совета, высказывающие аргументы за и против введения неравномерно прогрессивного налогообложения. При этом, характерно отметить, что, в контексте налоговой реформы, ораторы не называются флорентинцем поимённо, как это имеет место быть в его рассуждениях непосредственно о флорентийской государственности. Если в «Диалоге об устройстве Флоренции» Франческо в качестве героев рассуждения называет имена представлявших определённые политические группы в тосканской республике персоналий — Бернардо дель Неро, Пьеро Каппони, Паоло Антонио Содерини и своего отца Пьеро Гвиччардини¹, то в «Десятичной шкале» имена диспутирующих не обозначены. Подобное различие весьма показательно: политическое самосознание для Франческо Гвиччардини как личности в рамках парадигмы гражданственности, культивировавшейся во Флоренции со времён Колуччо Салютати [6, с. 135–136], выступает для него на первый план. Поэтому в обосновании необходимости проведения налоговой реформы от имени выступающего за неё оратора Большого совета он приводит аргументы, сводящиеся к коллективному «политическому разуму» флорентинцев. Однако в понимании гражданственности у Гвиччардини отводится важное место во-

---

¹ Четверо фигур диалога выражают следующие точки зрения на устройство Флоренции: ярко выраженных сторонников и противников режима Медичи в республике, умеренных сторонников Медичи (в представлении Гвиччардини, как это выражено в диалоге, за таковыми в государственном аппарате республики большинство) и т. н. «savii» — мудрых, специфической категории флорентийской политической элиты, конструируемой Гвиччардини в его сочинениях [9, р. 299–301].

просу личного блага как меры интереса гражданина. В этом отношении, характерно, что, от имени несогласного с налоговой реформой флорентийского оратора, Гвиччардини в качестве основного аргумента приводит выгодность поддержания действующего уровня жизни флорентинцев для решения ключевой политической проблемы республики — возврата Пизы. Более того, оратор, высказывающий мнение против налога, в рассуждении Гвиччардини приводит прямое заключение: уровень жизни каждого отдельного человека в государстве определяет политическое благосостояние самого государства. Если каждый отдельный человек во Флорентийской республике будет счастлив, возникнет всеобщая заинтересованность в разрешении пизанской проблемы в политике республики и консолидация вокруг её руководства для разрешения таковой. В этом отношении, диспропорционально прогрессивный налог, как полагает Гвиччардини, вреден прежде всего для осознания гражданами Флоренции неразрывной взаимосвязи между личным благом и политическим процветанием: «Первое, о чем должен подумать тот, кто планирует организовать государство, — это устроить дела таким образом, чтобы каждый был достаточно удовлетворен своим положением и чтобы ни у кого не было повода или необходимости желать нового порядка. Город — это единое тело всех граждан, и когда один член недоволен, остальные не могут чувствовать себя хорошо» [10, р. 371–372]. Органические представления об устройстве и основах государства, свойственные политической мысли ренессансной Флоренции [6, с. 125–193], тем самым, приобретают в данном рассуждении Франческо измерение, обратное коллективистскому пониманию гражданственности: государство как политический организм поддерживается заинтересованностью в нём каждого гражданина, а не наоборот. В этой связи следует согласиться с мнением современного италоамериканского исследователя К. Челли о том, что «предел личной заинтересованности» — ключевое измерение идей и взглядов Гвиччардини [7, р. 10].

Как известно, диспропорциональная налоговая реформа, рассуждения о которой развил Гвиччардини в сочинении «*La Decima Scalata*», была проведена гонфалоньером Флорентий-

ской республики Пьеро Содерини¹ в 1504 г. с одобрения Большого совета. Целью реформы провозглашалась организация наёмного войска для пизанской кампании Флоренции, однако эта кампания не увенчалась успехом. Более того, введение «лестничного» налога стало для Содерини актом политической дискредитации, поскольку противоречило принципам провозглашавшегося им «широкого управления» — «governo largo» [12, р. 268]. Таким образом, можно утверждать, что в сочинении Франческо Гвиччардини «La Decima Scalata» приведён пример логического противоречия, когда интерес и благо личности в государстве замещены конкретной политической задачей этого государства, а не взаимно дополняются друг другом. Результатом же иррационального, с точки зрения интересов гражданина как личности, урегулирования этого противоречия для Флоренции явилась ситуация, когда «...город никогда не был так близок ни к благополучию, ни к разорению, как сегодня» [10, р. 367].

Перевод с итальянского языка выполнен по изданию: *Guicciardini F. La Decima Scalata // Opere Inedite di Francesco Guicciardini. Ricordi Autobiografici e di Famiglia e Scritti Vari. Firenze: Presso M.Cellini, 1867. P. 353–378.*

ПЕРЕВОД

Во время войны с Пизой во Флоренции был введен налог под названием «десятая доля». Он действовал таким образом, что тот, кто получал десятину в пять дукатов или меньше, платил десятую часть своего дохода, тот, кто получал десять дукатов, платил десятую часть с четвертью, тот, кто получал пятнадцать дукатов, платил десятую часть с половиной и так далее. Ставка увеличивалась на одну четверть каждые последующие пять дукатов, и никто не должен был платить больше трех десятых. Когда эта мера была вынесена на рассмотрение Большого совета, но, казалось, не получила поддержки, представитель тех, кто благосклонно к ней отнесся, выступил следующим образом:

---

¹ Гонфалоньер справедливости Пьеро Содерини правил Флорентийской республикой в 1498–1512 гг., с 1502 г. — в качестве пожизненного гонфалоньера.

Рассуждение в поддержку налога

«Почтеннейшие граждане, все представленные вам положения должны быть рассмотрены с двух точек зрения. Во-первых, являются ли их результаты такими, что заслуживают одобрения, и, во-вторых, являются ли предлагаемые средства разумными и способствующими достижению желаемой цели». По первому вопросу предшествующие мне ораторы сказали достаточно. Они показали, что выделение средств необходимо для сохранения свободы и вашего суверенитета. Нет необходимости останавливаться на этом вопросе дальше. Однако, несмотря на удовлетворительную аргументацию первого пункта, они не смогли доказать второй. Чтобы убедить вас поддержать эту меру, им нужно было доказать, что она уместна и разумна, чего они не сделали. Я думаю, что это произошло не потому, что им не хватило правдивых, убедительных и обильных аргументов для убеждения, а скорее потому, что они не хотели обидеть тех влиятельных, ведущих людей в городе, которые выступили против этой меры. Я бы тоже предпочел не обижать этих людей. Однако меня одолевает преданность республике и желание выполнить свой долг. Пусть другие делают то, что считают нужным. Я хочу вести себя как хороший гражданин и как сын этого совета, который сегодня, по милости Божьей, является владыкой этого города и оказал мне честь, призвав меня служить в качестве одного из своих уважаемых коллег. Это означает не что иное, как защиту общего блага от воли сильных мира сего. Поэтому я буду говорить свободно и высказывать то, что считаю нужным для блага народа, без всякого почтения, потому что я его сын и слуга. Те, кто выступает против этой меры, приводят две причины. Во-первых, она несправедлива. Во-вторых, что она вредна. Они утверждают, что это несправедливо, потому что было бы справедливо, если бы налоги были одинаковыми для всех, тогда как этот налог неравный, поскольку многие будут платить только одну десятую и четверть своего дохода, тогда как другие будут платить одну пятую, одну четверть или одну треть. Они утверждают, что этот налог вреден, потому что он приводит к обнищанию богатых и вредит городу, потому что богатые почитают город и приходят на помощь в трудные времена, помогая бедным различными способами. Кроме того, ра-

зумное правительство¹ не должно стремиться изменить чье-либо положение, а позволить каждому сохранить свое место. При ближайшем рассмотрении эти доводы кажутся почтенными, истинными и прекрасными. Однако тот, кто рассмотрит их более внимательно, не позволяя себе обманываться внешним видом, найдет эти причины ошибочными и полными тщеславия. Я утверждаю, что этот уменьшенный десятинный налог является справедливым и равноправным, и какая бы несправедливость или неравенство в нем ни содержались, он вредит бедным, а не богатым. Чтобы налог был справедливым, он должен облагать как богатых, так и бедных. Когда бедный платит десятую часть своего дохода в коммуну, а богатый — десятую, дело не только в том, что налог богатого дает больше, чем налог бедного, а в том, что для бедного платить десятую часть своего дохода гораздо вреднее, чем для богатого. Справедливость налога не означает, что все должны платить одинаковую ставку, а означает, что платежи должны быть такими, чтобы они обременяли одного человека в той же степени, что и другого. Расходы граждан бывают трех видов: одни — необходимые, другие — для общего комфорта, третьи — излишние. Человек с доходом в пятьдесят дукатов или меньше не имеет достаточного дохода для удовлетворения своих потребностей. Если потребовать, чтобы они платили десятую часть этого дохода в виде налогов, это будет означать сокращение необходимых расходов. Люди с умеренным достатком, с доходом в сто или сто пятьдесят дукатов, имеют большую свободу действий и могут платить одну десятую с четвертью или одну десятую с половиной, сокращая расходы или комфорт, не урезая необходимое. Тот, кто имеет доход в двести или триста дукатов, даже если ему придется платить четверть или треть налога, не должен будет урезать ни потребности, ни удобства. Он мог платить из денег, которые в

---

¹ Дословно: правительство «мудрых», или «*savii*»; Гвиччардини подразумевал под подобной формой государственного устройства Флоренции соучастие в управлении тосканским государством наиболее осторожных его граждан, проявивших склонность к нейтральной позиции в отношении борьбы *pro* — и *contra* — медицинской группировки республики в период изгнания династии Медичи [3, с. 15].

противном случае потратил бы на лишние расходы или накопил в сбережениях. Поэтому богатые не могут жаловаться на этот прогрессивный налог или называть его несправедливым, поскольку его уплата не означает отказа от предметов первой необходимости, как для бедных, или от удобств, как для умеренно богатых. Не стоит упрекать и тех, кто находится в середине общества, помня о том, что этот налог не лишает их предметов первой необходимости, как бедных. Если кто и может назвать этот налог несправедливым и нечестным, так это бедные. Этот налог не вредит богатым так же, как и бедным, когда речь идет о предметах первой необходимости. У бедных есть основания не соглашаться со сторонниками этого налога, которые уважают богатых, но не имеют сострадания к бедным. Ведь мы все такие же граждане и члены этого совета, как и они. Можно даже без обиды добавить, что мы более привязаны к неторопливому существованию, чем они. У меня и моих сверстников может быть только один слуга, и когда мы хотим выехать за город, мы сами запрягаем нашу единственную лошадь в карету. В хорошую погоду мы можем даже отправиться пешком, налегке, не имея ничего, кроме одного плаща и мантии. Часто случается, что когда погода требует плаща, я уже одолжил мантию. Однако никто не жалеет нас за такие заботы и не считает справедливым, что мы платим налог. Однако богатые поднимают большой шум, когда уплата прогрессивного налога означает необходимость уволить одного из трех или четырех слуг, или завести пажа вместо лакея, или быть вынужденным продать мула или лошадь в конюшне, чтобы содержать другого. Подобно тому, как все мы являемся жителями одного города, налогообложение было бы равным и справедливым, если бы все сегодня были приведены к одинаковому уровню жизни. Я не вижу причин, по которым пешая прогулка в деревню должна вызывать больше трудностей у богатых, чем у меня. И почему богатые должны больше стыдиться того, что у них, как и у меня, только один плащ. Я родился во Флоренции, как и они. Зачем же так суетиться из-за того, что у меня всего один слуга? Богатым придется самим снимать сапоги по вечерам перед сном, или чтобы им помогали их жены или дети. Если бы они поняли, кто мы такие, и осознали, что нас несравненно больше, чем их, и сего-

дня каждый наш голос имеет такое же значение, как и любой их голос, тогда, я уверен, они бы меньше шумели. Они поймут, что мы можем открыть глаза и ввести честный и справедливый налог, который ударит по ним там, где они живут, а не коснется их лишь слегка, как этот налог, несправедливость которого заключается в том, что он обременяет бедных гораздо больше, чем богатых.

Они утверждают, что это наносит ущерб городу, потому что они оказывают честь городу своим богатством, помогая нуждающимся и покрывая расходы многих бедных. Это явно ошибочный аргумент, потому что их богатство приносит в сто раз больше вреда, чем пользы, как обществу, так и отдельным людям. Я утверждаю, что для города было бы наибольшей пользой, если бы мы приняли закон о том, что ни один гражданин не может иметь доход от своей собственности, превышающий сто или, самое большее, сто пятьдесят дукатов. Поскольку нет закона, препятствующего этому, следует ввести меры, подобные этому прогрессивному налогу, чтобы заставить каждого, кто владеет имуществом больше этой суммы, продать его, если его доход превышает то, что необходимо порядочному человеку для честной жизни. Все, что превышает эту сумму, является богатством, оскорбительным во многих отношениях. Как вы знаете, территория нашего города имеет пределы¹, то есть ее едва хватает на нужды всех жителей. Если у кого-то слишком много имущества, оно обязательно будет вредить другим. Если у кого-то больше, чем ему нужно, то у других должно быть меньше, чем им нужно. Это как если бы было достаточно ткани для десяти хороших плащей. Однако десять человек не могут иметь по плащу, если первые два или три плаща были слишком длинными и на них пошло больше материала, чем нужно, не оставив достаточно ткани для остальных. Если бы каждый имел справедливый надел, то наших территорий хватило бы на две тысячи жителей. Однако этого не хватило бы, скажем, на тысячу пять-

---

¹ Фактически считавшиеся владением Флорентийской республики территории Пистойи, Вольтерры и Ареццо, де-юре, не принадлежали к землям города Флоренции, что рождало в нём проблему т. н. «земельного голода» [11, р. 91].

сот, когда у некоторых больше, чем им нужно. Избыточное имущественное богатство вредит другим, лишая их доли. Ткань, которая могла бы прилично одеть каждого, плохо распределяется, если у одного человека плащ настолько велик, что он может завернуться в него три раза, и его длины достаточно, чтобы две длины руки стелились по земле, в то время как у других не хватает даже, чтобы быть одетым как нищий. Не думайте, дорогие граждане, что я просто выдумываю эти вещи, потому что в прежние времена эти вопросы предлагались и решались мастерами в искусстве управления городами. Из всех республик Греции ни одна не была более добродетельной и хорошо управляемой, чем Спарта. Из всех республик Италии ни одна не была благороднее, достойнее и лучше управляемой, чем Рим. В обеих были дискуссии, подобные нашим. Однако когда спартанцы организовали свое правительство, которое пользовалось большим уважением, они разделили все земли своей страны поровну между гражданами. В Риме не было такого строгого распределения, но был принят закон, по которому ни один гражданин не мог иметь больше определенного количества имущества, а у того, кто имел больше, вопреки закону, отбирали вышеуказанную сумму и даже выносили приговор¹. Я бы поддержал первое из этих двух положений, но поскольку наш образ жизни более порочен и не выдерживает хирургического вмешательства или сильных лекарств, то давайте хотя бы применим более успокаивающую мазь и не будем отбирать имущество у тех, у кого оно уже есть, или разорять или приговаривать тех, у кого его больше, чем положено. Вместо этого, давайте установим разумный налог, чтобы они могли что-то продать и заплатить его. Или, если они высокомерно настаивают, что налог должен быть настолько обременительным, то здесь я не хочу говорить то, что, возможно, должен, что они умрут от него, или, по крайней мере, они будут вынуждены отдать то, что у них есть в избытке, на нужды своей страны. Уверен, почтеннейшие граждане, если

---

¹ Данный пассаж Гвиччардини практически полностью дублирует идеи, высказанные его старшим современником и соотечественником Никколо Макиавелли (1469–1527) в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» [5, с. 155–156].

вы отбросите чувства и тщетные доводы и действительно задумаетесь над природой вещей, то обнаружите, что в этом городе нет более бесполезных и пагубных граждан, чем те, кто живет на жирные доходы от своей собственности. Помимо причин, указанных выше, то, что они имеют в избытке, лишает других людей элементарных потребностей. Откуда берется голод, если не от тех, кто не думает ни о чем другом, кроме как о цене зерна и о том, как хранить его до того времени, когда его можно будет продать за цену глаза с головы человека? Эти развратители города в большинстве своем родились и выросли в достатке, от богатства и собственности, для поддержания которых не требуется ни труда, ни промышленности. Дома они привыкли вести мягкую, изнеженную жизнь. На улице они ездят на красивых лошадях, щеголяя своими нарядами. Они вредят городу, воспитывая изнеженных детей такими же, как они сами, неспособными ни на что, неспособными содействовать общественным интересам советом или делом, потому что их объединяет отсутствие трудолюбия и опыта. Своим примером они вредят всем, потому что любой житель этого города, имеющий хорошее происхождение, стыдится того, что не может выглядеть хорошо обеспеченным, будь то дома или на людях. Таким образом, они живут не по средствам, а поддержание видимости приводит к разорению незаконными и нерегулярными способами зарабатывания денег, что является корнем бесчисленных зол. Поверьте мне, когда я говорю, что у города нет большего пятна или проблемы, чем лишние расходы, которые возникают в основном из-за них. Потому что, когда люди не в состоянии выдержать расходы, превышающие их средства, как это делают эти персоны, они больше думают о прибыли, чем о добродетели. Они ценят собственность больше, чем честь, и считают деньги выше своей души. Они становятся бесчестными и продажными и присваивают себе то, что принадлежит соседям, церкви, больницам и обществу. Всякий раз, когда они видят возможность наживы или кражи, они пренебрегают добродетелью, честью, страной и Богом.

Смотрите, ибо я приложил ваши руки ко всему злу, творимому гражданами с избыточной собственностью. Но давайте пойдем еще дальше. Они довольны только тем, что хорошо оде-

ты, уважаемы, имеют большие и гарантированные доходы, не требующие усилий и труда. Их не беспокоит постоянная забота о том, как заработать на жизнь и сохранить свое имущество. Знаете ли вы, о чем они думают? Как всегда, они думают о том, как стать еще более значимыми, как изменить статус-кво, как ввести в городе тиранию. Они наши враги. Я не имею в виду всех, ведь в любой группе есть достойные люди. Однако когда речь идет о свободе и народных формах правления, в большинстве своем, если бы у них были скромные доходы, то они стали бы честными и зарабатывали бы достаточно, чтобы содержать свое хозяйство и выдать замуж своих дочерей. У них не будет ни досуга, ни возможности ломать голову над тем, как уменьшить представительство в правительстве. При таком образе мышления они являются пособниками амбиций тех, кто обеднел и разорился из-за расточительных расходов. Как я уже говорил, это во многом объясняется примером, который подают те, кто, осознав невозможность привести свои дела в порядок обычными средствами, вынужден постоянно желать и придумывать новые стратегии. Таким образом, можно наблюдать, как много зла возникает, когда вещи плохо распределены. Я даже пойду дальше и скажу, что такое положение дел вредит самим богатым. Они и их дети растут в роскоши и безделье, не имея возможности заработать честный грош. Если их постигает несчастье, как это часто случается с людьми, у них нет ни промышленности, ни ноу-хау, чтобы защитить или поддержать себя. Поэтому они быстро впадают в такое бедственное положение, что вызывают жалость. Кроме того, их дети, выросшие в богатстве, в безопасности и тщеславии больших владений, часто приобретают плохие привычки и развратный образ жизни, так что даже без бедствий они становятся беспорядочными и бедными из-за своих собственных пороков. Когда они попадают в нищету, они не могут ее перенести, потому что не привыкли к трудностям.

Они не умеют жить только на то, что им необходимо, как те, кто родился и вырос в бедности и знает, как подстраиваться под такой образ жизни, который других довел бы до отчаяния. Даже если они не впадают в нищету из-за несчастья или по собственной вине, их расточительство и мотовство сокращают их жизнь и всегда делают их несчастными. Посмотрите на богатых

людей, страдающих подагрой, мокротой, камнями в почках и тысячей болезней, из-за которых они умирают раньше, чем остальные, чью жизнь они делают несчастной. Любой обычный, неизбежный недуг, который обычно не доставляет особых хлопот, вызывает у них полдюжины лихорадок. Не позволяйте убедить себя аргументом, что те, у кого много имущества, полезны для города, потому что помогают в трудные времена, так как это совсем наоборот. По милости Божьей, из-за своего расточительного образа жизни и из-за того, что их доходы нерегулярны и зависят от погоды и дефицита, эти люди никогда не имеют ни гроша. Я не хочу называть имен, но пойдите и поговорите с теми, кто живет за счет своего имущества. Большинство из них обычно в долгах, проводят большую часть времени, пытаясь выровнять свои счета, и никогда никому не платят. Они не делают чести городу, потому что честь города состоит не в том, чтобы видеть их на площади или рынке в богато расшитых плащах или сверкающих мантиях. Честь города — это те граждане, которые знают, что делать и что говорить в любых обстоятельствах и по любому поводу, которые любят свою страну, чьи советы и опыт выдерживают тщательную проверку, на чьи услуги город может рассчитывать во время любых внешних или внутренних трудностей, которые могут возникнуть. Именно они делают честь республике, сохраняют ее и делают ее великой. В римские времена часто случалось, что какой-нибудь бедный гражданин, который в своей нищете в одиночку трудился в поле, становился консулом или диктатором и, получив известие, отправлялся в город, чтобы вступить в должность. Не следует также думать, что они высылали за ним карету, ибо он приходил пешком, как я, участник Большого совета, часто прихожу из деревни. Неправда и то, что богатые поддерживают многих в их нуждах. Напротив, как я часто говорил, поскольку они не платят свои долги и удерживают то, что принадлежит другим, они не дают ничего своего. То, что у них есть, они тратят на рабочих, прислугу и слуг (которые либо иностранцы, либо крестьяне), или на лошадей, соколов и гончих. Это не только не приносит пользы городу и его жителям, но и вредит им, вырывая хлеб из уст людей и отдавая его чужеземцам и животным. Я мог бы сказать еще многое, но вывод таков: слишком большое имущество

не приносит никакой пользы, но скорее разрушает город и его жителей, а также тех, кто им владеет. Если я понял, как вредно избыточное богатство, то следует найти способ обложить налогом не только тех, у кого слишком много имущества, но и тех богатых купцов и денежных людей, которые получают большие проценты от городских облигаций и благочестивых финансовых учреждений. Что касается последних, позвольте мне повторить то, что я сказал о собственности, потому что рассуждения те же самые. Можно было бы что-то сделать, если бы не уважение к обещаниям, к вере людей, которые поверили или вложили деньги, что было бы слишком большой неудачей, чтобы не почтить и не запятнать ее. Для купцов эти аргументы неприменимы. Это не простое дело, поскольку гораздо легче действовать против недвижимости и имущества, которое видно, чем против других форм богатства, которые неопределенны. Часто тот, кто кажется богатым и великим купцом, оказывается бедняком, находящимся на грани банкротства. Есть и другие причины. Богатство купцов не вредит другим, потому что оно никого ни в чем не обделяет. Деньги, которые зарабатывает один из наших граждан, выезжая за границу или отправляя свой товар в разные места и получая за это прибыль, не влияют ни на город, ни на кошельки других граждан. Действительно, купец не отбирает эти деньги у других граждан, чтобы обогатиться самому, а действует на их благо, принося деньги во Флоренцию. Если купец хорошо зарабатывает, это не мешает зарабатывать другим. Купцы также не несут ответственности за голод, накапливая зерно. Во времена дефицита они создают изобилие, ввозя зерно из-за границы. Купцы — это люди, привыкшие зарабатывать на жизнь. По этой причине, а также потому, что богатство, основанное на торговле, требует постоянного труда и трудолюбия, они не предаются праздности и не держат своих сыновей в праздности, но в основном воспитывают их в своих собственных предприятиях. Они не тратят заработанные трудом деньги так щедро, как те, кто привык жить на доходы от своих поместий. Они не щеголяют и не подают плохого примера. Если бы они в свою очередь не покупали много поместий, чего они не стали бы делать, если бы у нас был десятинный масштаб, они были бы гораздо более бережливыми и скромными, ибо поместья их портят. Купцы и

люди с деньгами хотят, чтобы в городе и во всем мире был мир, потому что иначе их товары ничего не стоят. Они посвящают свое время бизнесу и прибыли, поэтому не питают амбиций и не ищут новых способов ограничить доступ или участие в управлении. Это люди, от которых город и народ получают почести и выгоду. Купцы с большими доходами постоянно предприимчивы и активны. Вместо того чтобы оставаться без дела, они строят дворцы, церкви и мастерские, которые делают честь городу. Они дают бедным возможность заработать на жизнь. Именно они ссужают деньги городу, когда это необходимо, имея хороший кредит за границей благодаря своим связям во многих частях света, которые также весьма полезны для сбора новостей и информации. Они приносят большую пользу городу во многих отношениях. Отправляя ваших сыновей за границу или нанимая их здесь в мастерских, они оплачивают расходы на ваших сыновей, которые воспитываются в добродетели, а не в пороке. Они оплачивают расходы значительного числа ремесленников и простых людей, которые также являются частью города. Поэтому мы должны подумать о том, как помочь нашим купцам, которые полезны как обществу, так и частным лицам. Тех, у кого слишком много имущества, следует заставить сократить его, ибо это вредно не только для города и других, но и для самих владельцев. Достопочтенные граждане, позвольте мне похвалить скромность и добрую волю тех, кто по каким-то напрасным причинам придает значение мнению, что этот налог несправедлив. Они не победили его, хотя это принесло бы прибыль в их собственные кошельки. Теперь, когда все понимают, что справедливо и правильно, позвольте мне призвать их и других не только поддержать его, но и расширить масштабы десятой части, чтобы те, у кого слишком много поместий, могли от них избавиться. Поступив так, мы не только получим большую прибыль и благосостояние, как я уже объяснял, но и каждый будет одинаково защищен в своем положении. Ведь мы все граждане, имеющие одинаковое звание, так давайте же все станем истинными равными, как это и должно быть.

Высказывание против налога, за преобладающее мнение.

Позвольте мне осмелиться заявить, почтеннейшие граждане, что я вправе утверждать, что, по правде говоря, этот город

никогда не был так близок ни к благополучию, ни к разорению, как сегодня. По милости Божьей город приспособился к свободам народного правительства, что является его естественным и привычным состоянием. Нет сомнений, что если мы продолжим этот образ жизни в упорядоченном и трезвом виде, увеличим счастье людей и поймем, как сделать так, чтобы каждый был доволен своим положением, насколько это возможно, то город будет процветать в мире, единстве и богатстве. На этом прочном основании город не только освободится от внешних трудностей и вернет себе Пизу, но и расширит свои владения и приобретет славу, превосходящую все достигнутое в прошлом. Напротив, если он станет беспорядочным и разнузданным, будет настаивать на стирании всяких различий и рангов между гражданами, позволит преобладать суетным и диким мнениям, то, несомненно, смятение и раскол между нами приведут город к тому, что он не только не сможет преодолеть нынешние опасности, но, несомненно, окажется на пороге великого бедствия и разрушения. Поэтому вам, почтенные граждане, как правителям, от которых зависит удача или неудача города, необходимо не слушать необдуманных и развратных людей больше, чем это неизбежно, не позволять легко убедить себя странными и экстравагантными идеями, не открывать путь к подрыву нашего старинного уклада жизни. Вместо этого вы должны действовать благо разумно и трезво в своих обсуждениях, для развития и укрепления гражданского единства, а не для создания хаоса, который приведет всех нас к гибели. Никто не может отрицать, что представленная вам мера не просто нечестна, но настолько экстремальна в своей нечестности, что я поражен тем, как она была представлена здесь нашим уважаемым коллегой. Если бы он мог вспомнить, что этот совет был создан для сохранения свободы и единства города, всеобщего мира, а не для того, чтобы стать источником раздоров, пагубных законов и постановлений, то, возможно, он мог бы сдержать свой язык, а не так бесцеремонно поощрять и приглашать Вашу Честь к деструктивной форме правления. Тем не менее, за свои действия он заслуживает нашей благодарности, потому что если его намерением было посеять раздор, то он сделал это с такой бесцеремонностью и отсутствием благоразумия и уличил себя в стольких противоре-

чиях и невозможных предложениях, что любой не слепой человек мог бы легко увидеть, насколько он далек от истины. Я признаю, что равенство, как основа свободы, является хорошим, даже необходимым атрибутом республики. Однако истинное равенство состоит в том, чтобы не позволять одному гражданину угнетать другого, чтобы все были равны перед законом и правительством, где голос каждого способного человека в этом совете имеет такое же значение, как и любой другой. Именно это означает равенство в свободе, а не то, что все должны быть равны во всех категориях. Некритическое понимание свободы и равенства в этом смысле означало бы, что мы должны собрать все имущество и деньги каждого и разделить их *pro capite* (по головам), чтобы бедные имели столько же, сколько и богатые. Государственные должности также должны были бы распределяться, как и все остальное. Таким образом, невежды, злые и неумелые могли бы стать гонфалоньерами, членами Совета Десяти¹, бальи, послами или комиссарами так же охотно, как и мудрые, достойные и добрые. Если бы мы действовали без разбора, мы бы уничтожили все промыслы и погасили всю добродетель и доброту, создав такой огромный хаос, который вскоре разрушил бы не только один город, но и весь мир. Таким образом, ваши ремесленники, подданные и крестьяне захотят быть равными вам во всем. Осознав, что их гораздо больше, чем вас, они заставят вас согласиться. Чтобы жить свободно, необходимо, чтобы равенство любили и уважали в меру, не устраняя всех рангов и различий между гражданами. Во всем мире Бог создал людей и вещи разными, что признается законами всего мира. Различать свое и чужое необходимо для поддержания всеобщего благосостояния. Если в городе у одного или нескольких граждан больше имущества, чем у других, то это объясняется либо удачей, либо их промыслами, либо промыслами их предшественников. Это предусмотрено законами и обычаями мира, потому что существуют различные способы заработка, с помощью которых можно законно накопить богатство и имущество.

---

¹ Совет Десяти, или Десятеро Свободы (*Ten Of Liberty*) в англоязычной передаче этого термина, — орган республиканской Флоренции, ведавший внешнеполитическими делами государства.

Те, кто хочет отнять собственность у владельцев с помощью закона или налогов, подрывают мировой порядок и совершают несправедливость и беззаконие, подходящее для пиратов и убийц. Правильные и хорошо управляемые республики обычно наказывают такие злодеяния, которые наш коллега, который кажется мне еще одним Солоном¹, хочет ввести в качестве закона. Он не понимает, что наши общие свободы были установлены не для чего иного, как для того, чтобы каждый мог спокойно пользоваться своими собственными и не быть узурпированным кем-то более могущественным. Однако он хочет использовать нашу свободу, чтобы красть и делить имущество тех, кто владеет им на законных основаниях. Он злоупотребляет вашим терпением, определяя как справедливый закон то, что является верхом несправедливости и беззакония. Разумно утверждать, что богатые должны помогать городу больше, чем бедные. Я признаю, что это правда. Однако позвольте мне также заявить, что человек с доходом в триста дукатов, платящий тридцать, помогает не меньше, чем человек с доходом в сто, который платит десять, или пятьдесят, который платит пять, потому что при внимательном рассмотрении равенство или неравенство измеряется пропорциональной ставкой, которую должен платить каждый. Платя одинаковую ставку, все несут одинаковое бремя. Не подобает всем платить одинаковую сумму, но платить разные суммы в зависимости от состояния и возможностей. Если у бедняка есть только один слуга и только один плащ, его за это не критикуют. Однако его будут критиковать, если он будет тратить сверх своих возможностей. Точно так же богатый человек, который тратит скудные суммы, будет подвергаться упрекам, нападкам и порицанию со стороны всех. Объясняется это тем, что люди придерживаются разных стандартов в зависимости от своих способностей и рода. Даже в свободном городе все должны жить по одним и тем же законам и под одним и тем же правительством. Люди могут быть разных сортов, потому что один из них благороднее другого. Желание устранить такие различия подобно желанию разместить все квартиры в доме на одном этаже. Поэтому я говорю, что богатые страдают от потери деся-

---

¹ Солон — афинский государственный деятель, ум. в 558 г. до н. э.

той части своего дохода не меньше, чем бедные, потому что это нарушает их необходимые расходы, как и у бедных. Необходимые расходы не одинаковы для всех, но различны в зависимости от положения каждого человека. Богатым необходимо тратить много, чтобы поддерживать свое положение, так же как бедным необходимо тратить мало, или мне, человеку с умеренными средствами и имуществом, тратить умеренно. Тот, кто отнимает возможность делать такие расходы, нарушает не то, что является лишним, а то, что необходимо. Если их нужно чего-то лишить, есть другие, более честные способы — обложить богатых налогом, несколько большим, чем бедных, даже пропорционально. В последние годы взимаются налоги, штрафы и оценки, которые могут быть более честными и более полезными для города, чем терпеть неравенство, которое порождается таким разорительным налогом. Отнимать в гневе то, что кому-то принадлежит по праву, — это, не только по законам этого города, но и по универсальным законам всего мира, несправедливость и беззаконие, не сравнимые ни с чем. Разве вы не подумали о том, что поставлено на карту, о том, какой вред нанесен государству, заставив впасть в отчаяние столько богатых одаренных, знатных и благородных граждан с хорошей репутацией? Это не что иное, как путь к гражданскому раздору, подстрекательство тех, кто хочет сменить правительство и открыть дверь Пьеро Медичи¹. Первое, о чем должен подумать тот, кто планирует организовать государство, — это устроить дела таким образом, чтобы каждый был достаточно удовлетворен своим положением и чтобы ни у кого не было повода или необходимости желать нового порядка. Город — это единое тело всех граждан, и когда один член недоволен, остальные не могут чувствовать себя хорошо. Также нельзя назвать свободой, если одна часть города угнетается и плохо относится к другой. Мы восстановили свободу не для этого, а для того, чтобы каждый мог быть уверен в сохранении своего положения. Иначе это была бы разнузданная тирания или узаконенная тирания, каждая из которых нечестива, пока длится, но не длится долго из-за раздоров и злых последствий, кото-

---

¹ Пьеро II Медичи (1472–1503) — старший сын Лоренцо Медичи, правитель Флоренции в 1492–1494 гг.

рые порождает. Когда одна фракция недовольна, возникают разногласия. А где есть разногласия, там не может быть стабильности. Как сказано в Евангелии, дом, разделившийся сам против себя, не устоит¹.

Наш коллега говорит, что те, у кого есть собственность, вредят городу, потому что ему кажется, что они могущественны и стремятся ограничить доступ и участие в управлении. Он демонстрирует свою пристрастность в этом вопросе, но плохо осведомлен о путях мира, потому что ситуация прямо противоположная. Как гласит пословица, если вам выпала плохая рука, перетасуйте колоду. Те, кому плохо, от отчаяния подвергают себя любой опасности. Тот, у кого дела идут хорошо, не станет добровольно подвергать себя опасности. В частности, богатые люди, чье богатство состоит из имущества, которое они не могут забрать с собой, будут очень осторожны и не станут ставить себя в ситуацию, когда они могут потерять то, что у них есть. Если я не обманываю себя, они всегда склонны поддерживать того, кто находится у власти, хотя они могут надеяться, что им будет хорошо при тиране в таком городе, как наш, где все, естественно, презирают рабство. Я не сомневаюсь, что если мы будем использовать нашу свободу умеренно, без чрезмерного увлечения равными, то их нынешняя сдержанность рассеется, потому что они не смогут предсказать, что возобладает — беспорядок или порядок. Однако, когда они увидят, что в правительстве царит порядок, они сохранят спокойствие, поскольку им выгодно не жить в страхе и никому не подчиняться. Поэтому ваш долг — сохранить их дружбу и поддержку такого образа жизни, а не превращать их во врагов. При внимательном рассмотрении нельзя ожидать, что этот налог будет и дальше приносить много дохода, так как вскоре его доходность уменьшится после того, как он ударит по некоторым достаточно сильно, чтобы разорить их, заставив продать свое имущество. Это показывает беззаконие этого налога и недобросовестность его сторонников, поскольку для общества он принесет мало пользы, а для отдельных людей — большой вред. Я не хочу подробно от-

---

¹ Мф. 12:25.

вечать на речи, которые, по его признанию, рождены чрезмерным рвением, поскольку большинство его аргументов по этому вопросу неуместны и вопиюще ложны. Верно, что расточительство — это большой недуг города, но оно исходит больше от тех, у кого есть готовые деньги, чем от тех, у кого есть собственность. Ведь они могут тратить свои деньги без особых неудобств. Они могут быть богаты, но, как говорится, им не до комфорта, и они больше заинтересованы в удобствах, чем в показной роскоши, поэтому у них нет средств для создания гражданского раздора. Воистину, если расточительство и вредит, то только тем, кто тратит слишком много и подает тем самым плохой пример. Однако это не повод для конфискации законно хранящегося имущества. Вместо этого, как и в других городах, мы должны пытаться подавить чрезмерные траты с помощью законов и соответствующих постановлений. Если кто-то несправедливо собирает или присваивает себе слишком много, то пусть к нему обращаются через законы и наказания; но давайте не будем по злобе отбирать у человека то, что он приобрел законно и разумно. Неправда и то, что у одних слишком много имущества, потому что у других его слишком мало. Я никогда не видел человека, у которого были бы деньги, но не было бы собственности. Слишком часто, либо из-за несчастья, либо по собственной вине, владельцы вынуждены продавать. У людей нет собственности, потому что у них нет денег. Не стоит также надеяться, что эта десятая доля наделит вас собственностью. Она может заставить граждан продать имущество, но никогда не заставит их отдать его. Тот, у кого нет денег на покупку, будет иметь их так же мало после десятой доли, как и сейчас. Есть еще пример того, как римляне и спартанцы делили имущество *pro capite*, запрещая кому-либо иметь больше определенной суммы. Половина того, что он сказал по этому поводу, не соответствует действительности, а другая часть не совсем точно описывает, как обстояли дела. Плебеи много раз предлагали аграрный закон, как римляне называли раздел земли. Само предложение этого закона посеяло много раздоров и вызвало беспорядки в городе. Был выдвинут закон, по которому никто не мог иметь больше определенного количества земли. Однако, в конце концов, он

так и не был принят, либо потому что казался бесполезным, либо потому что вызывал множественные разногласия.¹ В Спарте, правда, земля была перераспределена, потому что у правителей этого города была другая цель. Они хотели приучить свой народ носить оружие и жить в бедности, чтобы люди не думали ни о чем другом, кроме военных упражнений и мужественных добродетелей. Правительство лишило людей денег на торговлю и коммерцию, с помощью которых можно было зарабатывать на жизнь, а также всех удобств и удовольствий, которые можно было получить от богатства. Они установили дикий и суровый образ жизни. Я не хочу критиковать их из уважения к их республике. Но позвольте мне сказать, что либо из-за трудностей такого образа жизни, либо из-за того, что он не принес ожидаемых результатов, из всех городов и республик на протяжении многих веков после этого ни одна не выбрала этот путь снова. В наше время свести людей к такому образу жизни было бы невозможно. Чтобы подражать ему, нужно было бы отнять не только собственность, но и деньги, товары, всю заграничную торговлю, весь гуманный образ жизни. Речь идет не только о собственности. Для того чтобы этому примеру последовали, ему нужно следовать полностью или не обсуждать его вообще. Тот, кто захочет пойти по этому пути, должен будет носить оружие, как спартанцы, иначе вы можете считать, что поступали хорошо, а они только вредили. Поскольку вы не привыкли к оружию, будет трудно убедить вас взять его в руки и отказаться от своих ремесел и традиционного образа жизни. Как бы вы защищали свое государство без богатства, которое нанимает иностранных солдат и делает необходимые запасы для защиты ваших владений и свободы? Эти вещи достаточно легко обдумать, но трудно, если не невозможно, осуществить. Ибо все они вместе не

---

¹ По всей видимости, Гвиччардини рассуждает здесь об аграрной реформе братьев Гракхов, проведенной в 133 г. до н. э. и не признанной римским нобилитетом, как о законе выдвинутом, но не принятом. В действительности, как указывает современный отечественный антиковед В. А. Конюхов, на факт принятия закона Гракхов указывает закон Спурия Тория 111 г. до н. э., прямо провозглашавший отмену ряда аграрных преобразований братьев [4, с. 394].

могут быть выполнены, а выполнение одного, но не других, приведет к беспорядку, а не к порядку. Тот, кто хочет избавиться от землевладельцев, но сохранить купцов и тех, у кого есть деньги, как предлагает наш коллега, противоречит сам себе, потому что невозможно уничтожить одного, не ослабив других. Если купцу или тем, у кого есть деньги, запретить приобретать значительную собственность и тем самым не обеспечить будущее своих потомков, это неизбежно охладит их желание заниматься своим делом. Они не смогут работать за что-то солидное или поставить свои ноги на клочок земли. Они лишатся одной из целей, ради которой работают купцы, - приобрести достаточно недвижимости, чтобы каждый из их детей мог содержать себя достойно. Отнять это у них будет все равно, что отрубить им руки. Им некуда будет девать свой располагаемый доход, поскольку невозможно все занять в деле. Даже если бы это было возможно, мужчины все равно предпочитают откладывать часть своего богатства на хранение. Таким образом, они будут либо бесполезно хранить деньги в запасе, либо заниматься ростовщичеством, что является плохим и пагубным делом. Таковы предполагаемые достоинства, к которым приведет нанесение ударов по владельцам собственности. Скажем еще больше. Когда начнется этот бесчестный грабеж имущества и богатства и экстремистские методы будут править городом, какие гарантии будут у купцов или у тех, у кого есть деньги, что они не будут обложены подобным налогом позже, после того как их владения будут сровнены с землей, тем более что это соревнование за собственность будет решено через несколько ходов? Как я уже сказал, эта десятая часть чрезвычайно обременительна, но мало что дает. Любой, кто захочет продолжить этот налог, будет вынужден неоднократно к нему возвращаться. С полным основанием они осознают риск того, что купцы не только сократят свою деятельность, чтобы скрыть свои доходы, но некоторые даже подумают о том, чтобы поселиться в другом месте. Надо также понимать, что наш коллега с готовностью применил бы ту же меру к тем, кто получает от государства процентные выплаты. Если бы не глубокое уважение к доброй воле общества, которое он высоко ценит, он мог бы с таким же успехом предло-

жить, чтобы каждый, кто приобрел собственность в соответствии с верой в наши законы и нашу судебную систему, был ограблен и опустошен, как если бы он был брошен на дорогу. Как только дорога будет открыта для этих несправедливых и незаконных путей и станет очевидным, что вы, почтеннейшие господа, начали внимать этим агитаторам и этим рассеивателям свободы, тогда бедные без колебаний избавят себя от такого налогового бремени или будут озабочены тем, чтобы обложить богатых несправедливым налогом и разорить их. Эти клеветники будут появляться каждый день, чтобы предложить нечестные и экстравагантные меры, которые могут показаться сладкими на вкус, но в итоге окажутся ядовитыми. Потому что когда человек начинает прибегать к этим пагубным изобретениям и управлять городом по аппетиту масс, а не по благоразумному совету, то нечто, что последует за этим, обязательно будет изобиловать смятением и беспорядком. Города разрушаются либо из-за противоречий в обществе, либо потому, что люди обращаются к злым путям и надеются приобрести богатство и почести, устраивая беспорядки и принимая незаконные законы. Добродетель, промышленность и труд уступят место праздности, хищничеству, лености, злым словам и худшим делам. В такой ситуации станет невозможно сохранить традицию глубоко укоренившейся и надежной свободы, не говоря уже о нашей, еще новой и эфемерной. И все же в памяти людей должны оставаться воспоминания об истории беспорядков в Чомпи, в результате которых наш город одним махом лишился всего¹. Не верьте, что они начались как нечто более бурное; поводы к ним если и были, то более сдержанные. Такие события имеют скромное начало. Однако если люди не обращают на них внимания, то проблемы быстро множатся и распространяются до такой степени, что никто не успевает принять меры. Вспомните положение наших дел. У нас больше нет Пизы, центра нашего владычества и, можно даже сказать, души этого города². За границей находится

---

¹ Беспорядки в рамках восстания Чомпи в 1378 г.

² Подобное описание Гвиччардини значения контроля над пизанской территорией для Флоренции обусловлено тем, что с владением

могущественный повстанец, возможно, самая большая угроза, когда-либо существовавшая для города¹. Он из дома, который господствовал в нашем правительстве в течение шестидесяти лет и имеет преимущества в виде множества друзей и зависимых людей среди нас и наших владений, и он пользуется высокой репутацией среди иностранцев. Если вы хотите исправить эти беды, вы не должны разжигать их, внося раздор среди нас правительством, которое смущает и увеличивает недовольных, приводя в отчаяние влиятельных граждан и достойных людей. Разжигание такого беспорядка не приведет к восстановлению Пизы. Не приведет оно и к росту авторитета среди князей, среди которых у Пьеро Медичи на каждого его друга в этом городе приходится десять друзей, которые останутся его врагами, если вы не отдалите их, и они увидят, что гражданские дела идут упорядоченно и безопасно. Почтенные граждане, если вы хотите сохранить свою свободу и мирный образ жизни, если вы хотите вернуть городу его древний суверенитет и славу, то отбросьте тех, кто предлагает беспорядочные и сумбурные меры. Поддерживайте единство и гармонию среди ваших сограждан, ведя дела справедливо и осмотрительно, чтобы каждый мог надеяться жить под надежной защитой этого правительства и сохранить свое богатство и возможности. Устраните все, например, эту десятую часть, которая может терроризировать всех, кто хочет жить за счет своего имущества. Этот налог даст очень небольшой доход для нужд республики, но принесет большой вред, оттолкнув богатых. Если вы будете действовать правильно, каждый качественный человек будет дорожить свободой и народным правительством. Единство и гармония между гражданами будут поддерживаться. Мы можем надеяться, что будем

Пизой в тосканском государстве традиционно связывалась легенда Флорентийской республики — наследницы республиканской мощи Рима, долженствовавшей, подобно Риму, стать «империей» для Средней Италии. Кроме того, ещё во времена правления Лоренцо Медичи Великолепного в Пизу были выведены основные факультеты Флорентийского университета — Студии: пизанское владение, тем самым, имело не только престижный, но и культурный характер (см.: [12, 60–61]).

¹ Пьеро II Медичи.

наслаждаться всем счастьем, к которому может стремиться республика, как дома, так и за рубежом. Однако, как я уже сказал в самом начале, если вы пойдете другим путем, этот бедный город скоро придет в упадок, и мы будем сетовать на то, что причиной тому были мы, а не кто-либо другой.

Библиографический список

1. *Гвиччардини Ф.* Воспоминания о себе самом // Гвиччардини Ф. Сочинения / пер. с ит. А. К. Дживелегова. М.: Наука, 1934. С. 301–520.

2. *Гвиччардини Ф.* История Флоренции / пер. с ит. Н. П. Подземской // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступ. статья, коммент. Л. М. Брагиной. СПб.: Алетейя, 2002.

3. *Дживелегов А. К.* Франческо Гвиччардини // *Гвиччардини Ф.* Сочинения / пер. с ит. А. К. Дживелегова. М.: Наука, 1934.

4. *Конюхов В. А.* Аграрный закон 111 г. до н. э. как исторический источник / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: всеобщая история. Т. 12, № 4. 2020. С. 390–398.

5. *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. с ит. М. А. Юсима // Никколо Макиавелли. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: АСТ, 2004. С. 136–468.

6. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли. Том 1. Эпоха Ренессанса / пер. с англ. А. А. Олейникова; под науч. ред. В. В. Софронова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.

7. *Celli C.* Guicciardini: The Limits of Self-interest. The Defeat of a Renaissance Intellectual: Selected Writings of Francesco Guicciardini / ed. C. Celli. Philadelphia: The Pennsylvania State University Press, 2019. P. 10–43.

8. *Gilbert F.* The Venetian Constitution in Florentine Political Thought / Florentine studies. Politics and Society in Renaissance Florence // ed. N. Rubinstein. London: Faber and Faber Ltd, 1968. P. 463–500.

9. *Guicciardini F.* Dialogo del Raggimento di Firenze // Opere di Francesco Guicciardini / a cura di E. Scarano. In 3 vols. Vol. 1. Torino: UTET, 1974. P. 297–484.

10. *Guicciardini F.* La Decima Scalata / Opere Inedite di Francesco Guicciardini. Ricordi Autobiografici e di Famiglia e Scritti Vari. Firenze: Presso M.Cellini, 1867. P. 353–378.

11. *Herlihy D.* Medieval Households. Cambridge/London: Harvard University Press, 1985. 272 p.

12. *Hörnqvist M.* Machiavelli and Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 324 p.

Д. В. Самотовинский
(Иваново)

**ТРАКТАТ ЛУИ ЛЕ РУА «РАССУЖДЕНИЕ О ФРАНЦУЗСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, УДИВИТЕЛЬНЫЕ
СОБЫТИЯ КОТОРОЙ КРАТКО ИЗЛОЖЕНЫ» (1567):
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ**

Вторая половина XVI в. во Франции была ознаменована религиозным расколом и Религиозными войнами. Однако именно эти вызовы побуждали французов размышлять на темы социальных конфликтов, политики и истории. Одним из этих французов был Луи Ле Руа (ок. 1510–1577). Он начал свой путь как гуманист, эрудит, переводчик древнегреческих авторов, но кризисная ситуация в стране подтолкнула его к размышлениям о политике и истории. Итогом этих размышлений стал его трактат «Рассуждение о французской и всеобщей истории Нашего времени» (1567). Сочинение было написано в форме письма Екатерине Медичи, матери короля Франции Карла IX. Главной чертой «Нашего времени» Ле Руа видел глобальную взаимосвязанность событий. Адекватным способом описания новой реальности должна была стать «всеобщая» история, показывающая взаимосвязи между происходящим в разных странах и частях света. История Франции, по крайней мере современная, также не могла быть понята вне более широкого или даже глобального контекста.

Ключевые слова: Луи Ле Руа, Религиозные войны во Франции, «совершенная история», «всеобщая история».

Луи Ле Руа, или Людовик Регий (Loys Le Roy, Ludovicus Regius, ок. 1510, Кутанс, – 1577, Париж), был известен современникам как гуманист-филолог, переводчик Платона, Аристотеля, Исократы, Демосфена и др. Изучал древнегреческий язык в Париже у «королевских лекторов» (ок. 1530–1535), учреждённых Франциском I. Осваивал право в Тулузе (1535–1540). В 1572 г. был пожалован должностью «королевского лектора».

14 последних лет жизни Ле Руа пришлось на Религиозные войны во Франции (1562–1598). В этот период он написал ряд

© Самотовинский Д. В., перевод на русский язык, предисл., коммент., 2022.

трактатов на французском, в которых призывал соотечественников к миру, терпимости, ненасильственному восстановлению религиозного единства. Выступал за сильную королевскую власть, полемизировал с гугенотами-монархотами¹. В 1575 г. Ле Руа опубликовал философско-исторический трактат: «О прератности, или изменчивом разнообразии, вещей во вселенной».

Сочинение «Рассуждение о французской и всеобщей истории Нашего времени, удивительные события которой кратко изложены» впервые увидело свет в 1567 г. Оно было написано в форме письма Екатерине Медичи, матери короля Франции Карла IX, фактической правительнице королевства, и датировано июнем 1567 г. В памяти французов были ещё свежи воспоминания об ужасах первой религиозной войны (1562–1563). Напряжённость между католиками и гугенотами сохранялась, но боевых действий не велось. В конце сентября начнётся вторая война (1567–1568), но в июне это вряд ли кто-нибудь мог предсказать. В этом напряжённом затишье Ле Руа написал своё «Рассуждение».

Из сочинения следует, что Ле Руа некогда получил от Екатерины Медичи «повеление» «пересмотреть», «исправить» и «продолжить» некие «Анналы Франции». Речь, видимо, шла об «Анналах и хрониках Франции» (*Annales et croniques de France*, 1492), созданных хронистом Людовика IX Николя Жилем (*Gilles*, ?–1503) на основе средневековых «Хроник Сен-Дени». С середины XVI в. сочинение вдруг обрело большую популярность благодаря издателю, переводчику и «историографу» Дени Соважу (*Sauvage*, 1520–1587). Он издавал «Анналы» в 1549, 1551, 1559, 1562, 1566, 1571, 1572 и 1585 гг., максимально сохраняя аутентичный текст и постоянно продолжая повествование [7, р. 262]. Задача Ле Руа, вероятно, состояла в том, чтобы переработать и продолжить «Анналы» в соответствии с новым гуманистическим стилем и требованиями к достоверности (например, троянская теория происхождения франков, используемая Жилем, была уже архаизмом).

Из «Рассуждения» также ясно, что Ле Руа не исполнил «повеления», приведя в своё оправдание множество обстоятель-

---

¹ О жизни и творчестве Ле Руа см.: [9; 6, с. 73–75].

ств. Одно из них, которое Ле Руа не приводит, а скорее подразумевает, — его амбиции, побуждающие не просто «исправить» и «продолжить» «Анналы», но «исследовать дела, совершившиеся за одиннадцать столетий», «рассмотреть» процесс территориальных и институциональных изменений, которые претерпело королевство¹.

Более того, далее выясняется, что текущая история Франции должна быть рассмотрена в рамках «всеобщей истории», поскольку в «наше время» (XVI в.) мир обрёл глобальную связность, и события в разных странах не могут быть поняты вне связи друг с другом. Создать описание глобальных взаимосвязей — значит создать «совершенную историю». Так выглядели амбиции автора. Их масштаб отодвигал написание «совершенной» истории Франции в неопределённое будущее, подразумевал наличие «досуга» и прочих «удобств», которых на тот момент крайне не хватало.

Объяснив всю сложность предприятия, Ле Руа предложил своей повелительнице лишь рассуждения о последних событиях во Франции, бедствиях Религиозных войн, и общем состоянии мира. Подобный подход позволяет ему не только продемонстрировать глобальную связность событий, необходимую для «совершенной истории». Ле Руа представил своему высокому адресату и французскому читателю некую новую оптику, позволяющую нормализовать удручающую и травмировавшую реальность Религиозных войн. Он подчёркивал, что весь мир охвачен бедствиями, что в контексте «общего состояния мира в этот удивительный век», событиям во Франции не стоит «изумляться» как некой местной аномалии. Франция лишь следует «всеобщей участи, ныне огорчительной и жестокой».

---

¹ Эти амбиции созрели у Ле Руа давно. В письме своему покровителю епископу Жану Бертрану (5 апреля 1559 г.), Ле Руа сообщил о своём желании написать историю Франции, сравнив её с судьбами других государств. Он также отмечал, что осуществить такой большой труд будет не легко, поскольку потребуется много свободного времени, что он обязательно обсудит со своим покровителем замысел и форму своего сочинения, будет всецело полагаться на его мудрые наставления [12, f. 6v–7r].

Более того, мир, охваченный бедствиями, не деградирует и не близится к своему концу. Ведь наряду с войнами, восстаниями, пороками, современные люди, как в Европе, так и в Азии, демонстрируют таланты и добродетели, способность добиваться успехов в науках и искусствах, создавать могущественные государства, не уступающие по силе древним державам, совершать изобретения и открытия, неведомые античным учёным. Творческая сила человечества не иссякла, современные люди способны думать и действовать так же, как в наиболее славные эпохи Кира, Александра, Августа, арабских халифов. Бедствия, охватившие современный мир, — следствие всё той же творческой силы, а не свидетельство деградации человечества, так как во все выдающиеся эпохи рядом с великими достижениями процветало зло и случались катастрофы. Таков естественный порядок вещей.

«Рассуждение» переиздавалось в Париже в 1568, 1570, 1571, 1579 и 1588 гг. и в Лионе в 1568 г. Настоящий перевод выполнен Д. В. Самотовинским по изданию: *Le Roy L. Consideration sur l'histoire françoise et l'universelle de ce Temps, dont les merueilles sont succinctement recites... A la Roynne Mere du Roy.* Paris: De l'Imprimerie de Federic Morel, 1570. 15f.

**РАССУЖДЕНИЕ О ФРАНЦУЗСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, УДИВИТЕЛЬНЫЕ
СОБЫТИЯ КОТОРОЙ КРАТКО ИЗЛОЖЕНЫ
Королеве. Матери короля [Екатерине Медичи]**

Мадам, прошло уже довольно много времени, как Вашему Величеству угодно было повелеть мне пересмотреть и продолжить *Анналы Франции*¹. И если не брать во внимание, что я не знаю в себе ни способности исполнить это повеление, ни иного средства достойно Вам послужить, кроме желания и постоянного благоговения, хорошо Вам известного, которое день ото дня увеличивает во мне стремление Вам повиноваться, особенно в деле столь полезном и почётном, — всё же поручение это столь велико и трудно, что будь у меня та способность, которая, как Вы считаете, есть во мне, я бы долго не мог его исполнить. Ведь не малая затея — вознамериться исправить *Анналы* столь плохо

---

¹ См. Предисловие и статью К. Брату [7].

составленные, каковыми являются французские, и усердно исследовать дела, совершившиеся за одиннадцать столетий, и даже более, в этом великом королевстве, как во времена мира, так и войны; рассмотреть, как оно было основано, расширялось, сохранялось, причём на протяжении такого длительного времени, как никакое иное из тех, что есть сейчас, или из тех, о которых имеется память; проследить те перемены, которые с ним случились, касающиеся как верховной власти, так и его частей.

Посему, ожидая более благоприятных обстоятельств, чтобы взяться исполнить весь этот труд, следуя Вашему повелению, которому я должен всецело повиноваться, я тем временем предложил собрать события, произошедшие, начиная с мира в Камбрези¹ и кончины короля Генриха, Вашего достопочтенного и дорогого супруга², каковые, несомненно, столь удивительны, что никогда подобных не видели и о подобных не слышали. Ведь, выйдя тогда из войн с иноземцами, мы тотчас вверглись по ряду причин в раздоры гражданские — и главным образом из-за различия учений в религии³. Раздоры эти настолько распространились в королевстве, что оно жестоко от них пострадало, и в большей степени, чем от какого-либо другого бедствия, случившегося за время, пока оно существует. И это зло еще более бы возросло, если бы не та забота и то крайнее усердие, которые Вы проявили, чтобы его [королевство] замирить, добровольно подвергая себя всяким опасностям; даже забывали о своём здоровье и иной раз отправлялись в путь большой, чтобы восстановить общественное согласие и спокойствие.

---

¹ Мир в Като-Камбрези в 1559 г. положил конец Итальянским войнам (1494–1559). Ле Руа прославил его в своей латинской «Речи о Мире» (1559).

² Генрих II Валуа (1519–1559) — король Франции с 1547 г. Умер 10 июля 1559 г., получив за несколько дней до этого ранение на рыцарском турнире. По этому случаю Ле Руа написал латинское «Утешение Екатерине Медичи» (1560).

³ Ле Руа имеет в виду события первой религиозной войны, начавшейся с резни гугенотов в Васси (1 марта 1562 г.) и закончившейся Амбуазским миром (19 марта 1563 г.).

Мы видели все части Франции в состоянии смуты, почти без правосудия, законов и магистратов; родственников, вооружившихся против родственников, соседей против соседей, горожан против горожан, французов против французов, признающих одного короля, воспитанных в одних нравах, живущих по одним законам и говорящих на одном языке. Мы видели сражения и схватки, осаждённые, захваченные и разоренные города, разграбленные дома, опустошенную сельскую местность, разрушенные храмы, разбитые гробницы, реки, покрасневшие от человеческой крови, дороги и поля, усеянные зверски убитыми людьми. Мы видели, как иноземцы вмешивались со всех сторон в наши раздоры, каковые затихли гораздо быстрее, чем они надеялись¹.

Хотя и были эти бедствия ужасны, все же не будет большого повода изумиться, если рассмотреть общее состояние мира в этот удивительный век. Ведь есть ли хоть кто-нибудь среди всех людей, христиан или варваров, кто много не пострадал в это время? Не только каждый частным образом, но и короли, города, народы претерпели бедствия! Какое несчастье можно себе представить или помыслить, которое не случилось бы в этом веке? Мы не живём по-человечески, но, кажется, рождены для того, чтобы потомки рассказывали о нас вещи немислимые и необычайные. Султан Сулейман, правитель турок², которым можно восхищаться как первым государем нашего времени по причине такого продолжительного и удачного правления самой великой и самой могущественной за последнюю тысячу лет империей, — полный суетной гордыни и крайнего высокомерия, титуловал себя в своих рескриптах Господином всего мира! Ложно заподозрив своего старшего сына Мустафу в том, что он может лишить его правления и жизни, не повелел ли он его без-

---

¹ Под «иноземцами» подразумеваются итальянский и испанский корпуса, направленные во Францию Филиппом II по просьбе Екатерины Медичи, наемники из Германии и Швейцарии, приглашенные обеими сторонами конфликта, английские солдаты, занявшие Гавр-де-Грас по договоренности с вождями гугенотов.

² Сулейман I (1494–1566) — турецкий султан с 1520 г., получивший в европейской традиции прозвище Великолепный или Великий.

жалостно удушить в своем присутствии?¹ После смерти своей жены, которую необычайно любил, он увидел, как двое других его сыновей, Селим и Баязид, при живом отце воюют друг против друга в центре Анатолии за то, кто станет его наследником. Младший, проиграв битву, бежал к самому злейшему врагу Оттоманов, какового он также повелел умертвить вместе с тремя сыновьями после того, как его вернул². Исмаил Сефевид³ при помощи Текели Кызылбаша⁴ основал новую секту в магаметанской религии и под этим прикрытием завладел Персидской державой и рядом соседних областей. Устрашив своими победами весь Восток, он был атакован отважнейшим Селимом⁵ вплоть до своих родных краёв и побежден в самой памятной битве нашего

---

¹ Мустафа — старший сын Сулеймана I от жены Гульбехар, законный наследник престола. Любимая жена султана Хуррам (в европейской традиции — Роксолана), расчищая путь к престолу для своих детей (Селима и Баязида), скомпрометировала Мустафу в глазах отца, обвинив в заговоре. В 1555 г. Мустафа был задушен прямо на глазах у отца.

² После убийства Мустафы наследником престола стал Селим, сын Сулеймана и Хуррам (Роксоланы); однако после ее смерти (1558) поднял мятеж другой сын Сулеймана от Хуррам — Баязид (1559). Он был разбит войсками отца и попытался укрыться в Иране, но шах Тахмасп I выдал его отцу и Баязид был казнен (1561) вместе с сыновьями.

³ Исмаил I Сефевид (1487–1524) — иранский шах с 1502 г., основатель династии и государства Сефевидов.

⁴ Techel Cuselbas — Карабийык-оглу (ум. 1511), последователь шейха Гейдара, главы шиитского ордена Сефевидов и отца шаха Исмаила I (см. сноску 1), выходец из племени текелю, входившего в союз кызылбашских племён, уроженец местности Текели. В 1511 г. провозгласил себя «Шахкулу» («Рабом шаха» Исмаила) и поднял мятеж в Анатолии против власти турецких султанов под шиитскими религиозными лозунгами. В Европе стал широко известен благодаря «Истории моего времени» (1550–1552) итальянского гуманиста Павла Йовия, именовавшего его «Текели Кызылбаш» (лат. «Techellis Cuselbas» [11, p. 191]; во французском переводе: «Techel Cuselbas» [10, p. 353].

⁵ Селим I Грозный (1465–1520) — турецкий султан с 1512 г., предшественника Сулеймана I.

времени¹. Его сын и преемник Тахмасп² утратил Месопотамию и Вавилон, оставил на разграбление Тебриз, свою столицу, отдал на разорение Персию³ и стал свидетелем мятежа своего брата Алкаса, бежавшего к Турку⁴. Мулей Гасан, король Туниса, сначала изгнанный Барбароссой⁵ из своего королевства, самого древнего и славного в Варварии⁶, а затем восстановленный на престоле императором Карлом V⁷, в конце концов был свергнут своим сыном Амидасом и бесчеловечно ослеплен. Мула Амет, прозванный Шириф, который из школьного учителя и проповедника превратился в короля Феса, Марокко и всей Мавритании, имевший возможность выставить 80 тысяч всадников и 20 тысяч пеших воинов, прожив около восьмидесяти лет, был не так давно убит на охоте турецкими солдатами, набранными в его охрану⁸. Египет видел крах господства султанов и их мам-

---

¹ В 1514 г. войска Селима I Грозного в битве при Чалдеране нанесли сокрушительное поражение армии Исмаила I Сефеви.

² Тахмасп I Сефеви (1514–1576) — иранский шах с 1524, старший сын Исмаила I и его преемник.

³ Имеется в виду турецко-персидская война 1534–1555 гг. Войска Сулеймана I несколько раз (1534–1535, 1548, 1554) вторгались во владения Тахмаспа I и захватывали столицу Тебриз (1534, 1548), что заставило шаха в 1548 г. перенести столицу в удалённый Казвин. В 1555 г. был заключён мир, по которому Тахмасп утратил значительные территории на юге.

⁴ Брат Тахмаспа Алкас Мирза (1516–1550) был наместником в Ширване с 1538 г. Неудачный мятеж (1546–1547) против Тахмаспа вынудил его бежать к Сулейману I.

⁵ Хызыр (1475–1546) — турецкий средиземноморский пират, получивший у турок прозвище Хайр-ад-Дин, а у европейцев — Барбаросса.

⁶ Северная Африка (к западу от Египта).

⁷ В 1534 г. турецкий флот под предводительством Барбароссы захватил Тунис. Тунисский султан Мулей Гасан бежал под покровительство императора Священной Римской империи Карла V. В 1536 г. Карл V завладел Тунисом и вернул власть Мулей Гасану на правах своего вассала.

⁸ Ле Руа пишет о Мухаммеде аш-Шейхе аль-Махди — марокканском ширифe из рода Саадитов, который в 1540-х гг. в борьбе с португальцами, ваттасидским султаном и своим родным братом Ахмедом

люков¹. Венгрия, которая длительное время сопротивлялась туркам, оплакала скорбное поражение и гибель короля Людовика², и из-за разногласий принцев и сеньоров страны даже впустила их в столицу Буду и видела, как они проследовали в Австрию и Германию³. Нужно ли говорить о жестокостях Московита в Ливонии и Литве, о беспорядках в Англии и Шотландии, о возмущениях в Германии, Швейцарии и Фландрии, о мятежах, которые были в Испании около сорока лет назад и о [других] смутах, которые произошли из-за раздоров между королевствами и различия религий?⁴ О бедствиях Италии и тех страданиях,

---

аль-Араджем установил контроль над Марокко; в 1549 г. захватил Фес, в 1554 г. отразил попытку алжирского паши турок восстановить на марокканский престол своего ставленника. В 1557 г. погиб от рук убийц, внедренных в его охрану турками.

¹ Мамлюки — невольники тюркского, черкесского и грузинского происхождения, составлявшие гвардию султанов династии Айюбидов. В 1250 г. захватили власть в Египте и Сирии, основав свою династию, которая была прервана османским завоеванием в 1517 г.

² В 1526 г. Сулейман выступил в поход на Венгрию и в решающей битве при Мохаче разбил венгерское войско. Венгерский король Лайош II (1516–1526) погиб. Часть Венгрии оказалась под властью турок, а другая — австрийских Габсбургов.

³ В ходе Австро-турецкой войны (1529–1533) турки овладели Будой, а затем проследовали к Вене, но осада оказалась для них неудачной. Успехам турок способствовала война за венгерский престол (1527–1538) между трансильванским воеводой Яношем Зпольяи, которого поддержала большая часть венгерской знати и сам Сулейман, и Фердинандом Габсбургом, у которого также были венгерские сторонники.

⁴ Перечисляются конфликты в Европе (в основном с религиозной подоплёкой): 1) Ливонская война (1558–1583). 2) Крестьянские бунты в Англии 1530-х гг., восстание Роберта Кета в 1549 г. (?) 3) Восстание протестантов в Шотландии, поднятое проповедником Джоном Ноксом (1559), переросшее в англо-французское столкновение (1560). Возможно, восстание протестантов 1546–1547 гг., его подавление с участием французской армии, англо-французская война 1547–1550 гг. 4) Ряд потрясений в Германии, связанных с Реформацией: Великая крестьянская война (1524–1525), Восстание Мюнстерской коммуны (1534–1535), Шмалькальденские войны (1546–1552). 5) Каппельские

которые она претерпела от края и до края как от своих, так и от иноземцев?¹

Несомненно, не только вся Европа, но также крайние области Азии и Африки, жители Новых земель и Индий, Восточных и Западных, несметные в своем множестве и рассеянные по бесчисленным местам, были терзаемы войнами внешними и гражданскими. Повсюду государства были потрясены, претерпели изменения или гибель. Старые религии были возмущены новыми раздорами, а их обряды изменены. Явились неведомые древности болезни². Ни одна часть обитаемой земли, ни один человек не был избавлен от несчастий! Поэтому не следует удивляться, что в этой всеобщей участи, ныне огорчительной и жестокой, случилась некая беда и с Францией, но следует возблагодарить Бога, который, не желая оставить на погибель это королевство, самое превосходное, самое древнее и самое выдающееся в мире, вопреки людскому разумению, исцелил его по своему милосердию и посредством Вашего благоразумия, коему помогали славнейшие принцы крови и иные видные персоны из [Королевского] совета, хорошо разбирающиеся в государственных делах.

Воистину, Мадам, управление королевством, которое было доверено Вам сословиями Франции³ на время несовершеннолетия короля, Вашего сына, вверглось в беспорядок удивительный и бедствия для потомков невероятные. Но так же, как почитают не столько того кормчего, который в хорошую погоду и в

войны в Швейцарии (1529, 1531). 6) Иконоборческое восстание протестантов в Нидерландах (1566–1567), находившихся под властью Филиппа II. 7) Восстания городских коммун в Кастилии (1520–1522) против императора Карла V Габсбурга, который был также королём Испании под именем Карла I.

¹ Итальянские войны (1494–1559).

² Сифилис.

³ Карл IX взошёл на престол 5 декабря 1560 г. в 10 лет. Приватный совет назначил Екатерину Медичи регентшей — «правительницей Франции». Представители сословий на Генеральных штатах в Орлеане, созванные 13 декабря 1560 г. утвердили Екатерину в качестве регентши. В 1563 г. 14-летний Карл IX был объявлен совершеннолетним, но Екатерина осталась неформальным главой государства.

море тихом, в стороне от скал и мелей ведет свой корабль в добрую и безопасную гавань, сколько того, который, атакуемый жестокими ветрами, избиваемый неистовыми волнами, вздымающимися среди громов и молний, не видя ни неба, ни земли, причаливает к безопасному месту, — так добродетель выдающихся государей и государынь более удостоивается славы, если проявляется в невзгодах, а не в благополучии. Аристотель писал об Алкестиде и Пенелопе, дамах весьма знаменитых в Греции, что они не стяжали бы такой славы, не заслужили бы таких похвал, какие они обрели после своей кончины, если бы провели всю жизнь в удовольствиях, но деяния, которые они совершили, уготовили им вечную память¹. Так же, несомненно, будет и в отношении Вашего Величества. Опасности, которым Вы подвергли себя ради блага королевства, и труды, которые Вы совершили и настойчиво продолжаете совершать, кои являют Вашим [подданным] и иностранцам Ваше удивительное упорство, и Вам стяжают бессмертную хвалу на все грядущие времена. Те, кто придут после, будут прославлять знаменитый дом Медичи (откуда Вы произошли), господствующий сегодня во всей Тоскане, каковому они припишут, как делаем это мы, восстановление благих наук и искусств². Они будут рассказывать о том, как Вы были выданы замуж за одного из достойнейших королей мира, от которого у Вас было немало прекрасных детей, подающих большие надежды, среди которых Вы уже лицезрели двух королей Франции³, а вашу старшую дочь — королевой Испании благодаря редкостной удаче⁴; о том, как посредством плода,

---

¹ Об Алкестиде и Пенелопе упоминается в «Экономике» у Псевдо-Аристотеля [5, с. 239].

² Екатерина принадлежала к знаменитому роду Медичи, правившему с XV в. во Флоренции. В частности, она приходилась правнучкой Лоренцо Великолепному (1449–1492), флорентийскому правителю, поэту, который покровительствовал выдающимся гуманистам и мастерам, возродил «золотой век» наук и искусств.

³ Франциск II (1544–1560, король с 1559 г.) и Карл IX (1550–1574, король с 1560).

⁴ В 1559 г., после завершения Итальянских войн, по условиям мира в Като-Камбрези, старшая дочь Екатерины Медичи и Генри-

произошедшего от Вас, были соединены после длительных войн два главных королевских дома христианского мира, даже славнейшие на обитаемой земле. Они будут превозносить Ваше благочестие и благоговение перед Богом, доброту по отношению к вашим [близким], справедливость по отношению ко всем, благоразумие в управлении королевством, скромность в частной жизни, великолепие в публичной, беспорочность, честность, чистоту, сияющую в наше время, словно ярчайший светоч. Вас будут восхвалять не только за эти редкостные и выдающиеся добродетели, но также за то доброе и благочестивое воспитание, которое Вы дали нынешнему королю, Вашему сыну, в нравах, науках и ратном деле, приучив его с ранней юности к занятиям [государственными] делами и повелев, чтобы он обозрел все королевство, вплоть до крайних пределов повиновения ему¹, к удивительной радости подданных, которые принимали его повсюду, где бы он не проезжал, с невероятной любовью и почестями. Все, что они могли придумать и изобрести, служащее для убранства городов, украшения ворот, улиц, подмостков, домов, дворцов, храмов, было здесь употреблено. Люди всякого состояния, возраста, достатка, мужчины, женщины и дети двигались процессиями навстречу [королю], облачившись в свои лучшие одежды или доспехи, следуя за развернутыми знаменами, за теми, кто имел право носить оружие. Все являли и выражали по-

---

ха II, 14-летняя Елизавета Валуа (1545–1568), была выдана замуж за овдовевшего Филиппа II, став королевой Испании.

¹ Ле Руа описывает далее «Большое путешествие» королевского Двора по Франции (1564–1566), участником которого он был. Отправляясь в путь, Екатерина Медичи, хотела представить молодого Карла IX, ставшего совершеннолетним, его подданным, восстановить их лояльность короне, показать приверженность королевской семье католицизму и, в то же время, умеренной религиозной политике. Выехав из Парижа, Двор посетил в том числе: Фонтенбло, Труа, Лангр, Дижон, Макон, Лион, Авиньон, Э, Тулон, Марсель, Арль, Монпелье, Нарбонн, Тулузу, Монтобан, Бордо, Байону, Ангулем, Коньяк, Ла-Рошель, Нант, Анжер, Тур, Блуа, Мулен.

средством речей, изображений¹, стихов, песен, действий, танцев, пиршеств ту радость, которую они испытывали при виде своего высочайшего повелителя и молодого короля, с которым они связывали все свои надежды на счастье и процветание в будущем. Эта поездка столь же великолепна, как совершённая королем Франции прежде².

Но, следуя желанию Вашего Величества, я вернусь к моей прежней речи о французской истории. Французское королевство, расположенное посередине Запада, между Океаном и Средиземным морем, изобилующее богатствами, оружием, людьми благородными и отважными, лошадьми, судами, столь велико и могущественно, что соседи утверждают, что от него зависит мир или война в христианском свете и что оно не может шелохнуться, не приведя в движение остальной мир, воюем ли мы между собой или против иноземцев, по причине тех союзов, объединений, связей и взаимоотношений, которые имеют французы или их противники между собой. Как только началась гражданская война [во Франции], король Испании отправил сюда некоторое количество испанцев и итальянцев. Королева Англии захватила Гавр-де-Грас и помогла [гугенотам] нанять рейтаров. Швейцарцы обеим сторонам поставляли солдат. Папа Пий³ имел большой интерес в этом раздоре. В войне, которую прежде вели между собой короли Франции и Испании, папа Павел IV, герцог Феррары, синьория Сьены, Пьемонт, Корсика, швейцарцы и шотландцы были на стороне французов; на стороне Испании были Милан, Неаполь, Сицилия, Сардиния, Майорка, Минорка, Флоренция, Генуя, Англия, Фландрии, Перу и Новые земли, откуда шли деньги на ведение войны. Германия поставляла пеших и конных солдат обеим [сторонам], сколько они желали. Заключив здесь [в Европе] мир, испанцы снарядили на море эскадры,

---

¹ Например, жители Монтобана изобразили на триумфальной арке историю жизни царя Соломона, уподобляя молодого короля библейскому прототипу.

² Имеется в виду «большое путешествие» (1531–1534) деда Карла IX — короля Франции Франциска I (1494–1547).

³ Пий IV (1499–1565) — папа римский с 1559 г.

сначала [направив их] к Триполи и Джербе против Драгута¹, а затем к Орану и Пеньону против короля Алжира².

Когда Турок обращает свои войска на Венгрию и Австрию, ведя вместе со своими воинами огромные полчища татар, он заключает мир или перемирие с Сефеви либо подстрекает против него других врагов, чтобы его отвлечь. Если же, напротив, он идет походом на Восток, то прекращает или откладывает свои войны здесь [в Европе]. Король Португалии является хозяином торговли Аравии, Персии и Индий, держа то море под своей властью вплоть до Тапробаны³ и Чины⁴. С ним воевали турки, осадив, спустя некоторое время, вслед за его людьми,

---

¹ Тургут-реис, в Европе известен как Драгут (ок. 1485–1565) — пират на службе у турецких султанов. В 1551 г. захватил североафриканский порт Триполи, принадлежавший рыцарям Ордена Святого Иоанна; был назначен его правителем. В 1560 г. испанская эскадра с союзниками прибыла к Триполи, но осадить город не удалось. Тогда эскадра направилась к базе турецких пиратов на острове Джерба; удалось захватить часть укреплений. Однако турецкая эскадра Пиялепаши и Тургут-реиса разгромила христианский флот, десант овладел островом.

² Во второй половине XVI в. Алжир был провинцией Османской империи. В 1563 г. алжирский бейлербей (наместник) Хасан-паша осадил североафриканский порт Оран, принажавший испанцам. Филипп II снарядил эскадру в Картахене, которой удалось деблокировать Оран. В 1564 г. испанская эскадра отбила у алжирского бейлербея остров Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера.

³ Тапробана — идущее из античности название острова у юго-восточного побережья Индостана (позднее известен как Цейлон, а сейчас как Шри-Ланка).

⁴ Так в Европе XVI в. называли известную (южную) часть Китая, с которой торговали португальцы. Европейцы также знали, что севернее есть страна «Катай», о которой сообщал в своё время Марко Поло и другие путешественники, но не отождествляли её с «Чиной». Как две разные страны «Катай» и «Чина» изображались на картах XVI в., например, на карте Авраама Ортелиуса (1570). Только к концу столетия иезуиты, находившиеся с миссией в «Чине», начали догадываться, что «Катай» — это лишь «татарское» (монгольское) название страны «Чина».

Диу в королевстве Камбей¹ и разграбив не так давно Ормуз² у входа в Персидский залив. Кастильцы и португальцы соперничают из-за Молукк³ и стараются воспрепятствовать французам и англичанам ходить во Флориду и другие земли, недавно ими открытые⁴. Испания и Персия ладят друг с другом, как в подобных случаях и другие страны Востока и Запада.

Подобным образом связанные и сопряжённые дела мира не могут быть ни хорошо поняты одни без других, ни включены в совершенную историю. И многим кажется, что всеобщая связь и сопряженность Европы, Азии, Африки и Новых земель приводят к некоему грандиозному и из ряда вон выходящему эффекту, как их заставляют думать те удивительные знамения, которые были видимы в наше время на небе, в элементах и во всей нижней природе. Никогда Солнце и Луна не затмевались так часто и так явственно, никогда не видели столько комет и дру-

---

¹ Диу — островной город у западного побережья Индостана, находившийся в составе султаната Гуджарат (известен также как «королевство Камбей», по названию крупнейшего порта). В 1509 г. португальцы вынудили султана разрешить им открыть на Диу факторию. В 1538 и 1546 гг. местный султан и турки безуспешно пытались завладеть островом.

² Ормуз — остров, порт, принадлежавший одноимённому арабскому государству. С 1507 г. был захвачен португальцами. В 1552 г. турки безуспешно пытались захватить остров. В 1553 г. турецкий флот потерпел поражение в Ормузском проливе.

³ Молуккские острова («Острова пряностей») с 1512 г. колонизировались португальцами. Между Португалией и Испанией разгорелся спор о принадлежности островов, который был улажен Сарагосским договором (1529); архипелаг остался за Португалией.

⁴ В 1555 г. французы основали колонию («Антарктическая Франция») на бразильском побережье, принадлежавшем Португалии. В 1567 г. колония была уничтожена португальцами. В 1562 г. французы-гугеноты прибыли в испанскую Флориду, но через год покинули полуостров. В 1564 г. следующая экспедиция основала поселение, но оно на следующий год было уничтожено испанцами. В 1563 г. английская королева Елизавета I пыталась направить экспедицию во Флориду, но та не состоялась по вине командующего, авантюриста Томаса Стакли.

гих явлений в воздухе, никогда море и реки не выходили из берегов столь неистово. Никогда не слышали таких сотрясений земли. Никогда не рождалось столько чудовищ и таких мерзких. Также не было видано на людской памяти стольких перемен и таких частых, произошедших в государствах, нравах, законах и религиях.

Однако, если взвесим зло и благо, то вовсе не найдем в прошлом века, в котором бы умы и искусства, свободные и механические, достигли большего совершенства, нежели сейчас — ни во времена первого Кира¹, основателя прославленной Персидской державы, когда жили Пифагор и Фалес, главные создатели Ионийской и Италийской философии. Ни во времена Александра Великого, когда Греция произвела все, что было у неё когда-либо превосходного в науках, военном деле и во всех искусствах, когда жили Платон, Ксенофонт, Исократ, Эврипид, Демосфен, Аристотель, Теофраст и ряд прославленных полководцев и мастеров. Ни во времена Августа, когда Италия обладала верховной Империей, включавшей лучшую часть мира, и достигла такого же совершенства, какого прежде достигла во всем Греция, вскормив в одну пору Цезаря, Помпея, Цицерона, Варрона, Саллюстия, Тита Ливия, Горация, Овидия. Ни во времена сарацин², которые завоевали бесчисленные страны под предлогом распространения своей религии, стяжав в воинских деяниях и науках великую славу, среди которых расцвели Аверроэс, Авиценна, Албумасар, Месве, Рази, Авензоар³ и другие,

---

¹ Кир II Великий (ок. 590–530 до н. э.) — основатель Персидской державы.

² Средневековое название арабов-мусульман.

³ Ле Руа перечисляет латинизированные имена арабоязычных учёных, широко известных на латинском Западе: 1) Абу-ль-Валид Мухаммад ибн Ахмад аль-Куртуби, известен как Ибн Рушд, а на латинском Западе — как Аверроэс (1126–1198) — философ. 2) Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина, известный на Западе как Авиценна (980–1037), — врач, философ. 3) Абу Машар Джафар ибн Мухаммед (787–886) — астроном и астролог, автор «Введения в науку о звёздах». 4) Абу Захария Яхья бен Месуе (ок. 776–855) — врач, автор широко известного на Западе медицинского труда «Афоризмы». 5) Абу Бекр Мухаммед ибн Захария Ар-Рази (865–925) — врач, философ, алхи-

которые благодаря тонкости и живости своих умов стали весьма учёными в философии, медицине и математических дисциплинах, достойными сравнения с древними египтянами, халдеями, греками и римлянами. — Ибо за последние сто лет не только были извлечены на свет вещи, сокрытые прежде во мраке невежества, но также были узнаны многие другие, которые были совершенно неведомы древним: новые моря, новые земли, новые обличья людей, нравы, законы, обычаи, новые травы, деревья, смолы, соки, плоды, минералы, птицы, рыбы и другие животные, новые пути на небе¹ и в океане, прежде не изведанные, новые увиденные звёзды, новые совершённые изобретения, как-то: Книгопечатание, Артиллерия, использование иглы и магнита мореплавателями. [Мы узнали] возрождённые языки, способы ведения войны, осады и взятия крепостей, весьма отличные и более сокрушительные, чем те, что были в прошлом, монархии Константинополя, Великого Хана, Катая (Cathai), Московита², не менее могущественные, чем столь прославленные древние.

Рассмотрев это, мы должны более спокойно выносить случившиеся бедствия и те, что продолжают происходить в этом веке, ввиду того что, когда есть выдающиеся добродетели, тогда обычно появляются и великие пороки³, дабы придать им больше славы; и среди редких чудес часто рождаются ужасные чудовища.

мик, автор медицинских трактатов. б) Абу Марван Абд аль-Малик ибн Зор (1092–1162) — врач, автор многочисленных медицинских трактатов.

¹ Орбиты небесных тел.

² Перечислены державы, которые по своему могуществу не уступали древним и арабским государствам: 1) Османская империя, столицей которой с 1453 г. стал Константинополь (Иstanbul). 2) Монгольская империя. 3) Китай (см. сноску 4 на с. 103). 4) Московское царство.

³ Идея о синхронности возрастания пороков и добродетелей с расцветом цивилизации, возможно, имеет свои истоки в «Законах» Платона (678a–b). Один из персонажей диалога, Афинянин, утверждает, что, когда у людей появились государства, законы, искусства, «возникла великая испорченность, но и великая добродетель», т. е. у человека стало больше возможностей проявить себя как в добре, так и во зле [4, с. 128].

Некоторые полагают, что люди постоянно мельчают и дела человеческие идут к худшему. Если бы это было так, за то длительное время, что уже существует мир, мы бы все полностью превратились в ничто и не было бы ничего, что ценится нами¹. Но надобно считать вместе с некоторым древним мудрецом, что весь этот нижний мир подчинен верхнему и им управляется; и что от первого движения на первом небе зависят все остальные. Так что, в соответствии с аспектами, оппозициями, конъюнкциями, [угловыми] расстояниями, появлениями и сокрытиями звёзд сюда вниз нисходят различные влияния, делающие людей расположенными к добродетели, к наукам и военным занятиям в одни времена более, чем в другие. Далее, протекающие от одной и той же небесной причины великие и ужасающие явления — войны, голод, чума, наводнения, землетрясения, засухи и пожары — разрушают все дела человеческие в периоды неких переворотов во Вселенной, согласно тому, как части неба и земли связаны между собой и как расположена материя. Так, например, утверждают Платон и Аристотель вместе с астрологами, — что одни и те же вещи на протяжении длительного времени неоднократно изобретались и утрачивались, как с ними будет происходить и в будущем²; что, зарождаясь

---

¹ Ле Руа оспаривает распространённую в его время идею о том, что «мир стареет», уже совсем «дрякл» и близок к концу, что проявляется в уменьшении роста людей, в уменьшении их умственных способностей, в утрате добродетели [8, р. 290–295].

² В диалоге Платона «Тимей» (22–23) Критий приводит слова египетского жреца, обращённые к Солону: «Уже были и еще будут многократные и различные случаи гибели людей, и притом самые страшные — из-за огня и воды, а другие, менее значительные, — из-за тысяч других бедствий». Далее жрец рассказывает о былом культурном и военном превосходстве афинян, память о чём была утрачена греками после последней мировой катастрофы [3, с. 426–428].

Об этом же говорит Критий в одноимённом диалоге (109d–e, 111a) [3, с. 504–505]. В диалоге «Политик» (270c–d) Чужеземец также говорит о периодических потрясениях: «На всех животных тогда нападает великий мор, да и из людей остаются в живых немногие. И на их долю выпадает множество поразительных и необычных потрясений, но ве-

ради нужд, они мало-помалу становятся для украшения и роскоши, затем, вознесясь на самую высоту, тотчас низвергаются и приходят в упадок. Что сходствует с природой земли, которая, после того как она возделывалась некоторое время, утомляется и рождает лишь сорные травы до тех пор, пока благодаря отдыху вновь не обретёт силу. Но, признавая над естественными причинами Божественное Провидение, правящее этим миром, мы верим, что оно распределяет между людьми милости не одни и те же и не всем сразу, но каждому народу свою и в свое время, чтобы они не преисполнились гордыней и не возомнили о себе. Так военное дело, науки и искусства, сопровождая друг друга, шествуют из страны в страну и более культивируются в одни эпохи, чем в другие.

Итак, принимая во внимание ту удачу, которую Бог особо даровал этому веку, если хватит мне учености, красноречия, досуга и прочих удобств, чтобы писать, нет ничего, за что бы я взялся более охотно, чем за то, чтобы представить посредством правдивой истории необычайные события людям настоящего и грядущего. И чтобы иметь лучшее и более достоверное познание, я желал бы быть вознесённым сейчас на некое превысокое и выдающееся место, откуда я мог бы созерцать бесстрастно современное состояние нижнего мира и всю поверхность обитаемой земли — в каком она сегодня состоянии со всеми своими странами, равнинами, горами, долинами, лесами, пустынями, реками, морями, побережьями, заливами, портами, гаванями, городами, замками и крепостями. Чтобы одновременно я обозрел столько разновидностей людей, на ней обитающих, отлич-

---

личайшее из них то, которое сопутствует повороту Вселенной, когда ее движение обращается вспять» [4, с. 20].

В «Законах» (676c–d) Афинянин касается темы «относительно частой гибели людей от потоков, болезней и многого другого», когда «оставалась лишь незначительная часть человеческого рода», несведущая в искусствах [4, с. 127].

Аристотель в XII книге «Метафизики» (1074b) пишет, что, «по всей вероятности, каждое искусство и каждое учение изобретались неоднократно и в меру возможности и снова погибали» [1, с. 315]. В I книге «Метеорологики» (352a. 25) он излагает представление о периодических и закономерных масштабных потопах [2, с. 472].

ных друг от друга по цвету, телосложению, нравам, прихотям, языкам, одеждам. Рассмотрел бы христиан, разделенных на секты, но все же процветающих в науках и искусствах; тут же воинственных турок, господствующих в лучшей части мира, и отважных персов, их противников; тут же москвитов, устрашающих Север и Восток успехами своих побед; татар и аларбов¹, постоянно скитающихся и кочующих большими ордами, словно городами; дикарей Бразилии, поедающих друг друга; искусных чинцев (Chines) и катайцев (Catains)², ставящих себя выше всех по части изысканных произведений, богатств и могущества; кастильцев и португальцев, плавающих по всему Океану. Я увидел бы весь мир открытым, огромная часть которого вплоть до настоящего времени оставалась неизведанной; крайние пределы Востока и Запада, Юга и Севера, сообщающиеся между собой; торговлю, открытую по всему свету, и столь удалённых друг от друга людей, посещающих друг друга. Я увидел бы разнообразие и непостоянство человеческих дел. Я увидел бы, с одной стороны, бесчисленных людей, восставших и ожесточённых друг на друга из-за религии, с другой стороны, — народы, противостоящие народам, сеньории сеньориям, королевства королевствам, империи империям, одни из которых возвышаются, другие приходят в упадок. Я увидел бы морские и сухопутные войны, вызванные по большей части алчностью, честолюбием и завистью. Я увидел бы походы, грабежи, поджоги, разорения, засады, западни, стычки, сражения, битвы; мужество, отвагу победителей, преследование [врага]; ужас, отступление, бегство и горе побежденных; осады, приступы, обороны; грохот артиллерии, резни, взятия и разграбления городов; с одной стороны, ликования и триумфы, с другой, плачи и стенания. Все смешалось в этой жизни: радость и горе, надежда и страх, зависть, гнев, ненависть, заблуждение.

---

¹ Название «аларбы» произошло от слияния арабского артикля «ал» с этнонимом «арабы» и вошло в языки средневековой христианской Европы как обозначение кочевых арабоязычных племена северной Африки (Варварии).

² См. сноску 2 на с. 104.

Люди, старые, молодые, бедные, богатые, почитаемые и безвестные, трудятся ради вещей преходящих, которых они бесконечно жаждут вплоть до самой своей кончины, ежечасно добываясь их тысячей способов. Более того, если бы я мог проникнуть взором в сердца и умы сильных мира, я бы раскрыл их помыслы, намерения и рассуждения, их хитрости, притворства и обманы, интриги, домогательства, происки и тайные сношения, права, заслуги, ведущиеся споры, предупреждения, ответы, требования, тайные указания, шифрованные послания, посольства, соглашения, договоры, перемирия, положения, добрые и худые замыслы. Если коротко, я бы познал все дела настоящего времени, чтобы передать их потомству посредством правдивой истории, которую я охотно бы создал, если есть у меня способность, по образцу тех древних, которые стяжали наивысшую похвалу в этой манере письма, как греки Геродот и Фукидид, латиняне Саллюстий и Тит Ливий, коих, я полагаю, в первую очередь следует избрать для подражания, заимствуя от каждого из них наиболее выдающиеся достоинства и приспособлявая их для [описания] дел настоящего времени на нашем родном языке, как они делали это на своих.

Но, поскольку такой способ познания превышает возможность человека, остается прибегнуть к усердному наблюдению и исследованию событий, как они происходят, и к тем замечаниям, которые возможно будет получить [от других], учитывая посредственность [моего] разума и удела. В чем Вы, Мадам, можете оказать покровительство и помощь более, чем кто-либо другой, если пожелаете это сделать, особенно в этом деле, касающемся главным образом, чести Французского дома и Вашего Величества. Так делали в древности короли и принцы, заботившиеся о своем добром имени, передавая устно и в пространных писаниях воспоминания и истинные указания о своих делах добрым историкам, без каковой помощи невозможно, особенно в монархиях, создать историю, которая бы ценилась. Поскольку обычно дело обстоит так, что вместо правдивых повествований имеются лишь собрания лживых басен и плохо сочинённых измышлений, люди высочайшего положения не могут быть слишком заботливыми о доброй славе, неотделимой от добродетели. И нет ничего, чему бы люди ученые и красноречивые могли се-

бя лучше посвятить, чем защите доблестных деяний от уничтожающего действия времени и от кромешной тьмы забвения, сохраняя посредством правдивых писаний не только похвалу, которой они заслуживают, но и оставляя также безупречное свидетельство об истине, не искажая её ни из благосклонности к своим, ни из неприязни к иноземцам или из лести власть имущим, — безо всякого приукрашивания и утаивания. Правило это чрезвычайно трудно для соблюдения, особенно при изложении дел своего времени. Ведь, когда говорят о пороках и добродетелях людей здравствующих, то чаще всего снискивают, с одной стороны, недоброжелательство, с другой стороны, благосклонность. Это относится как к отдельным лицам, так и к народам, которые полагают, что им нанесено оскорбление, если описано какое-нибудь дело, в котором они проявили трусость или неблагоприятное (как если бы возможно было вести себя всегда отважно и мудро), несправедливо обвиняя историка во лжи, чтобы скрыть свою ошибку и вину.

Однако есть такая общественная польза от написания истории в совершенстве (чего достигли немногие писатели с тех пор, как впервые были употреблены буквы, и до настоящего времени), что те, которые чувствуют себя сколь-нибудь пригодными для этого дела, не должны из-за какой-нибудь трудности от него отступаться. Ведь чем они могут лучше заслужить благодарность человеческого рода, нежели передачей потомкам деяний и изречений славных мужей, дабы они послужили примерами тем, кто пожелает им следовать и в подражании им становиться сведущими в делах, стойкими в несчастьях, сдержанными в успехах, щедрыми и великодушными в богатстве, не презренными в бедности? Что могут они сделать более полезного или более прекрасного, чем возродить память о древностях стран и городов, о переселениях народов, о зарождении, возрастании и распространении религий? Представить формы государств, право, законы, обычаи, порядки, как гражданские, так и военные, постановления магистратов и решения судов, войска, доходы, финансы, союзы? Показать, как государства обретаются, почему одни существуют дольше, чем другие, благодаря чему они расцветают или приходят в упадок, а иной раз поднимаются вновь? Предупредить о превратностях фортуны, чтобы не

дивиться ничему, словно новому, и чтобы понимать, что с нами не происходит ничего такого, чего не произошло в прошлом и не случится потом? Описать моря и земли, неведомые места и далёкие страны, исследовать необычайные знамения на небе и удивительные происшествия в элементах — бури, землетрясения, наводнения, засухи, голод, чуму и другие контагиозные болезни, которые распространены в определённые эпохи и в определённых странах? Рассказать о природах иноземных животных, о свойствах растений, камней и металлов? И поскольку этого не сделать без выдающейся учености и исключительного красноречия в сочетании с мудростью, опытом, благоразумием и крайним усердием, то, тем более, предпринимающий [это труд] должен быть осведомлён в вопросах мира и войны и во всех государственных делах, проживать в прославленных местах и больших городах, полных учеными людьми и хорошими книгами, от которых он имел бы помощь и где бы он принимал отовсюду наставления. Итак, это дело, достойно исполненное, доставит рассудительным читателям удовольствие и неоценимую пользу вместе с удивительным пониманием, без которого мы всегда бы оставались детьми, неумелыми в делах возвышенных и значительных.

Чему, спрашиваю я, могут они посвятить себя с большей честью, нежели тому, чтобы запечатлеть краткую жизнь этих бранных вещей посредством бессмертного упоминания, которое они оставляют в своих превосходных и красноречивых писаниях? Сколько областей претерпело полное изменение, сколько городов до основания разрушено, сколько сеньорий и княжеств погибло? Сколько великих мужей мертвы, а их надгробия, дворцы, замки, богатства, рода, семейства уничтожены? Однако они живы благодаря историкам и будут жить, покуда существуют их книги, а иначе были бы погребены в вечном безмолвии и забвении. Поэтому должно называть жизнью не ту, которую мы ведем в этом теле, жалком, брэнном, полном томлений и недугов, подвластном бесконечным напастям, но ту, которой достойнейшие, после своей кончины, надеются жить душой на небесах, обладая вместе с тем счастливой и достойной почтения памятью, которую они оставят благодаря доблестным делам на грядущие века здесь внизу. Она [память], побеждая мало-

помалу зависть, будет постоянно приумножаться, питаемая потомками и хранимая вечно. Несомненно, не было бы в мире людей с худшей участью, чем великие властители, большинство которых проводит жизнь среди стольких скорбей, трудов, зависти, подозрений, доносов, заговоров, страхов, если бы их [земная] жизнь и слава заканчивались одновременно. Зачем подвергали бы они себя тысяче опасностей и трудились денно и нощно в делах мира и войны, если бы считали, что всё погибнет вместе с ними, и что те надгробья, которые покроют их земные тела, вместе с тем навсегда скроют их имена и похвалы неведением забвения? Но поскольку они поставлены на высочайшие должности ради общественного спокойствия и блага, их величие побуждает их к большей заботе о бессмертии, желанию оставить о себе доброе мнение и стяжать благими делами вечную славу на все грядущие времена, каковую не могут сохранить ни трофеи, добытые в великих битвах и завоеваниях, ни триумфальные арки, ни высокие пирамиды, ни пышные гробницы, ни великолепные здания, ни статуи из мрамора или бронзы, ни другие произведения, созданные человеческими руками, — недолговечные в потоке времени и погибающие в старении, которое все пожирает и истребляет. Но истории ученые и красноречивые — вот истинные и достоверные памятники государям, которые чем более старятся, тем больше исполняются силы, больше нравятся и более авторитетны!

Не то, чтобы я настолько возмнил о себе, чтобы полагать себя в силах создать таковую, ибо кто тот человек, столь дерзкий и возгордившийся, который рискнёт обещать такое заранее? Тем не менее, занимаясь всю свою жизнь науками и долгое время путешествуя по миру, я полагаю, что не будет совсем дерзостью испытать в предприятии столь возвышенном и трудном мою добрую волю и изложить письменно, если будут у меня к тому благоприятные обстоятельства, необычайные происшествия этого века, настолько удивительные, что таких никогда не случалось, как было показано выше. Заверяю, что желаю сделать это не из надежды на какую-нибудь плату (хотя мои долгие труды в свите Двора и непрестанные учёные занятия, может быть, достойны её), но чтобы служить, насколько могу, в том роде занятий, к которому Бог пожелал меня предназначить;

кроме того, чтобы служить общественной пользе, наставлять времена нынешние и грядущие и продлевать память людскую, как делали это наши предки, каждый в свое время, согласно своим дарованиям и знанию дел, которое они могли обрести благодаря опыту, наблюдению или рассказам других.

[Написано] в Париже в месяц июнь. MDLXVII¹.

Вашего Величества низжайший и покорнейший
подданный и слуга
L. Regius.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Сочинения в 4 т. Т. 1. М., 1975. 550 с.
2. *Аристотель*. Сочинения в 4 т. Т. 3. М., 1981. 613 с.
3. *Платон*. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3. М., 1994. 654 с.
4. *Платон*. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М., 1994. 830 с.
5. *Псевдо-Аристотель*. Экономика / пер. и прим. Г. А. Тароняна // Вестник древней истории. 1969. № 3. С. 217–242.
6. *Самотовинский Д. В.* Ле Руа Луи // Культура Возрождения. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. Кн. 1: Л–П / ред. кол.: О. Ф. Кудрявцев (отв. ред.), Н. В. Ревякина (зам. отв. ред.) и др. М., 2011. С. 73–75.
7. *Bratu C. Denis Sauvage: The Editing of Medieval Chronicles in Sixteenth-Century France // Studies in Medieval and Renaissance History. 2010. Vol. 7. P. 255–278.*
8. *Delumeau J.* La peur en Occident, XVIe–XVIIIe siècles: une cité assiégée. Paris, 1980. 607 p.
9. *Gundersheimer W. L.* The Life and Works of Louis Le Roy. Genève, 1966. 163 p.
10. *Jovio P.* Histoires sur les choses faictes et avenues de son temps en toutes les parties du monde, traduites de latin en françois, et reveues pour la seconde edition, par Denis Sauvage. Premier Tome. Lion, 1558. 650 p.
11. *Jovius P.* Historiarum sui temporis. Tomus Primus. Florentiae, 1550. 341 p.
12. *Ludouici Regii Constantini* Selectiores aliquot epistolae. Parisiis, 1559. 55 f.

---

¹ 1567 г.

С. В. Соловьев
(Москва)

**ЛОГИЧЕСКИЙ ПРОМАХ И ГЕНИАЛЬНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ.
ЭПОХА РЕНЕССАНСА В СОЧИНЕНИЯХ
ЛЕОНИДА МИХАЙЛОВИЧА БАТКИНА**

В статье рассматриваются основные работы Леонида Михайловича Баткина (1932–2016), посвященные эпохе Возрождения. Как представляется, в этих работах известный историк открыл новые горизонты в изучении культуры XV–XVI веков, введя в научный оборот такие понятия как диалогичность, варьета, ренессансная индивидуальность. Баткин рассматривал эпоху Возрождения как одну из главных вех в становлении современного европейского человека. Работы Баткина всегда вызвали бурную дискуссию в ученом сообществе, но и сегодня они столь же провокационны и не потеряли актуальности.

Ключевые слова: Ренессанс, гуманизм, Леонид Баткин, историография, гуманистический диалог, варьета, личность, Леонардо да Винчи, искусство, история XV–XV веков, риторика.

В этом году 29 июня исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося историка, культуролога и общественного деятеля Леонида Михайловича Баткина. На мой взгляд, это существенный повод вновь обратиться к его трудам, актуальность которых в настоящее время только возрастает.

Нужно сказать, что сразу после кончины Леонида Михайловича в ноябре 2016 года появилось немало статей его друзей и коллег (М. Л. Андреев, А. В. Доронин, М. И. Свидерская, М. А. Бойцов), которые показали масштаб его личности и широту дерзаний. Почти все авторы некрологов делали акцент на парадоксах творческой судьбы Л. М. Баткина: один из самых одаренных гуманитариев своего поколения он оставался словно бы на обочине «серьезной науки», был не понят и не принят в ака-

демической среде. Такое положение вещей обуславливалось не только его нравом нонконформиста и полемиста, но также теми проблемами, которые поднимались в его произведениях, и, не в меньшей степени, его методами и подходами к изучению исторического материала.

Сегодня, когда уже намечается временная перспектива в отношении сочинений Леонида Михайловича, а также утих шквал страстей, который всегда вокруг них бушевал (увы, уходит яркое поколение медиевистов, блиставших в 1960–70-е годы), есть смысл заново обратиться к этим трудам, не переходя на личности. Еще одним поводом для написания этой статьи стал выход последнего VI тома «Избранных трудов» Л. М. Баткина (первые тома увидели свет еще при жизни автора). И хотя Шестой том посвящен публицистике, в нем есть немало автобиографических заметок, касающихся научных изысканий [4].

Отмечая юбилей Л. М. Баткина, мне бы хотелось высветить значение его идей и открытий как историка Ренессанса, его вклад в эту область гуманитарных исследований, которая долгое время считалась одной из наиболее актуальных в отечественной исторической науке (сравнительно, например, со «темным временем» Средневековья). Хотя в конце 1990-х годов Леонид Михайлович расширил диапазон своих интересов от времен поздней античности (Августин) до века Просвещения (Руссо), в центре его внимания всегда находилась эпоха Возрождения. Как представляется, именно Ренессанс был соравен его дарованию и творческим амбициям.

Поражает тот факт, что первая работа Л. М. Баткина как «ренессансоведа» была одновременно и наиболее успешной в его карьере, но также, по мнению автора, незрелой и тупиковой. Студенческий диплом в Харьковском университете, защищенный затем как кандидатская диссертация, — «Данте и его время. Поэт и политика» — поражает обновленной энергетикой марксистского подхода; коллизии поэтических образов рассматриваются здесь сквозь призму идеологии и политики Треченто. Это сочинение подкупает литературной виртуозностью, а также позицией автора, который ощущает себя едва ли не соравным герою. Вот, например, Баткин говорит о «реакционности» Данте, который осуждает жадность и стяжательство: «Данте реак-

ционен здесь лишь постольку, поскольку всегда реакционен мелкий производитель средневековья, доводимый до отчаяния первоначальным накоплением и, естественно, ищущий золотой век в прошлом, ибо в будущем ему места нет. Идеал Данте — средневековый город, где даже дворяне носили простые одежды, а жены их сами сидели за веретеном» [3, с. 702]. Публикация этого труда в 1965 году вызвала неподдельный энтузиазм ученого сообщества: книгу вчерашнего харьковского студента перевели на итальянский язык, что для того времени было равносильно международному признанию.

Вместе с тем, переехав в 1967 году в Москву, Баткин во многом изменил свои взгляды и интересы. В его новую систему ренессансных координат Данте категорически не вписывался. Сместив предмет и ракурс рассмотрения Возрождения с политики на проблемы культуры, он пришел к выводу, что первым подлинно ренессансным мыслителем, олицетворяющим человека новой эпохи, является отнюдь не Данте, а Франческо Петрарка. Далее им были пересмотрены едва ли не все хрестоматийные положения, касающиеся периодизации и типологии ренессансной культуры.

Если говорить об эпохе Возрождения (в тех границах, в каких ее определял Л. М. Баткин), наиболее значимые проблемы и результаты научных штудий изложены в монографиях, которые составляют своеобразный триптих: «Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления» (1978); «Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности» (1989), «Леонардо да Винчи и особенности творческого ренессансного мышления» (1990). В каждой из этих работ Леонид Михайлович изучает своего рода симптоматику эпохи, выбирая в качестве «пациентов» наиболее выдающихся ее носителей: в первом случае это ранние итальянские гуманисты XV века, во втором — интеллектуалы XV–XVI веков, чей удел не только созерцать, но и действовать (центральное положение в структуре книги занимает фигура Лоренцо Великолепного), наконец, в третьем опусе на авансцену выходит художественное сообщество во главе с Леонардо да Винчи, имеющее отношение одновременно и к теории, и к практике культуры.

В выборе персонажей и литературного материала заключен еще один важный момент, отличающий Баткина-историка от других его коллег по цеху. Советская историческая наука предпочитала конкретику и четкую специализацию. Оказываясь на кафедре Средних веков и раннего Нового времени, тот или иной ученый на первых порах намеренно ограничивал себя обозримым кругом источников. Будь это сочинения одного конкретного автора или документы, связанные с узкой группой исторических лиц или конкретными событиями. Как правило, изучение источников сопровождалось их публикацией (то есть переводом и комментированием). И лишь на каком-то третьем или даже четвертом этапе освоения текстов происходил выход на обобщения и сущностные характеристики. Л. М. Баткин, оттолкнувшись от Данте, совершил прыжок в огромный корпус гуманистической литературы, взятой им как целостное, неразъемное явление, создаваемое не столько конкретными людьми, сколько интуицией исторического момента. Диапазон его источников — от Петрарки до Макиавелли и дальше к Аретино, Шекспиру и Сервантесу — поначалу обескураживает: ведь при таком материале можно потерять историческую конкретику и четкие исследовательские установки. Кажется, здесь наука заменяется беллетристикой, а факты — набором суждений.

Относительно Л. М. Баткина есть два аргумента, которые крепко защищают его позиции. Во-первых, его превосходное владение источниками, кругозор, энциклопедизм и объем знаний. Во многом он является продолжателем замечательной школы медиевистики рубежа XIX–XX веков (Л. Карсавин, А. Веселовский, П. Бицилли, М. Корелин, А. Дживелегов), которая, базируясь на изучении латинских текстов, открывала европейский Ренессанс для человека русской культуры, оглядываясь в том числе и на актуальные запросы современности. Во-вторых, исследовательская энергия Баткина преднамеренно была направлена не столько на конкретные источники, сколько на условия и обстоятельства, эти источники породившие. Как он сам неоднократно заявлял, ему важен не текст, а кон-текст. И даже под-текст: «За поверхностной семантикой скольконнибудь творческого текста всегда кроется экспериментальный подтекст, глубинное мысленное “а что если...” <...> Чтобы

прочсть текст как текст культуры нужно обнаружить в нем то, над чем текст трудится, из чего он тем самым растет. И что сказывается подспудно на логике его построения, на внутренней форме мысли» [8, с. 168–169]. С такими установками ученый сразу оказывается на междисциплинарном поле (между историей, филологией, психологией, эстетикой и т. д.). Для этого поля пока не придумано лучшего понятия, чем культурология. Л. М. Баткин не возражал, когда его представляли культурологом, но настаивал также и на праве именоваться профессиональным историком.

В советское время история культуры (особенно зарубежная) шла словно бы «в нагрузку» к серьезным проблемам истории экономики и политики. Здесь конечно сказывалось марксистское представление о «базисе» и «надстройке». Л. М. Баткин предпринимал все возможные усилия, чтобы перевернуть это представление относительно Ренессанса. Для него культура — это не надстройка над общественно-экономическим базисом. Это самая что ни на есть глубинная основа, порождающая историческую эпоху и отличающая ее от других этапов в развитии человечества. Тот тип духовных представлений, который складывается в какой-то исторический период, по мнению Баткина, задает определенные общественные и даже экономические отношения. В этом плане эпоха Возрождения в той же мере порождена «людьми пера», то есть гуманистами, сколь и свободными торговцами или банкирами.

Диалогичность вместо переходности

Рассуждая о типологии и специфике эпохи Возрождения, Л. М. Баткин ведет постоянный спор с привычными формулами и устоявшимися оценками. Один из главных сюжетов в его произведениях — смысл и сущность «переходности» Ренессанса. Как в зарубежной, так и в отечественной историографии логика изложения основных достижений XV–XVI веков строилась на противопоставлении «старого» и «нового». В каждом исследовании специально подчеркивалось изживание средневековых черт и появление культуры Нового времени. Открытие античного наследия, секуляризация, демократизм, расцвет наук и искус-

ств... Все эти «завоевания» Ренессанса подавались на фоне уходящего, «мрачного» Средневековья.

В концепции Л. М. Баткина переходность Ренессанса также утверждается как наличие сложного переплетения традиционного и новаторского. Однако это не просто транзит идей и представлений, затянувшийся на два столетия, когда молодое и прогрессивное с неизбежностью побеждает старое и традиционалистское. В самой противоречивости, дихотомии и амбивалентности Возрождения Баткин видит самоценность этого периода. Исторические труды, появившиеся во второй половине XX века, подчеркивавшие средневековый элемент в Ренессансе (например, монография В. Бранки «Средневековый Боккаччо»), убеждают его в том, что Возрождение не столько боролось со средневековым мировоззрением, сколько вело страстный спор на равных, со-полагало ему античные и другие идеалы просвещения, светскости, гедонизма и т. д. Баткин заявлял: «Одностороннее объяснение Возрождения — его модернизация или медиевизация, подчеркивание в нем христианского или языческого, средневекового или античного начала, художественного приближения к реальности или ее мифологического преобразования, имманентизма и трансцендентизма — любое из подобных объяснений слишком легко находит себе объяснение в материале... а значит все они словно бы взаимно погашаются» [3, с. 250]. Ренессансному миропониманию, по словам Л. М. Баткина, «свойственно постоянное стремление совместить полярности и примирить то, что, казалось бы, примирить нельзя: божественное и человеческое, предельное торжество духа и предельную радость плоти, возвышенность и повседневность, космический порядок и свободу воли, фантастику и реализм, этический пафос и натурализм, благочестие и светскость, христианство и античность» [3, с. 251].

Раскрытие концепции диалогичности Возрождения, какой ее видел Л. М. Баткин, требует отдельного исследования. Скажем только, что толчком к ее сложению послужил анализ гуманистической риторики и, конкретно, трактатов XV века, написанных в форме диалога [6]. Окончательное оформление она получила под влиянием философско-теоретических трудов М. М. Бахтина и В. С. Библиера. Уже на самых первых этапах

разработки темы, когда Л. М. Баткин заявил о диалогичности как важнейшей черте всей культуры Возрождения («подлинный предмет мироотношения»), у противников и сторонников этой теории возник вопрос: Нужно ли понимать, что диалог здесь существует ради диалога? Ведь когда на каждый тезис существует антитезис и наоборот, диалог может двигаться по кругу, не приводя ни к каким результатам. Если бегло обозреть работы Л. М. Баткина, касающиеся гуманистического диалога, складывается впечатление, что так оно и есть. Здесь часто говорят не то, что думают, а то, что думают, надо угадывать по едва уловимым интонациям, по знакам и намекам, разбросанным в тексте. В потоке диалогичности нет, кажется, никаких мировоззренческих оснований, на которые можно было бы опереться для позитивных выводов. Например, каких же позиций придерживается Лоренцо Валла в диалоге «О наслаждении»? Стоических, эпикурейских, христианских? Точно также, читая Баткина, решительно непонятно, на чьей стороне Поджо Браччолини, когда затевает спор «Об алчности» — с теми, кто преумножает богатства или пренебрегает ими? [6, с. 190]. Для Баткина-историка важнее само поле диалога (спора), нежели выявление победившей идеологии. Целостность Ренессанса у него реализуется именно в диалогичности. В постоянном движении и сопоставлении идеалов — от духовных до бытовых.

Как представляется, сильная сторона декларируемой Л. М. Баткиным диалогичности Ренессанса — это отказ от схематизма, рельефное, многомерное представление о людях и явлениях эпохи, в которых сочетались противоречивые качества (от возвышенных до низменных, от светских до спиритуалистических и т. д.). «В гуманистических диалогах Кватроченто истина не исчерпывается ни одним из “мнений”, выступает попеременно в разных обликах, оставаясь принципиально открытой, противящейся догматизму и иерархичности» [8, с. 62]. Вместе с диалогичностью мы вступаем на топкую территорию амбивалентности и неопределенности. Это «игра возможностями мысли, ее переливами, ее процессуальностью... Поэтому в гуманистическом диалоге мысль не развивается, а лишь выступает поочередно в противоположных обликах, как актер, меняющий маски» [6, с. 186]. Если же возвести диалогичность в высшую

степень, эпоха Ренессанса окажется своего рода котлом, где бурлили разнообразные идеи без шанса на качественный выход и синтез: «Истинный синтез — в самой возможности сопоставления, в способе мышления, а не в конечном выводе» [6, с. 190–191]. «А что такое вообще Ренессанс, как не диалог тезы античности, антитезы христианства и собственного синтезирующего философствования, как не ощущение рядоположенности веков, культур, индивидов, исторических и абсолютных одновременно, обнаруживающих на разные лады неисчерпаемость тождественной себе человеческой сути, ее универсальность, ее сопричастность всему мировому бытию, от ангелов и звезд до животных и элементов, ее земную божественность?» [6, с. 192].

Между тем, отвергая обвинения в попытках представить Ренессанс бессмысленным словопрением и «величественным ничто» (негативность эпохи), Л. М. Баткин заявляет о содержательных, «онтологических» установках гуманизма [6, с. 210]. Он считает необходимым определить место Возрождения в ряду сменяющих друг друга периодов европейской истории. И тогда на первый план в его анализе стали выходить качественные достижения эпохи, отличающие ее как от предшествующего Средневековья, так и от последующих периодов Нового времени (XVII–XVIII веков). Оказывается, Ренессанс — не только арена для столкновений старого и нового, прогресса и ретроспекции, христианства и язычества. Культура гуманизма, несомненно, внесла свой весомый вклад в европейскую цивилизацию. Здесь вместе с Л. М. Баткиным мы возвращаемся к хрестоматийному тезису Якова Буркхардта о Возрождении как об «открытии мира и человека». Однако и это положение претерпевает в трудах Леонида Михайловича радикальные метаморфозы.

Varieta вместо «открытия мира»

Выводя на авансцену одно ренессансное понятие — *varieta* — условно переводимое как «разнообразие», Л. М. Баткин придает ему почти космический охват и статус основополагающего, порождающего новые смысловые ряды и всю культуру в целом. «Если иметь в виду его всевозможные отголоски, его тайные и явные смысловые союзы, если учесть весь подразуме-

ваемый и порождаемый им, свернутый в нем, как в семени, культурный контекст — это слово соизмеряется в конечном счете с целым историческим миром. Им можно окликнуть Возрождение» [8, с. 68]. Есть смысл внимательно приглядеться к *varieta*, к этому мега-термину, ставшему для Баткина едва ли не синонимом Ренессанса.

Если извлекать «разнообразие» из гуманистических текстов XV века, к которым апеллирует историк, кажется, что речь идет о простом приеме, служащем риторическому блеску. Он выражается в перечислении различных явлений, представляющих богатство и многообразие мира. В живописи, например, *varieta* выполняет роль проводника к созданию подлинного зрелища, дабы зритель был захвачен разнообразными мотивами и деталями картины. От внимания Л. М. Баткина не ускользает тот факт, что момент перечисления, нанизывания и запечатления явлений внешнего мира содержится не только в рекомендациях живописцам, но также в сочинениях, претендующих на статус философских, в своего рода манифестах нового мировоззрения. Например, в трактате Джанотто Манетти «О достоинстве и превосходстве человека» перечисление бесконечных рядов природных и человеческих творений призвано очертить огромный горизонт, над которым возвышается фигура Человека, лучшего из творений. Таким образом, варьета превращается в определенный антитезис средневековому «растворению во всеобщем». В то время как христианская эсхатология предполагала возвращение в мир пра-форм, жаждала озарения все и вся светом божественной истины вплоть до полного исчезновения границ предметов, эпоха Ренессанса перенесла акцент на полноту эстетических впечатлений: *varieta* превратилась в эквивалент «открытия мира».

Со всей силой риторического убеждения Л. М. Баткин фиксирует варьета практически в каждом из произведений XV–XVI веков: от гуманистических трактатов до рисунков Леонардо да Винчи. Там, где средневековому схоласту хватало апелляции к божественной красоте и мудрости, мыслителям Ренессанса требовалось представить весь спектр природного разнообразия. Если брать аналогию с живописью, золотой фон икон заменяет-

ся подробным пейзажем, охватывающим едва ли не все мироздание.

Между тем, блеск приводимых Л. М. Баткиным примеров *varieta* никак не может затмить беспричинность и необусловленность этой категории. Трудно отделаться от ощущения, что она носит не столько сущностный, сколько прикладной характер. Ученый не отвечает на вопрос: как эта *varieta* возникла? Что послужило толчком к ее проникновению в ренессансное мировоззрение? «Варьета» словно бы спущена свыше, чтобы переформатировать культурные коды Ренессанса. Мы, конечно, не в праве отвечать на подобные возражения за Л. М. Баткина. Но, как представляется, возникновение *varieta* во многом связано с радикальным изменением позиции исторического субъекта по отношению к себе и к миру.

Индивидуальность вместо «открытия человека»

Один из ключевых моментов Ренессанса как этапа в развитии человечества со времен уже упомянутого Якоба Буркхардта связан с раскрытием потенциала ярких, выдающихся личностей. Это время *uomo universale*, «титанов», гениев. И в таком контексте неизбежно возникает вопрос о формировании человека нового типа — главном произведении эпохи. Ренессансный человек становится квинтэссенцией происходящих перемен, их целью и результатом.

В спорах о глубине и качестве личностных метаморфоз в эпоху Возрождения во многом определяется видение всей эпохи. Л. М. Баткин высказал свою позицию вполне определенно и безапелляционно. С его точки зрения, духовные перемены, действительно, породили «людей нового типа». Наиболее ярко и рельефно этот типаж выражен в «стиле жизни и в стиле мышления» итальянских гуманистов, ставших своего рода культурными триггерами трех поколений интеллектуалов. Яркие личностные черты — от гуманитарной образованности, владения языками и вплоть до инициативности и эгоистичности — заявляют об этом новом человеческом материале. Впрочем, не только люди интеллектуального труда, но и другие их современники обрели новое духовное измерение. Итальянская коммуна предпо-

лагала особую «энергию индивида». И здесь голос Баткина присоединяется к тем, кто видит в эпохе Возрождение своего рода горнило самостояния, из которого вышел современный человек.

Однако момент рождения нового человека, с точки зрения Л. М. Баткина, полон драматизма и почти непреодолимых противоречий. При всем пафосе освобождения от религиозных шор самостояние этого человека крайне непрочное — ему по-прежнему нужна опора в надличностных духовных ориентирах («законы природы», «древняя мудрость» и др.). Спиритуализм постоянно напоминает о себе, когда речь идет о главных, экзистенциальных вопросах.

Приходится постоянно констатировать расщепленность ренессансного индивида. «Это противоречие между универсальностью, всепричастностью человека — и его устремлением вверх; между открытостью во все формы бытия, во все способности и виды деятельности — и замыканием на мистическом созерцании бога; между свободой воли — и необходимостью свободно выбирать высшее; между тем, что Человек — это Все, и тем, что он сам по себе ничто, пустота, могущая быть заполненной, стать чем угодно» [8, с. 61]. В качестве примера такого амбивалентного субъекта Леонид Михайлович выбирает Лоренцо Великолепного [7, с. 104–117]. В этом знаменитом правителе Флоренции сочеталась практичность торговца и хватка политика с гипертрофированной сентиментальностью и поэтической меланхолией. Историк видит в персоне Лоренцо противоречия куда как более значительные, эпохальные. Так, в размышлениях Лоренцо о предназначении человека обращает на себя внимание тезис о необходимости «найти свое место», то есть отличиться от других, преуспеть в избранном занятии, стать «специалистом» в какой-то сфере. Вот она, прямая дорога к пониманию ценности каждой конкретной личности — любой человек неповторим. Но, вместе с тем, в ренессансной теории практике возникает пресловутое стремление к универсализму: ренессансный индивид старается вобрать в себя как можно больше знаний, умений, он судит в категориях риторической всеобщности, ему все подвластно и все подчинено. Именно этот момент — полнота и многогранность идеального человека Ренессанса, по мнению Л. М. Баткина, является не столько его преимуществом,

сколько непосильным грузом и неизжитым наследием предыдущей эпохи христианского универсализма. Вывод таков: «Универсальный человек Возрождения — это не личность в новоевропейском понимании; с точки зрения понимания это, как не раз и писалось, индивид, разросшийся до безграничности, то есть до отрицания индивидуности» [7, с. 134].

Итак, человек Ренессанса — это «индивид», находящийся «на пути к понятию личности». В этом своем странном, промежуточном статусе он становится «логическим промахом и недоразумением» — духовные перемены на рубеже XIV–XV веков оказались слишком интенсивны, картина мира менялась слишком радикально, поэтому «человеческий материал» за этими метаморфозами просто не успевал «дорастать» [8, с. 45].

Взгляды Л. М. Баткина на проблему формирования ренессансного субъекта, как и формулировки, касающиеся индивидуности и личности, убедили далеко не всех его коллег. На рубеже 1980–90-х годов разгорелась бурная дискуссия об историческом понимании личности, инициатором (а в некотором смысле и провокатором) которой явился сам Леонид Михайлович [12, с. 6–89]. Речь шла уже не столько о культуре Ренессанса, сколько о самом феномене личности, имеющем историческое измерение. Главным оппонентом в споре с Л. М. Баткиным выступил А. Я. Гуревич. Здесь нет возможности подробно останавливаться на развернутых аргументах двух сторон. Этот спор емко и точно описал М. Л. Андреев в статье, охраняющей нейтралитет ко всем участникам дискуссии [1].

Если говорить схематично и просто: для Баткина личность — это, скорее, жест отказа (от оседлого круга идей и традиций, от сообщества и класса и т. д.), для Гуревича, напротив, — это жест приятия социальных и культурных кодов («личность есть вместилище социально-культурной системы своего времени»). Таким образом, М. Л. Баткин настаивал, что Средневековье категорически не знало личности, для Гуревича, напротив, личность была и в Средние века, но без индивидуализации. Важно заметить, обе стороны соглашались с тем фактом, что в эпоху Возрождения произошел радикальный сдвиг в самосознании исторического субъекта. Но как интерпретировать эти перемены, в каких категориях — об этом консенсуса так и не

наметилось. По мнению Баткина, Ренессанс сделал лишь первый шаг по направлению к личности, но еще не достиг того, что из себя представляет этот психологический феномен: «Парадокс личности состоит в том, что она сама выдвигает, вырабатывает, выстраивает смысл своей жизни — и, следовательно, нечто высшее, чем она! — основываясь на себе же, обеспечивая лишь своим индивидуальным достоянием» [8, с. 117]. На такое ренессансные деятели были еще не способны.

Безотносительно результатов спора, представляется существенным сам факт постановки вопроса о рождении личности в истории. И хотя в рассуждениях Л. М. Баткина зачастую недоставало конкретики, выводы во многом основывались на интуиции, а не на анализе источников, однако заостренность проблемы, которую продемонстрировал Леонид Михайлович, искупала недостаток аргументов. Кроме того, разговор о человеке Ренессанса непосредственно подводил к тому наследию, которое эта эпоха оставила последующим векам. К рубежу XX–XXI веков все чаще стали звучать голоса о неоднозначности возрожденческих достижений — об изнанке титанизма и индивидуализма. Самый беспощадный диагноз вынес один из величайших русских мыслителей А. Ф. Лосев: ««Индивидуализм, принявший у Леонардо да Винчи гипертрофированные формы, ставший абсолютно и последовательно проводимым эгоизмом, потерпел крах и явил свое саморазложение, но вместе с тем нашел свое воплощение в титанической и беспорядочной деятельности, плоды которой до сих пор продолжают вызывать удивление» [11, с. 397].

Как никто другой, Л. М. Баткин замечал не только светлые, но и темные, неприглядные стороны ренессансного индивидуализма. Однако его оценки оказались совершенно иными: убежденный либерал и прогрессист Баткин верил в человека, в силу его духа и творческих дерзаний. При неразрешимых противоречиях, заложенных в основании культуры XV–XVI столетий, «положительным разрешением этого напряжения отчасти являлся сам взрыв творческой энергии, который мы называем Возрождением» [7, с. 220]. В попытках преодолеть духовный кризис (прежде всего внутренний) творцы Ренессанса нашли самый оптимальный и перспективный способ примирить проти-

воречия: он, по мнению Л. М. Баткина, оказался в сфере, где смещены или даже отменены логические связи, где культура устанавливается на человеческих основаниях. Все это подводит нас к эстетическому прыжку и, конкретно, к территории художественного эксперимента.

Художественное сознание и осознание Возрождения

«Целостного мироощущения Возрождение достигает не на строго логической (в обычном смысле слова) почве, а скорее, неким паралогическим путем и поэтому закономерно с наибольшей последовательностью и мощью раскрывается в искусстве» [8, с. 46]. Это убеждение заставляет Л. М. Баткина пристально всматриваться, например, в ренессансный живописный портрет. В нем наиболее ясно выявлен парадокс новой личности: с одной стороны, перед нами конкретные персонажи со всеми чертами индивидуального облика, но, с другой стороны, — портрет XV–XVI веков демонстрирует такой уровень идеализации и сакрализации, что почти становится неотличим от иконного образа.

Синтез идейного и эстетического начала Л. М. Баткин раскрыл в монографии, посвященной Леонардо да Винчи. Фигура Леонардо далеко не первый раз становится краеугольным камнем, на котором строится типология ренессансного мировосприятия. Образ гения, воплотившего «богоподобную творческую мощь личности», где соединяются искусство и наука, частное и всеобщее, бытие и сознание, являлся едва ли не единственным искуплением эпохи (Бицилли), но также и зримым воплощением порока и ущербности титанизма (Лосев).

Леонардо да Винчи у Л. М. Баткина — несомненно, гений, выходящий за границы обыденных стандартов. Однако именно гении доводят логику культуры до пика возможностей. В случае с Леонардо ситуация еще сложнее: универсальность его личности раскрывается в «бесконечной способности к столкновению внутри себя разных логик и разных культур, к проектированию новой деятельности и тем самым особенно к проектированию себя как субъекта истории». Другими словами, ренессансная

индивидуальность во всем ее блеске «осознана тут художнически» [8, с. 167].

Когда к 2015 году готовился первый том «Избранных трудов» Л. М. Баткина, автор добавил в некоторые из ранних работ новые абзацы и даже главы. Так, в переиздании книги «Гуманиты: стиль жизни и стиль мышления» появилась еще одна глава, которая венчает раздел, посвященный гуманистическому диалогу, и называется «От дантовского лимба к “Афинской школе” Рафаэля» [3, с. 248–267]. Как нетрудно догадаться, здесь Л. М. Баткин выстраивает диалог с А. Х. Горфункелем, имея в виду его программную статью «От “Торжества Фомы” к “Афинской школе”» [10]. Для обоих авторов знаменитая фреска Рафаэля оказалась выражением не только мастерства конкретного живописца, но также итогом развития и зримого воплощения гуманистической мысли Ренессанса. Впрочем, М. Л. Баткин оговаривается, что «подойдет к делу с другой стороны», нежели его предшественник [3, с. 286].

Напомним, что А. Х. Горфункель построил свой анализ рафаэлевского образа мудрости (философии) на контрасте с иерархичностью средневековой схоластики во фреске Андреа ди Ференце «Торжество Фомы». «Здесь (у Рафаэля. — С. С.) иная мера и порядок иной, на смену иерархии пришла гармонии, устойчивости — движение, замкнутости — открытость... “Афинская школа” Рафаэля противостоит “Торжеству Фомы” Андреа да Фиренце, как схоластическому трактату гуманистический диалог» [10, с. 149]. Вывод из анализа иконографического состава ватиканской фрески таков: «“Афинская школа” отразила высшую точку гуманистического сознания в гармоничном соединении обожествленного мира и обожествленного человека» [10, с. 165].

Л. М. Баткин рассматривает «Афинскую школу» с позиций гуманистического диалога, который, наконец, обретает некий итог. Фреска у него становится «духовным пространством, насыщенным диалогическими возможностями». Хоровая гармония рафаэлевской росписи — высшее воплощение ренессансного духа, где фигуры уравновешены гармоничным, скругленным пространством. «Рафаэль воздвигал — не только, разумеется, в росписях Станцы делла Сеньятура, и не только, разумеется, Ра-

фаэль, но и каждый художник Высокого Возрождения — некую идеальную конструкцию, мир совершенства, гармонии и разумности. Этот мифологизированный, пронизанный божественным смыслом мир располагается, однако, вокруг человека и понимается не как трансцендентный, не как противостоящий тому миру, в котором мы живем, а как земная, конкретная, сиюминутная реальность» [3, с. 256].

Итак, заявленные некогда противоречия, парадоксы и диалогическая неопределенность ренессансного мировоззрения находят свое разрешение в эстетическом измерении. «Целостного мироощущения Возрождение достигает не на строго логической почве, а, скорее, неким паралогическим путем и поэтому закономерно с наибольшей последовательностью и мощью раскрывается в искусстве» [8, с. 48].

Пolemическая заостренность произведений Л. М. Баткина неоднократно вызывала раздражение в академической среде. Неустанно подвергать сомнению закрепленные оценки и провоцировать споры вокруг хрестоматийных определений — не лучший способ строить ученую карьеру. Однако Л. М. Баткин являет тот тип гуманитария, для кого живая наука и поиск истины в столкновении мнений важнее отстраненной «объективности». Он не боится ошибок, заблуждений, пристрастности и парадоксов. Скорее, наоборот, он их ищет: «В развитии культуры подлинно продуктивны, разумеется, только “неразрешенные” противоречия, т. е. такие, которые не исчерпываются в удачливом результате, а выступают как живой, возобновляющийся процесс мышления, как его неустранимая проблемность, в работе над которой мышление меняется и выходит за собственные пределы. “Неудачей” бывала в этом смысле всякая великая культура» [3, с. 265]. Монография Л. М. Баткина о Леонардо да Винчи заканчивается вдохновенным пассажем о вопрошании истории. И здесь он произносит, казалось бы, известный тезис, о том, что правильно поставленный вопрос зачастую важнее ответа. Оглядываясь на ренессансные штудии Л. М. Баткина, веришь в то, что это не голословное утверждение, а научное кредо: «Людям, живущим в истории, начиная с XX века ни к чему больше не прислониться, ни к каким вечным истинам и готовым образцам. В том числе и к тем, которые были созданы Возрож-

дением. Всякий ответ культурен в той мере, в какой он может быть переформулирован как вопрос. Культурные вопросы не имеют окончательных ответов» [8, с. 365].

Библиографический список

1. *Андреев М. Л.* Гуревич versus Баткин: Спор двух эпистемологий // Одиссей–2014. Человек в истории. М., 2015. С. 5–11.
2. *Баткин Л. М.* Данте и его время: Поэт и политика. М., 1965. 200 с.
3. *Баткин Л. М.* Избранные труды: в 6 т. Т. I: Люди и проблемы итальянского Возрождения. М., 2015. 832 с.
4. *Баткин Л. М.* Избранные труды: в 6 т. Т. VI: Публицистика. М., 2022. 512 с.
5. *Баткин Л. М.* Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления. М., 1978. 224 с.
6. *Баткин Л. М.* Итальянский гуманистический диалог XV века // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 175–222.
7. *Баткин Л. М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. 274 с.
8. *Баткин Л. М.* Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1990. 415 с.: ил.
9. *Баткин Л. М.* Неуютность культуры // Метрополь: Литературный альманах. Ann Arbor; [М.], 1979. С. 744–755.
10. *Горфункель А. Х.* От «Торжества Фомы» к «Афинской школе» (философские проблемы культуры Возрождения) // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 131–166.
11. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1982. 646 с.
12. *Одиссей–1990.* Человек в истории: Личность и общество. М., 1990. 224 с.

Н. В. Ревякина
(Иваново)

«РОССИЯ ВСЕГДА В НАШИХ МЫСЛЯХ»: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЬЕРО КАЦЦОЛЫ

Статья посвящена столетию со дня рождения видного итальянского ученого русиста, профессора Болонского университета Пьеро Каццолы. Автор настоящей статьи имел долгие годы научные и дружеские контакты с ученым. Письма, сохранившиеся от наших контактов, послужили источником для этой статьи. Письма свидетельствуют об огромной любви Пьеро Каццолы к русской культуре и о превосходном знании ее, что нашло отражение в книгах, статьях, переводах ученого, об организации им конференций, посвященных русским темам, и публикации их научных результатов, в лекциях и рассказах о русской культуре простой публике.

Ключевые слова: Пьеро Каццола, русская культура, конференции, русская литература, Лесков, Болонский университет.

Пьеро Каццола (5.10.1921–13.12.2015) — видный итальянский ученый, замечательный исследователь русской культуры. Он дважды бывал в Иваново, участвовал в работе конференций, читал лекцию филологам. Печатался в наших сборниках; посетил Шую, Суздаль, Плес.

Пьеро Каццола был моим коллегой и другом, мы активно общались в России и Италии и 40 лет переписывались. Первое письмо от него было датировано 15.10.1973, последнее 15.04.2014, затем только телефонные звонки... В наших письмах мы обсуждали самые разные вопросы, но главной темой всегда была русская культура. Любовь моего друга к русской литературе и русской культуре в целом, его верность этой теме, которой он посвятил всю свою жизнь, меня приводила в восхищение. И об этом я хочу рассказать, опираясь на его письма¹.

© Ревякина Н. В., 2022

¹ О Пьеро Каццоле как ученом и о наших научных и дружеских контактах я писала в статьях [21; 9].

В одном из писем мой друг с радостью пишет о своей «находке» в библиотеке Болонского университета: он нашел экземпляр гоголевского «Ревизора» (изд. 1836 г.) с дарственной подписью Гоголя кардиналу Меццофанти, известному итальянскому филологу и полиглоту. О своей находке он рассказал в Венеции на симпозиуме «Гоголь и культура Европы» (26.03.1976). В Архиджиназио нашел письма некоторых русских, в частности писателя А. Тургенева к Меццофанти и стихи самого Меццофанти на русском языке (21.05.1976).

Для конференции, посвященной 90-летию виднейшего итальянского русиста профессора Ло Гатто Пьеро Каццола подготовил выступление на тему «По следам праведников Лескова». Н. С. Лесков был его любимым писателем. О нем мой друг писал часто (15.09.1975; 19.04.1980; 15.09.1980; 13.10.81; 01.08.1983). «Лесков меня воодушевлял, переводить его — всегда интеллектуальная радость и, если мне удастся организовать конференцию, думаю, итальянской публике станет известно много ранее неизвестных вещей; затем необходимо будет опубликовать материалы конференции (Atti), как мы это сделали с конференцией по Фиораванти» (15.09.1980) [10].

По инициативе Болонского и Падуанского университетов проф. Пьеро Каццола вместе с проф. Д. Кавайоном подготовили в июне 1981 г. международную конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения Лескова. «Теперь расскажу о недавних событиях: с другом Кавайоном я провел трехдневную конференцию, посвященную Лескову, в Падуе и Болонье, думаю, с успехом, судя по похвалам от участников. Из них четверо — иностранцы (де Кастро, Маркаде, Эдгертон и Radoyce); затем опять с Кавайоном мы отправились в Париж на коллоквиум по Лескову, который прошел в Институте славяноведения (d'Etudes Slaves). Это старое симпатичное здание (лифт в нем казался времен Тургенева), где кипели занятия и научные поиски, каждый год здесь проводились по крайней мере четыре коллоквиума по русским и славянским темам. Здесь я рассказывал о Лескове и о его «родственниках» (бабушке, дяде, племяннике, внучке), которые появляются в некоторых рассказах («Овцебык», «Чертогон», «Грабеж», «Голован» и др.) и выслушал достаточно интересные доклады; посылаю тебе программу. Теперь пред-

стоит другая задача: найти финансы, чтобы позаботиться об издании материалов нашей конференции; сделаю это с Кавайоном в ближайшие месяцы. Тем временем вышел том моих переводов (dalla UTET)¹, я послал тебе копию, вместе с приветом из Парижа. В Париже мы говорили также о проблемах переводов, которые в отношении Лескова особенно деликатны (требуют осторожного обращения). В Париже были переводчики на французский, английский, немецкий, голландский и итальянский языки, и все мы высказали свои мнения об этом. В общем это были прекрасные дни, с большим умственным напряжением, мы даже немного устали. Юбилей Лескова отпраздновали в небольшом ресторане на улице Ecole de Médecine в Латинском квартале, где проживал Н. С. Лесков, и послали открытки различным отсутствующим советским ученым; присутствовал только один из них — Троицкий» (04.07.1981).

В 1982 г. благодаря усилиям П. Каццолы и Д. Кавайона вышли материалы, конференции, посвященной Лескову, том «Lescoviana».

Кроме Лескова Пьеро Каццолу привлекали и другие сюжеты русской литературы и истории. Он писал: «Моя работа о Лескове продолжается, даже если чередуется с работами более срочными (неотложными) о Тургеневе и молодом Толстом. Навероятно много времени необходимо, чтобы хорошо подготовить только один доклад в десять страниц; если же речь идет о великих, таких, как русские классики, необходимо быть еще более внимательным, чтобы не сказать банальности или вещи уже «известные» (01.08.1983).

Меня поражала научная активность моего друга, несмотря на его большую и успешную работу в Университете он участвовал во многих конференциях и симпозиумах. Он так пишет о своих научных планах: «Начиная с мая я должен участвовать в разных конференциях. В Академии наук буду говорить о неизданной рукописи падре Коллина, доцента географии и мореходства (nautica) в 1731 г., относительно “кавказской стены” — темы, обсуждавшейся Байером в Петербургской академии в

---

¹ Речь идет о книге: *Leskov N. I racconti dei Giusti* / a cura di P. Cazzola. Torino: UTET, 1981. 368 p.

1726 г. в ученом докладе на латинском, который Коллина прочитал и, сократив, перевел на итальянский; в Любляне в конце июля на одной из регулярных конференций IDS (Intern Dostoevskij Society) расскажу о влиянии Достоевского на молодого Д'Аннунцио; в сентябре в Шамбери и Турине буду говорить о дипломате Белосельском, который в 1792–1793 гг. находился при савойском дворе и посылал в Петербург очень интересные депеши о ситуации в Париже (в этом году, как известно, 200 лет французской Революции); наконец, в декабре в Турине на вилле Гуалино отпразднуем 100-летие со дня рождения Анны Ахматовой (еще не знаю, с какой темой буду выступать, но мне нравится тема об А. Ахматовой-итальянистке). Вот и все, и потому, как видишь, я борюсь со временем, чтобы выполнить все и по возможности хорошо» (10.03.1989).

После 20 лет работы в Болонском университете (1972–1991) для Пьеро Каццолы в связи с его 70-летием пришло время идти на пенсию. Но, вернувшись в родной Пьемонт, он продолжал научную работу, найдя основательную и сердечную поддержку своих друзей и коллег и прежде всего профессора Эммануэле Канчефф. Пьеро Каццола активно работал в редакции «Bolletino del C.I.R.V.I.», не забывая и другие журналы такие, как «Slavia», «Studi piemontesi», «Studi comparatistici», писал статьи, участвовал в конференциях. Он мог с полным правом сказать: «Даже если я на пенсии, я не сдаюсь и любовь к России и русским толкает меня продолжать исследования» (12.09.1995). И в другом письме: «Несмотря на то что я на пенсии, я сохраняю добрые отношения с активно работающими учеными и благодаря им меня приглашают на их культурные собрания, что мне нравится, потому что обязывает продолжать русские штудии, которыми занимаюсь столько лет» (14.02.1996).

В 1996 г. Туринский университет, коллеги и друзья отпраздновали юбилей Пьеро Каццолы, его 75-летие. Сам он пишет об этом так: «Расскажу тебе об удовольствии, которое недавно испытал: Туринскому университету, где я в далеком 1943 г. получил степень юриста, был представлен том «в мою честь», в котором коллеги из Турина и Болоньи (Эммануэле Канчефф, Сильвио Курто, п. Гаска Куерацца и Алессандра Барбанти) вспомнили о моем скромном труде русиста и исследова-

теля путешествий (*oderogica*), после чего ректор проф. Дианцани пожелал наградить меня серебряной медалью с печатью и «Историей Туринского университета»; взволнованный, я поблагодарил его, вспоминая, что я был старым «голиардом».

Михаил Талалай очень удачно назвал Пьеро Каццола «адвокатом русской культуры». Ведь Пьеро Каццола писал о русской культуре как в научных, так и в популярных статьях, выступал с лекциями перед простой публикой и в частной среде, к примеру, в провинции (Стрева, Тортона) — о Суворове (13.11.1999), перед синьорами Университета Третьего возраста (пожилыми людьми) — о Пушкине (23.11.1999), в Римини — об итальянских путешественниках в Россию в XVIII в., в Сан-Ремо — о русских художниках XIX в. (22.11.1996), в Нерви для школяров коллегии религиозного ордена (*Padri somaschi*) — о Толстом, немного позже о Чехове, Пастернаке, Булгакове, Маяковском (05.05.2009, 29.09.2010). В Сан-Ремо Пьеро собрал (с помощью документов, фотографий, встреч с русскими жителями) данные о русской общине, ее истории, ее образовании и расцвете. Так появилась замечательная книга «Русские в Сан-Ремо между концом XIX и началом XX вв.» [15].

Мой друг радовался успехам своих учеников. О Марчелло Гарцанити он писал: «Марчелло имел большой успех со своей книгой о русской церкви, которая была уже представлена в Риме в Папском Восточном институте (*Pontificio Istituto Orientale*), теперь он пишет другие вещи, он очень серьезен и подготовлен, надежда для штудий по славистике» (10.03.1989).

Он имел научные и дружеские контакты с молодыми русистами и славистами: «Мне доставляет удовольствие в моем пожилом возрасте общаться с молодыми поколениями русистов и славистов». Пьеро назвал Марину Моретти из Сан-Ремо «наилучшим знатоком русского и украинского языков». Она перевела сатирическую комедию Капниста «Ябеда» (11.04.2001, 07.05.2001). Джулия Базелика, «моя уважаемая ученица» (*allieva onoraria*) (01.05.2005), исследовательница первого плана, которая доставила мне много удовольствия своим переводом с комментариями забавной сатиры А. К. Толстого «Сон Попова» (11.04.2001). Александр Айрес (*Ajres*) «полонист, сделал бога-

тые примечания к моей статье “Лесков в путешествии”, он хорошо знает культуру Польши XV–XVI вв.» (11.05.2001).

В последнее десятилетие XX в. Пьеро Каццола приезжал несколько раз в Россию: 5–7 сентября 1995 г. в Орел (на конференцию, посвященную Лескову), в 1996 г. в Иваново и в 1998 г. в Иваново и Москву. В 1996 г. на конференции в Иваново, посвященной Бальмонту и Цветаевой, он выступал с докладом «Венеция в трудах русских поэтов и писателей Серебряного века». На конференции 1998 г. говорил о влиянии Италии на Вячеслава Иванова (Римские сонеты) и А. Блока. Также прочитал лекцию ивановским студентам о Леопарди. Пьеро Каццола оставил статьи и в ивановских сборниках и журналах [см. библиографический список].

Для участников ивановских конференций были организованы экскурсии в Суздаль и Шую, которые произвели на моего друга глубокое впечатление: «Сколько впечатлений и прекрасных воспоминаний я увез с собой: от экскурсии в Суздаль с впечатляющим концертом колоколов и осмотром шедевров искусства в старых церквях и монастырях и чарующих панорам большой равнины и реки, до успешной экскурсии в места Цветаевой и Бальмонта, где меня также взволновала патриархальная атмосфера, которая там царила, и память о тех прекрасных личностях со стороны ваших потомков (представь, мы посетили гимназию и слышали, как читают стихи Бальмонта молодые гимназисты!). В общем все было интересно. Я был поражен приемом, оказанным мне в Университете как в связи с конференцией, так и в связи с лекцией студентам; вы не могли сделать для меня визит более прекрасным» (18.09.1996).

«Действительно, были прекраснейшие мгновения как во время конференции, так и на лекции, а также в период экскурсии, особенно в Суздаль: звонарь на колокольне был фигурой, достойной Короленко! И также посещение кладбища итальянцев всех взволновало» (23.10.1996). «Экскурсии в Кострому... и Плес... надолго остались у меня в памяти так же, как возможность присутствовать на торжественном открытии Фестиваля священной музыки, которая очень меня тронула» (26.09.1998).

В Москве в 1998 г. Пьеро Каццола посетил различные Дома — Музеи (М. Горького, Пушкина, Достоевского, Васнецо-

ва), где был тепло принят и оставил свои статьи. «В общем поле русских штудий (литература, искусство, история) неисчерпаемо и продолжает доставлять мне радость» (26.09.1998).

Очень интересно письмо от 29 мая 2006 г. В нем рассказывается о научной встрече в Центре Пьемонтских исследований, где друзья Пьеро Каццолы, отметили его юбилей: «Пишу тебе, вернувшись с замечательной научной встречи в прошлую пятницу, 26 мая, на которой друзья захотели отметить в Центре Пьемонтских исследований памятную дату — мои «60 лет вокруг планеты Россия»¹. Среди них Джулия Базелика и Марчелло Гарцанити были превосходны, возвратившись к далеким временам, когда я не только пробовал свои силы в переводах русских классиков и кое-кого из современных, но также занимался критическим обсуждением их работ от Толстого до Достоевского, от Гоголя до Аксакова, от Чехова до Булгакова и т. п. И еще говорили о некоторых моих текстах («Россия-Болонья» [16], работы по Лескову. «Город трех праведников» [17], (вспоминали) и болонские «выпуски» (dispense) первых лет преподавания². В болонские годы вышли и другие работы (о раннем Толстом [14], академике Ломоносове в Болонье [13], Аристотеле Фиораванти в Москве [11]). Достойный вклад внесла (выступившая) Марина Моретти, из Сан Ремо, которая позаботилась недавно о переиздании книжки «Русские в Сан Ремо между 1800 и 1900 гг.» с параллельным русским текстом. Также Канчечфф вспоминал о моем сотрудничестве — участии как во многих конференциях, так и в публикациях C.I.R.V.I. (Bollettino del C.I.R.V.I.), Серии VVI «Италия великих путешественников»).

---

¹ Как результат этой научной встречи вышла книга: Piero Cazzola Sessant'anni intorno al pianeta Russia / A cura di Albina Malerba. Torino, 2008. 145 p. Кроме выступлений итальянских коллег Каццолы в книге помещены небольшие статьи о Пьеро Каццоле ивановских ученых Л. Н. Таганова, Н. В. Ревякиной и С. Н. Тяпкина, а также последняя лекция в Болонском Университете проф. Каццолы и его впечатления и воспоминания о России (1967–1998).

² «Выпуски» — речь идет о текстах к курсам лекций, которые Пьеро Каццола читал студентам в Болонье, таких, например, как *Il Cinquecento russo. Profilo storico-letterario*. Bologna: CLUEB, 1977. 107 p.

М. Л. Додеро рассказала о моих докладах на организованных ею конференциях (Anna Achmatova в 1989 г. и *Settecento russo e italiano* в 2002 г.) и о последнем сборнике, где собраны мои статьи (*Scrittori russi nello specchio della critica*); а Альбина Малерба — о моем сотрудничестве с Центром Пьемонтских исследований и с журналом, а также сказала о моем переводе писем Суворова во время итальянской компании (1799)» [21].

Но это не «подведение итогов» в год 85-летия. Мой друг продолжает работать с большим энтузиазмом. Между 2007–2011 гг. он написал серию статей в нашу энциклопедию «Культура Возрождения», вышедшую в Москве в 2007–2011 гг. в 3-х томах. Многие наши письма этого времени посвящены энциклопедическим темам.

В последние годы Пьеро Каццола работал над своей книгой «Русский Пьемонт», где собрал статьи, посвященные русско-итальянским связям. Книга выходила в Москве, переводчиком статей на русский и его отличным помощником был Михаил Талалай. Пьеро Каццола писал: «Теперь расскажу о будущем издании. Отныне все в руках бравых типографов, включая иллюстрации, я хранил их в какой-то старой туринской печати XIX века и думаю, что их можно будет включить в текст сверх (di oltre) 300 страниц. Текст бравый Миша перевел и старые библиографические сноски дополнил недавними (ведь некоторые мои статьи в библиографии были сорокалетней давности)» (14.02.2013). Через год после выхода книги Пьеро пишет: «Относительно моего русского Пьемонта я рад, что книгу презентовали в Москве, известно также, что ученые из Новосибирского государственного университета Е. И. Дергачева-Скоп и Н. К. Тимофеева написали большую статью о содержании моей книги [1], что заставляет меня думать: “нет пророка в своем отечестве”. Теперь принимаю к сведению все трудности, с которыми боролся» (08.02.2014).

Письма Пьеро Каццола — свидетельство его огромной любви к русской культуре, любви, которая прошла через всю жизнь ученого и получила жизнь в его книгах, статьях, переводах. Письма его — также и яркие страницы итальянской русистики.

Библиографический список

1. *Дергачева-Скоп Е. И., Тимофеева Н. К.* Общественные и литературные связи России и Италии в книге Пьеро Каццоло «Русский Пьемонт». Рецензия на книгу: *Каццоло Пьеро.* Русский Пьемонт: сборник статей / сост., науч. ред. и авторизованный пер. М. Г. Талалая. М.: Старая Басманная, 1993. 332 с. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 9. С. 181–188.

2. *Каццоло П.* Михаил Ломоносов, член-корреспондент Академии наук Болоньи // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. Иваново, 1990. С. 45–57.

3. *Каццоло П.* Венеция в творчестве русских поэтов и писателей «серебряного века» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Вып. 3. Иваново, 1998. С. 177–190.

4. *Каццоло П.* Итальянские стихи А. А. Блока и «Римские сонеты» В. И. Иванова: образный ряд русских глазами итальянца // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Вып. 4. Иваново, 1999. С. 240–248.

5. *Каццоло П., Ревякина Н. В.* «Пароход философов»: русские интеллектуалы в Риме в 1923 г. // Интеллигенция и мир. 2007. № 2. Иваново, 2007. С. 50–61.

6. *Каццоло П., Ревякина Н. В.* Гарibaldi и Мадзини в воспоминаниях Герцена // Интеллигенция и мир. 2011. № 3. Иваново, 2011. С. 9–14.

7. *Каццоло П.* Итальянские страницы «Дневника путешествий» Мишеля де Монтень // *Cursor mundi.* Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 4. Иваново, 2011. С. 201–215.

8. *Каццоло П.* Русский Пьемонт: сборник статей / сост., науч. ред. и авторизованный пер. М. Г. Талалая. М.: Старая Басманная, 1993. 332 с.

9. *Ревякина Н. В.* Коллега и друг // Каццоло П. Русский Пьемонт: сборник статей / сост., науч. ред. и авторизованный пер. М. Г. Талалая. М.: Старая Басманная, 1993. С. 267–274.

10. *Aristotele Fioravanti a Mosca (1475–1975)* // *Arte Lombarda.* Nuova Serie. № 44/45. Milano, 1976.

11. *Cazzola P. A.* Fioravanti a Mosca (1475–1975) // *Il Carrobbio.* 1975. P. 57–69.

12. *Cazzola P.* Il Cinquecento russo. Profilo storico-letterario-culturale. Bologna: CLUEB, 1977. 107 p.

13. *Cazzola P.* Michail Lomonosov, membro corrispondente dell'Accademia delle Scienze dell'Istituto di Bologna //Atti Accad. Scienze Ist. Bologna, Classe Scienze Morali, Memorie. LXXXII, 1982. P. 5–28.
14. *Cazzola P.* Il «primo» Tolstoy. Bologna: CLUEB, 1985. 166 p.
15. *Cazzola P.* I russi a Sanremo tra Ottocento e Novecento. Sanremo, 1990. 75 p.
16. *Cazzola P.* Russia-Bologna. Tre secoli di rapporti, incontri e viaggi. Bologna: CLUEB, 1990. 187 p.
17. *Cazzola P.* La città dei tre giusti. Bologna: CLUEB, 1992. 156 p.
18. *Cazzola Piero:* sessant'anni intorno al pianeta Russia: atti dell'Incontro di studi. Torino, 26 maggio 2006 / a cura di A. Malerba. Centro Studi Piemontesi. Torino, 2008. 145 p.
19. *Leskov N.* I racconti dei Giusti / a cura di P. Cazzola. Torino: UTET, 1981. 368 p.
20. *Revjakina Nina V.* Di Piero Cazzola, collega ed amico // Piero Cazzola sessant'anni intorno al pianeta Russia / a cura di A. Malerba. Centro Studi Piemontesi. Torino, 2008. P. 79–83.
21. *Suvorov A. V.* La corrispondenza dalla Campagna d'Italia (marzo-agosto 1799) / trad., intr. e note di Piero Cazzola. Collana storica «Piemonte 1748–1861». Torino: Centro Studi Piemontesi, 1999. 75 p.

Э. М. Манукян
(Москва)

**МИРОШНИЧЕНКО Е. И. СИНЕЗИЙ КИРЕНСКИЙ:
ЛИЧНОСТЬ И ЭТИКЕТ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ
ЭПИСТОЛОГРАФИИ. СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2021. 312 С.**

В настоящем обзоре анализируется монография Е. И. Мирошниченко, посвящённая проявлениям авторской индивидуальности в эпистолографии Синесия Киренского. Данный обзор встроен в контекст относительно давней философской полемики о поисках индивида в истории и ставит задачу выяснить место монографии в рамках этого дискурса.

Ключевые слова: методология истории, индивид, самоидентификация, Поздняя Античность, эпистолография, Синесий Киренский.

Относительно давний, но не потерявший своей значимости и поныне дискурс о поиске индивида в историческом прошлом, равно как и любая работа на схожую тему, могут быть освещены в контексте противостояния/взаимодействия двух фундаментальных методологических подходов к данной проблеме. Историографические баталии между представителями т. н. *классической* и *постклассической* традиций породили немало концепций о личности («индивид», «индивидуальное», «субъект» и т. д.) в истории.

Классическая традиция. «Возникновение темы “истории индивида” в историографии, — пишет Ю. П. Зарецкий, — явилось результатом поворота в самосознании западного мира, начавшегося в эпоху Просвещения и завершившегося в первой половине XIX в. Этот поворот состоял в признании европейцам индивидуализма в качестве одной из доминант современной им западной культуры. Важнейшим основанием его стала просвещенческая теория естественного права, которая признавала за

каждым индивидом наличие врождённых и неотъемлемых прав и свобод» [11, с. 10]. Таким образом, европейской общественной мыслью был сделан вывод о неповторимости и самоценности каждого отдельного индивида и его свобод вне зависимости от расы, социальных ролей, экономического статуса и капиталов связей. Разумеется, это привело к трансформациям взглядов европейских историков на концепции общественного развития, в центр исследований которых отныне помещается отдельный индивид, «абстрактный» человек как основной творец истории [11, с. 11]. Оставшиеся полшага к генезису новой европейской идеи об индивидуализме как основе западной цивилизации были преодолены быстро. Но возник и вполне ожидаемый вопрос: в какой исторической эпохе покоятся корни европейского индивидуализма и как их отыскать?

Отправной точкой в поисках ответа на заданный вопрос, очевидно, следует считать хрестоматийное сочинение «Культура Возрождения в Италии» (1860) швейцарского культуролога Якоба Буркхардта — пионера классического подхода. «В средние века обе стороны сознания — обращенного человеком к миру и к своей внутренней жизни — пребывали как бы под неким общим покровом, в грезе и полудремоте. Этот покров был соткан из веры, детской робости и иллюзии; сквозь него мир и история представляли в странной окраске, а человек познавал себя только как часть расы, народа, партии, корпорации, семьи или какой-либо другой формы общности. В Италии этот покров впервые развевается; пробуждается объективное видение государства и объективное к нему отношение, как и ко всему миру вообще; вместе с этим с полной силой заявляет о себе субъективное начало, человек становится духовным индивидом и познает себя таковым» [3, с. 88]. Как видится, Я. Буркхардт отказывал доренессансному человеку в возможности трансценденции за пределы принятых теми эпохами институциональных рамок.

Тем не менее постижение объективного духа (культуры), по выражению Гегеля, невозможно без обстоятельного погружения в глубины его истории: «наличествующая настоящая форма духа включает в себе все прежние ступени. Правда, эти ступени развились одна за другой как самостоятельные; но дух

всегда был в себе тем, что он есть, различие состоит лишь в развитии этого сущего в себе. Жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, еще существуют одна возле другой, и лишь, с другой стороны, являются как минувшие. Те моменты, которые дух по-видимому оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине» [6, с. 125]. Для Гегеля история — это колодец, опустившись в который, мы должны скрупулёзно искать свои основания, уходя с каждым разом всё глубже, словно в бездонную пропасть.

Спустя чуть более полувека с момента публикации Я. Буркхардта из-под пера Йохана Хёйзинги выйдет знаменитый философско-культурологический трактат «Осень Средневековья» (1919), который, по существу, представлял собой возражение Я. Буркхардту. Нидерландский мыслитель доказывал, что корни многих культурных явлений, которые швейцарский ученый считал безоговорочно ренессансными, лежат в Средневековье. Позже подобная ретроспекция приведёт Карла Ясперса к нахождению личности в глубинах Осевого времени (*Achsenzeit*)¹. В своей книге «Смысл и назначение истории» (1949) немецкий философ выделил VIII–III вв. до н. э. как период слома привычной картины мира. Человек в своём трансцендентном порыве постепенно вырывает себя из мира природы. Происходит переход от мифа к логосу и формирование основных религиозно-философских системы последующих эпох.

С другой же стороны, социально-политические и культурные модусы не всегда позволяют нам отыскать под их покровами индивидуальное (или последнему проявить себя). Нетрудно заметить, что хронологически все вышеперечисленные эпохи характеризуются своим транзитивным характером. И, наверное, это не должно нас удивлять. Распады старой парадигмы мира,

---

¹ Вероятно, здесь не обошлось без влияния «Истории греческой культуры» всё того же Я. Буркхардта. Это одно из последних (издана после смерти в 1898–1902 гг.) и, по-настоящему, авангардных сочинений швейцарского учёного, который, работая в рамках *Kulturgeschichte*, поставил перед собой задачу разыскать под покрывалом исторических источников дух древнего грека, его менталитет и образ мыслей.

кризисы идентичности и поиски восстановления баланса — знамения подобных эпох — вызывали проявления индивидуальных черт, которые, точно верхушки айсбергов, нависали над бурлящим полотном истории. Именно стремление к целостности есть отличительная черта духа, как его определяла классическая философия от античности до Канта и Гегеля [5, с. 14].

В настоящее время классической традиции следует большая часть исследователей-гуманитариев, которые считают, что такие категории как «индивид», «личность», «Я» являются фундаментальными и универсальными и лишь обретают разную форму в конкретных исторических и культурных контекстах. Но онтологическая природа этих категорий ими может пониматься по-разному:

1) ассоциируется с личным возвратным местоимением, признаётся вечной и неизменной;

2) «личность» понимается как некая структура представлений о себе, в основе которых лежит осознание человеком своей двойственной природы;

3) «личность» рассматривается как агент, способный к самоинтерпретации и открытый специфически человеческим смыслам, возникающим исключительно в языке и раскрывающимся в публичном пространстве между собеседниками [11, с. 13].

Постклассическая традиция. Тем не менее, в последние десятилетия набирает популярность постклассическая философская традиция, сформировавшаяся на волне постструктурализма в 70–80-е гг. прошлого столетия. Её идеологические предпосылки берут свои корни от Фридриха Ницше и, в особенности, от Мишеля Фуко и Ролана Барта. Вместо привычных терминов «индивид», «личность», «Я» используется общее понятие *subject*: не столько индивид как агент, сколько как результат властных отношений. Этим исследователям было очень важно освободиться от буркхардтовского понимания индивида как имманентной части реальности. Во-первых, они исходили из того, что последний интерпретировал источники, относящиеся, преимущественно, к элитам. Во-вторых, критиковали возможность рождения индивидуального сознания в определённом

ном месте и времени, отказывая, например, в этом цивилизациям Востока [9; 10].

«Концепт индивида, — заключает Ю. П. Зарецкий, — выступает как единство, естественным образом ассоциируемое и зависимое от морали и закона, от таких понятий, как суверенность, права, рациональность, ответственность, умственное здоровье и сексуальность. Иными словами, не как некий первичный “атом” или вневременная онтологическая характеристика (классическая традиция), а как специфическая интерпретация человека в ходе практик подчинения и высвобождения. При таком понимании проблемы главная задача исследователя состоит в описании того, как индивид обретает конкретную форму через артикуляцию неопределённости в специфических социальных и исторических контекстах». [11, с. 15]

Индивидуальность и автобиография. Данный поворот во многом обязан новым трендом в исследованиях источников автобиографического характера. Фундаментальная «История автобиографии» (1907) Георга Миша выступает хрестоматийной репрезентацией многолетнего классического подхода к автобиографиям как проявлениям индивидуализма. Следуя за Буркхардтом, историки и литературоведы видели в развитии жанров мемуара и автобиографии отражение роста индивидуального в человеке, которое со временем уже не могло оставаться в рамках собственного сознания и постепенно вырывалось наружу для репрезентации себя миру. При этом, используя огромную источниковую базу, Миш пришёл к выводам, что нечто подобное, хотя и менее значительное по своим последствиям, происходило и в двух других более ранних культурах — библейской и античной [10].

Однако постструктуралистские критики 70–80-х гг. стали доказывать, что содержание и структура автобиографического рассказа определяется не только (а порой и не столько) его личностью, происшедшими с ним событиями, но и конкретными языковыми нормами, жанровыми канонами, культурными матрицами. Таким образом, «Я» автобиографического текста превратилось в языковую конструкцию, лишь отдаленно связанную с конкретным человеком. Испытав влияние данной концепции,

историки также отошли от традиционного прочтения личных свидетельств как «источников», созданных специально для того, чтобы сообщить им о личности их авторов. «Отказавшись от попыток получить прямой доступ к историческому субъекту, историки обратились к исследованию социальных и культурных конвенций, формирующих ту или иную модель автобиографического нарратива, к анализу ее особенностей, связей с другими и так далее. Фигура создателя этого нарратива (в классической историографической традиции — автора исторического источника, передающего сведения о том, “как оно было на самом деле”) таким образом отодвигалась на задний план», — заключает Ю. П. Зарецкий [10]. Потенциалом для таких задач могут обладать источники совершенно разных типов и видов: мемуары, автобиографии, дневники, записки, эпистолография, которые в историографии отныне получили собирательное название «эго-документ».

Вопрос дискурса. Если упрощать, то основополагающий вопрос данного дискурса с соблюдением обеих крайностей можно сформулировать следующим образом: существование индивида имеет свои основания в изначальном метафизическом присутствии в мире некой человеческой «самости», которая соотносит себя с остальным миром, в первую очередь с другими «самостями» («самоидентификация» у классиков) или же это продукт социокультурного конструирования, складывающийся в том или ином обществе в результате властных отношений («моделирование Я» у постклассиков)? [11, с. 9–10]

Как бы то ни было, в современной гуманитарной науке оба подхода продолжают пользоваться популярностью у специалистов, соответствующих научных взглядов, мировоззрения и, в конце концов, вкусов. Между тем, дискуссия продолжается и, как мне кажется, её дальнейшая перспектива может быть найдена лишь в относительном компромиссе между позициями обеих сторон, в поиске общих точек соприкосновения ради выработки более совершенных и всесторонних методов достижения истины.

Личность в Поздней Античности. В этой связи выход в свет обзораемой работы по исследованию личности в Поздней Античности Евгения Игоревича Мирошниченко «Синесий Киренский: личность и этикет в позднеантичной эпистолографии»

(2021 г. Санкт-Петербург, изд-во Нестор-История) [14] представляется весьма логичным и относительно своевременным.

Молодой исследователь из Санкт-Петербургского государственного университета поставил перед собой задачу «описать, каким образом проявляется в письмах *авторская индивидуальность* Синесия, как его личность открывается через или вопреки *эпистолярному этикету* (Курсив мой. — Э. М.)» [14, с. 22].

Данная монография интересна нам сразу с нескольких аспектов. С одной стороны, книга на подобный сюжет — это всегда некий шаг для философско-методологической полемики о поисках индивидуального в истории.

С другой же стороны, в контексте темы индивидуального заинтересованность вызывает выбранный автором период, а точнее — его специфика. Всё тот же Я. Буркхардт в одном из своих первых крупных трудов «Век Константина Великого» (1853), хоть и пытался, в отличие от Эдуарда Гиббона, уловить «дух времени» и поговорить о Поздней Античности как о специфичном переходном периоде, а не только как о времени комплексного кризиса и морального упадка, всё же, не смог до конца преодолеть кризисоцентризм своих предшественников и кризисность времени, в котором жил он сам. Данное обстоятельство, наряду с набором источников, методами их анализа, а также узкими хронологическими рамками исследования (только кон. III — нач. IV в.), не могло не заслонить от авторского взора проявлений индивидуальности людей того времени. Анализируя образцы литературы, искусства и даже поведение людей, Я. Буркхардт, словно подгоняя факты под свой «идеальный тип», находил повсюду черты кризиса, как скорбной печати того нелёгкого времени. Признаки же какой-либо самобытности отодвигались им на второй план. В его работе главенствующей характеристикой переходности позднеантичной эпохи выдвинулась кризисность [13]. В то время как именно в переходных эпохах мыслители после Я. Буркхардта находили следы «присутствия» личности. В любом случае, кризисность — не равно крушение и упадок, и попытка такого разговора уже сама по себе являлась значительным шагом вперёд.

Не новость, что специалисты отторгают мнение Я. Буркхардта, у которого лишь Ренессанс породил личность — как мы могли убедиться выше, так уже не раз делали, — да и по заглавию обозреваемой книги вполне очевидно, что Е. И. Мирошниченко считает возможным добраться до индивидуального сознания Синесия, а значит и признаёт существование индивидуального в Поздней Античности, — а это уже заслуживает отдельного внимания. Историко-культурная ценность и уникальность позднеантичной эпохи в данный момент уже не вызывают сомнения, как это было со времён Гиббона вплоть до второй половины двадцатого столетия [4]. Так, изучение духовного мира цивилизации(й) позднеантичного Средиземноморья стоит в ряду самых разрабатываемых тематик среди современных учёных-гуманитариев России и зарубежья.

Наконец, интригует и сама фигура главного героя. Бросая пристальный взгляд на людей Поздней Античности, мы едва ли отыщем политика и благородного интеллектуала, чей жизненный путь был бы лишён тяжких потрясений и личных потерь, человека, равно преуспевшего в карьере и человеческом счастье. Не стал исключением и Синесий Киренский — философ-неоплатоник, поэт, ритор, политик и епископ христианской Церкви. Он родился приблизительно в 370 году в городе Кирена (Ливийский Пентаполь). Его родителями были греки, несомненно, благородного происхождения, что, видимо, дало ему возможность получить блестящее образование в знаменитой Александрийской школе при Мусеоне, где он обучался философии, математике и астрономии у самой Гипатии. По прибытии на родину он стал вести энергичную общественную и политическую деятельность, принял участие в посольстве в Константинополь. По прошествии нескольких лет, транзитом через Афины — родину философии, он возвращается в Африку. По всей вероятности, к тому моменту он приобрёл значительный авторитет среди своих сограждан, поскольку сразу же был избран епископом Птолемиады (ок. 409 г.). Его короткое пребывание на престоле прервала смерть в полном одиночестве ок. 413 г. от неидентифицируемой болезни и внутренних переживаний, связанных с ранней кончиной его детей и утратой связей с самыми близкими

друзьями, включая Гипатию, о причинах чего у исследователей остаются лишь догадки [16].

После себя Синесий оставил множество сочинений, в числе которых есть труды философского и богословского содержания. В целом мировоззрение Синесия в полной мере отражает ту запутанную ситуацию, которая была характерна для религиозной жизни Средиземноморья IV–V веков. Считается, что к концу своей жизни он стал придерживаться довольно синкретичных взглядов, представляющих сложный сплав христианской религиозной философии и языческого неоплатонизма в его Плотиновском варианте. Помимо теоретических работ от Синесия дошёл целый корпус писем (156) — свидетельства о самом себе, о своём интеллектуальном окружении и об истории Ливийского Пентаполя. На русский язык все письма Синесия не так давно перевёл Т. Г. Сидаш, однако Е. И. Мирошниченко категорически не рекомендует использовать данный перевод по причине многочисленных ошибок, смысловых искажений и несоответствий изящному стилю оригинала [14, с. 99].

С работами о самом Синесии в отечественной историографии дела до недавнего времени шли и того хуже. Первая и она же последняя монография о Синесии на русском языке была опубликована аж в 1879 году Алексеем Остроумовым [16]. Начиная с этой даты, мы едва ли наскребём дюжину статей о нём, из которых больше половины были опубликованы в последнее десятилетие и принадлежат перу Е. И. Мирошниченко. При подобных обстоятельствах монография Е. И. Мирошниченко об африканском философе (ещё и в таком необычном аспекте) и вовсе превращается в подлинную, но от этого не менее необходимую, экзотику.

Итак, перед настоящим обзором были поставлены следующие задачи:

Во-первых, определить концептуальные и методологические основания, которых придерживается автор монографии в рамках дискурса между классической и постклассической традициями при работе с эпистографическим источником. Уточню: в какой степени для автора монографии письма Синесия являются источником, выражающим «Я» автора, и/или продукцией социокультурных матриц, жанров и ожиданий?

Во-вторых, — в зависимости от ответа на первый вопрос, — какие методы применяет автор для вскрытия индивидуального пласта в эпистолографическом источнике?

В-третьих, выяснить, что в фундаментальном плане предлагает работа в рамках обозначенного дискурса. Какие дальнейшие перспективы исторической науки?

Наконец, поговорить о сильных и слабых сторонах монографии.

Структурно монография делится на введение, 7 глав основного исследования, заключение и приложения. Главы 1–4 несут функцию вводных и включают себя: историографический и источниковедческий экскурс, а также раскрытие методологии и ключевых концептов исследования. Главы 5–7 — исследовательские и представляют собой непосредственный анализ эпистолографии Синесия. В Приложении 1 содержится авторский перевод избранных писем Синесия. Приложение 2 предлагает нам историографический обзор полемики вокруг философских взглядов Синесия, а также его вклада в мировую философию. Приложение 3 «Эпоха эллинизма и Синесий» в какой-то степени можно приравнять к главе, выполняющей роль «обзора эпохи» (см. ниже). Книга также снабжена библиографией работ о Синесии, насчитывающей более трёхсот наименований и являющейся, по заявлению автора, «наиболее полной из такого рода библиографий» [14, с. 6].

Предваряет работу программное эссе методологического и отчасти даже историософского характера в неокантианском духе. Е. И. Мирошниченко, по существу, манифестирует о бессмысленности исторического исследования и применения какого-либо метода вообще, если мы изначально не способны понять (или отказываемся понимать) авторов этой истории — личность человека прошлого.

Но какие подходы будут релевантными для изучения личности, а значит и истории? Генерализирующие методы естественных наук (номотетических), постулируемые некогда позитивистами, неприемлемы для истории, поскольку человек — не есть вещь. Он, в отличие от последней, обладает неповторимой психикой, характером и мировосприятием. Он — личность, в

действиях которой невозможно вывести законы или закономерности. «Отсюда фундаментальный вывод для истории: в первичном познании исторической реальности нет и быть не может никакого метода», — продолжает Е. И. Мирошниченко. «Есть только человек, личность, которую нужно понять. Вся методология строится как послепонятийная операция, как интерпретация, истолкование понятого. Если ничего не понятно, то нечего и истолковывать» [14, с. 13].

Вообще, подобная историческая феноменология встречается у Марка Блока, который тоже писал, что задача историка — понять человека, и для того, чтобы проникнуть в чужое сознание, нужно отрешиться от своего «я», не приписывать этому сознанию свои собственные черты [2, с. 77]. Е. И. Мирошниченко в свою очередь справедливо замечает, что, «занимаясь экономической или статистической историей, где присутствие личности минимально, историк должен понимать, что за цифрами скрываются реальные люди» [14, с. 11].

Разумеется, тезис Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта о невозможности установить законы и закономерности на «человеческом материале» в своё время отправил позитивистов в музей мировой историографии, однако, на мой взгляд, следует проводить демаркационную линию между такими понятиями как «закон» (то, что *обязательно* при определённых условиях) и «закономерность» (вероятность чего-то *возможна* при определённых условиях), которая (демаркация), кстати говоря, присутствует и в естественных науках. Таким образом, когда Е. И. Мирошниченко пишет, что личность не подчиняется общим закономерностям, возникают подозрения, что автор смешивает два довольно разных понятия. Поскольку, — попробуем очевидное дедуктивное заключение переложить в вопросительную форму — *если историю творят люди, и при этом личность каждого неповторима и закономерности на неё не применимы, то как их (закономерности) тогда можно вывести, например, в глобальной истории?*

Всё тот же М. Блок, изучая феодализм, выводил закономерности развития обществ, опираясь на человеческий материал в рамках огромных географических пространств [7]. Другие ис-

торики-модернисты из школы «Анналов», — как современные Блоку, так и последующих поколений, — демонстрировали различные методологические варианты выведения закономерностей. Например, если Фернан Бродель это делал без привязки к изучению личности и менталитета, то уже Жак Ле Гофф и Эммануэль Ле Руа Ладюри с разной степенью возвращались к Блоку. В идеале же, взрыхляя широкие пласты исторического материала, мы должны учитывать сознание всех личностей, принимавших участие в истории, однако нам остаются либо конкретные личности, которых немного, или собранный по крупицам образ индивида из безмолвствующего большинства. Е. И. Мирошниченко высказывает нужную и полезную мысль о громадной роли изучения личности для исторических исследований, но, кажется, его риторика местами слишком категорична и порой выглядит как попытка обесценить достижения коллег и предшественников.

Итак, Е. И. Мирошниченко сказал «понимание человека прошлого», но как этого понимания достичь и что вообще значит *понять*? Как историк сможет понять, что он понял? Дальнейшие феноменологические рассуждения Е. И. Мирошниченко, которые я предпочту здесь опустить, приводят его к мысли о необходимости «средства двух сознаний» для достижения понимания интерпретатором автора изучаемого текста. За этим следует мысль об особом переживании как «воплощении идей автора в мировоззрении историка». Так рождается идея о том, что изучаемый человек должен из объекта превратиться в субъект и вступить с историком в «собеседование». В собеседовании с человеком прошлого как со своим другом Е. И. Мирошниченко видит единственно возможный метод понимания и объяснения личности и истории: «Без этого любые, самые изощрённые методы приведут лишь к знанию вещей, к объяснениям общих закономерностей, но не знанию личностей. История будет понятна только при целостном понимании и целостном объяснении» [14, с. 15]. Историк, чтобы вступить в собеседование, продолжает автор, должен стать его современником. Для этого необходимо изучать эпоху, в которой жил его герой, так долго, насколько это вообще возможно. Он должен изучить язык, на котором тот

говорил, прочитать биографии всех людей, с кем он контактировал и т. д.

Собеседование как метод познания прошлого, безусловно, интересен, но не нов и, видимо, восходит к Мэн-цзы — конфуцианскому философу IV в. до н. э. Он писал, что на всём пути погружения в глубокое прошлое мы можем найти друзей, которые смогут нам помочь, если только мы всерьёз попытаемся их понять [15, с. 154].

За этим следует другая операция. Историк мало самому понимать смысл слов собеседника, потому что историком его делает не понимание, а *интерпретация*. Впрочем, интерпретация может быть разной и зачастую сводится к обусловленной предпочтениями исследователя строгой типизации или к нейтральному описанию в стиле неокантианцев баденской школы. Так, чтобы концептуализация не превратилась в некий веберовский *Idealtypus*, Е. И. Мирошниченко прибегает к культурно-семиотическому подходу Бориса Успенского: «значимым признаётся то, что является значимым с их (людей прошлого. — Э. М.) точки зрения <...> Интерпретируя, мы должны встать на точку зрения автора, увидеть мир его глазами и глазами его современников» [14, с. 17–18].

Открыто полемизируя с Михаилом Бахтиным (и скрыто — с М. Блоком), Е. И. Мирошниченко видит трудности в постановке историка в точку «внеаходимости», потому что «историк смотрит на историю из истории же» [14, с. 20]. Его взгляд обречён быть субъективным. История требует субъективности, — продолжает Е. И. Мирошниченко — а наука требует объективности. История вещей — это мир без людей. История же по своему существу — это люди. Следовательно, — автор делает вывод — «познание вещей должно быть подчинено познанию людей» [14, с. 20]. Как мне кажется, Е. И. Мирошниченко пытается рационализировать чуть ли не медитативный бахтиновский метод «бесконечного и незавершённого диалога» и доводит его почти до алгоритмического предела сократовской майевтики: «история — это особая сфера (или форма) человеческого опыта, особый модус (временной) человеческого бытия. В истории как в особого рода пространстве возможен диалог с давно умершими людьми. По

сути, история должна научить историка правилам такого диалога. И только на основе такого диалога возможно построение исторических гипотез и теорий, поиск причин и следствий исторических процессов» [14, с. 20–21]. Или в другом месте: «И только когда я начну понимать, что Синесий сам спрашивает меня о моём времени и обо мне самом, только тогда наступает момент исторического познания и самопознания» [14, с. 22].

А что же постклассическая традиция? Е. И. Мирошниченко, подробно не останавливается на позициях позднего структурализма и постструктурализма, но делает соответствующую ремарку для объяснения одного из ключевых понятий своей концепции — «авторской индивидуальности». Несмотря на то, что Ролан Барт более полувека назад «похоронил» автора, эпистолографический текст отличается возможностью «прямой речи автора»: «Письма особенно ярко об этом свидетельствуют. А ещё более ярко — письма Синесия Киренского, на наш взгляд наиболее личного автора поздней античности» [14, с. 24].

Здесь нам нужно сделать паузу и добавить, что позднеантичная эпистолография — особый жанр на стыке личного документа и литературы. Это и включает в себе основную опасность в применении тех или иных методологических приёмов. Помимо того, что письма содержат прямую речь автора, они скрывают в себе сложный текст со своими, складывавшимися веками, регламентами, ритуалами и этикетом. Их характер и исполнение во многом зависели от автора, адресата, их статусов, пола, возраста, темы, времени, места, обстановки и других возможных ситуаций. Выполнения такого рода жанровых предписаний можно охарактеризовать как социальные ожидания и, по своей сути, они становились некой культурной матрицей. Представители постклассического направления апеллировали именно к этому аргументу, когда формулировали свои идеи в духе *la Mort de l'auteur*. Вместо авторской индивидуальности историк обнаруживает лишь «оптический обман» — то, как автор выглядел (и/или хотел выглядеть и/или общество хотело, чтобы он так выглядел) в глазах общества и современников. Поэтому гуманитариям остаётся довольствоваться только изучением социума. На мой взгляд, для позднеантичной эпистолографии удачно по-

дошёл бы бахтиновский концепт «хронотопа» — амбивалентности времени и пространства в литературе и искусстве, где все жанровые параметры, такие как образы героев, темы и формы общения, внутренние переживания и доминирующие установки заданы конкретным хронотопом произведения [1]¹. Таким образом, эпистолографический жанр, несмотря на свойственный ему персонализм повествования, о котором говорит Е. И. Мирошниченко, в действительности, довольно уязвим для постструктуралистской критики.

Уклоняясь от прямой теоретической полемики с постструктуралистами, автор предлагает взамен практику методологических ключей, благодаря которым, как он считает, можно вскрыть индивидуальный пласт в эпистолографическом тексте Синесия. Е. И. Мирошниченко исходит из того, что если письма — это своего рода игра, с априори заданными правилами, которые заслоняют нам авторскую личность, то следует искать те фрагменты в письмах, где Синесий не следует этим правилам, или, говоря проще, *нарушает эпистолярный этикет*. При этом, считает автор, большее внимание стоит уделять *письмам личного характера*, где у Синесия были бы выше шансы проявить свою индивидуальность. Это и есть те порталы, где историк может соединиться с древним автором и вступить с ним в диалог.

Отдельно мне бы хотелось отметить чуть ли не дотошную последовательность работы Е. И. Мирошниченко и его основательный подход к работе с разными эпистолографическими источниками, а не только с текстом Синесия. Так, чтобы иметь адекватные для изучаемого века представления о нормах эпистолярного этикета для той или иной ситуации, автор проводит анализ популярных в то время пособий по риторике («О стиле» и «О типах писем» Деметрия Фалерского [Псевдо-Деметрия]²), а

---

¹ Прекрасный пример рассмотрения эпистолярных сюжетов в качестве хронотопа недавно продемонстрировал нидерландский исследователь Йохан ван Ваарден [19].

² Е. И. Мирошниченко указывает на то, что текст «О типах писем» не принадлежит Деметрию, но при этом почему-то умалчивает, что схожая ситуация в современной филологической критике обстоит

также сборников писем наиболее значимых ранневизантийских авторов христианской (Василий Великий, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст) и языческой (Юлиан Отступник и Либаний) традиций [14, с. 41–74]. Последнее даёт возможность посмотреть, насколько классики этого жанра сами следовали формальным регламентациям, уточнить место Синесия в контексте позднеантичной эпистографии, а также степень его оригинальности и индивидуального проявления. Не трудно заметить, что Е. И. Мирошниченко игнорирует латинский материал, например, таких крупных эпистографов как Симмах или Августин. Вероятно, это связано с расхожим мнением о слабой циркуляции литературы между латинским Западом и греческим Востоком, что было обусловлено географией, языком и различными литературными канонами. С другой же стороны, для IV–нач. V в. латинский язык был вполне распространён в восточной половине Империи [17]. Как пишет Елена Литовченко: «стилистическая ценность *sermo epistolaris* как маркера элиты фактически связывала центр и периферию и помогала элите создавать и консолидировать общедоступную социальную идентичность римлян уже в поздней империи. В поздней античности общение было глобальным в том смысле, что каждый член социальной элиты мог потенциально участвовать в “международных” эпистолярных сетях, чтобы строить отношения, обмениваться информацией и, что еще важнее, книгами. В IV и начале V в. были особенно развиты христианские эпистолярные сети, в которых разделялись и распространялись общие идеи и убеждения» [12, с. 87]. Таким образом, вопрос об необходимости использовании латинского материала не так уж и однозначен.

Для более чёткой локализации проявлений индивидуальности у Синесия Е. И. Мирошниченко использует приём анализа *эпистолярных ситуаций*, говоря иначе, хронотопов в письмах. В эпистографии существовали типичные ситуации, требовавшие определённых модусов поведения, тематик и этикета. Приведу встречающиеся эпистолярные ситуации у Синесия по классификации Е. И. Мирошниченко: ситуация получения письма;

и с трактатом «О стиле», который также не принадлежит Деметрию, но содержит ссылки на него [18].

ситуация отсутствия или редкости писем; ситуация, при которой автор давно не писал писем адресату; ситуация, при которой автор рекомендует адресату своего протеже; ситуация, когда следует утешить адресата в его бедах; ситуация посылки или получения подарка [14, с. 76–89].

Однако Е. И. Мирошниченко отмечает, что при всех достоинствах подобного сравнительного анализа эпистолографов, многие из них придерживались собственной негласной стилистики, что дополнительно усложняет работу. Поэтому он классифицировал письма Синесия по двум признакам: по эпистолярной ситуации и по адресату. Соответственно, сначала им были проанализированы письма на предмет отклонения от этикета, где жанровая игра была явной: представлялось важным выяснить, в каком масштабе и насколько часто Синесий будет нарушать этикет в зависимости от конкретной эпистолярной ситуации. После же — письма более личного характера, где игра не предполагалась по этикету. Впрочем, и во втором случае исследователь находит признаки игры, потому как жанровая природа письма этого требовала [14, с. 92–166].

Кроме того, автор обозреваемой монографии подкрепляет свои выводы анализом писем на предмет функции *социальной перформативности*, или, говоря иначе, удостоверения *социокультурной самоидентификации* Синесия в социуме с помощью писем (чиновник/епископ/философ и др.). Для этого автор использует популярный нынче у гуманитариев структуралистский метод *анализа социальных сетей*. Не совсем только ясно, почему Е. И. Мирошниченко называет его «экспериментальным» в то время, когда он уже лет как десять используется применительно к эпистолографическим сочинениям, о чём он сам заявляет [14, с. 27]. Суть же метода заключается в составлении *специальных карт*, отражающих особенности социальных связей изучаемого автора, круги его общения, а также степень его близости к тем или иным личностям на протяжении жизни. Исследователь выделил 4 узла, вокруг которых формировалась социальная и культурная коммуникация Синесия: первый Александрийский (философская школа: Гипатия и друзья по школьной скамье — язычники), Константинопольский (политики и куль-

турные деятели), Киренский (родственники, друзья и разнообразный контингент Пентаполя), второй Александрийский (деятели Церкви — христиане). Рассматривая взаимодействие Синесия с представителями этих узлов в таких социально-антропологических *стратегиях* как *покровительство, лидерство, дружба*, он ставит задачу проследить зависимость между изменениями в социальных статусах и мировоззрении Синесия, с одной стороны, и характером применения коммуникативных стратегий с различными узлами его окружения — с другой [14, с. 167–189]. Таким образом, помимо литературного анализа, к исследованию добавляется ещё и социально-хронологическое измерение.

Е. И. Мирошниченко приходит к выводу, что высказывания главного героя, связанные с лидерством, покровительством или дружбой имеют чётко перформативный характер. Динамика этой перформативности чрезвычайно высока, чего нельзя сказать о других эпистолярных коллекциях. Опять же, на это утверждение работают только грекоязычные сборники, о которых, очевидно, и пишет автор. Если же взять латинских писателей, то, на мой взгляд, нечто подобное мы сможем обнаружить и в их текстах. Е. И. Мирошниченко подчёркивает, что «по мере сближения с христианами меняется социальный состав его корреспондентов» [14, с. 170]. Однако в зависимости от смены статусов у Синесия не меняются стратегии относительно адресатов из разных узлов, они, по большому счёту, остаются прежними и, что логично, перестали работать. «Перформативность Синесия в епископский период его жизни перестала соответствовать контексту его социальных связей <...> поскольку все паттерны принадлежали старому» [14, с. 189]. Иначе говоря, Синесий, выпав из рамок своего прежнего социального круга и оказавшись в новом, по стратегии своего социального поведения оставался в старой культурно-коммуникативной парадигме, тем самым, превратившись в «постороннего» для обеих групп.

Подводя итог своему исследованию, Е. И. Мирошниченко пишет о сугубо «персоналистском характере» писем Синесия. «Кьеркегор поздней Античности», как его именует автор, очень часто отступает от привычных для жанра клише и делает это

каждый раз новыми способами. Социальный статус адресата, его близость и степень родства ключевым образом влияли на варианты эпистолярной игры Синесия. Выступая при этом как часть социальной перформативности, подобная эпистолярная игра является ярким проявлением авторской индивидуальности. «Синесий не просто создаёт литературно-художественные произведения, он соединяет литературную функцию с социальной, и такое соединение задаёт контекст для проявления индивидуальности».

Завершая данный обзор, хочется поговорить о достоинствах и недостатках работы.

Из недостатков, на мой взгляд, следует отметить отсутствие биографии Синесия. Автор сам писал о том, что это первая русскоязычная монография о Синесии за последние 140 с лишним лет, и, думается, читатель в праве ожидать какую-то внятную биографическую справку о Синесии — уже и не говорю о целом параграфе. В любом случае, сводка об основных вехах и событиях жизни заглавного героя значительно облегчает восприятие материала. К примеру, читатель только где-то в середине книги может встретить упоминание об участии Синесия в организации обороны Пентаполя от варваров [14, с. 184] или о том, что он был автором гимнов [14, с. 180].

Отсутствие разностороннего обзора эпохи. Вынесенная в приложение глава «Эпоха эллинизма и Синесий», безусловно, представляет интерес, но она отражает, преимущественно, культурную и социальную сторону жизни той восточной половины Империи. Когда как о политической сфере практически ничего не сказано. Между тем, как мы могли убедиться, политические перипетии играли не последнюю роль в жизни Киренского интеллектуала. Таким образом, считать её полноценным обзором эпохи, полагаю, не представляется возможным.

По ходу чтения книги у меня сложилось устойчивое впечатление, что автор опустил какой-то дремучий занавес на греко-римскую цивилизацию, поделив её искусственно на восточную и западную половины. Про источники я упоминал выше, однако не существует даже намёка, что Запад и Восток могли контактировать между собой. В то время как на момент жизни

Синесия они ещё не обособились друг от друга в цивилизационном и культурном плане.

Где-то автор допускает, на мой взгляд, излишнюю категоричность в высказываниях. Например, относительно невозможности исторического исследования и неуместности любой методологии без предварительного и тщательного изучения («понимания»!) личности. Кажется, только что сам автор прекрасно продемонстрировал, как историку сложно бывает вскрыть личностный пласт в таком даже персоналистском источнике, который, опять же, по словам самого автора, чрезвычайно уникален. Проблема только в том, что не в каждой эпохе, веке, цивилизации или регионе есть свой синесий. Монография, как мне видится, была направлена на полемику с постклассическим подходом постструктуралистов, но общая историсофская риторика Е. И. Мирошниченко оставляет исторической науке мало шансов.

Вместе с тем книга Е. И. Мирошниченко представляет собой уместное и качественное исследование, которое читатели и специалисты должны оценить по достоинствам, которыми работа, несомненно, обладает. Среди ключевых: тщательная работа с источниками, широкий арсенал междисциплинарных методов, оснащённость работы указателями, великолепной библиографической сводкой и авторским переводом избранных писем Синесия и, конечно же, нельзя не отметить смелость самого замысла.

Не отрицая тезиса постструктуралистов о недостатках работы историков с литературными источниками, автор, очевидно, придерживается классической позиции взгляда на личность, как обладающей онтологической основой. В поисках авторской индивидуальности он успешно задействует как классические исторические методы (компаративный), так и структуралистские методы социологии и социально-культурной антропологии (карта социальных сетей; анализ коммуникативных стратегий). Использование, на мой взгляд, такого перспективного метода как анализ «нарушений эпистолярного этикета» и вовсе можно считать ударом по постструктуралистской критике их же оружием. В целом же, книга Е. И. Мирошниченко, на мой взгляд, является удачной попыткой приблизиться к внутреннему миру и самознанию человека Поздней Античности, личности ещё одной переходной эпохи. Ко всему прочему, это шаг вперёд в рамках

обозначенной дискуссии и дополнительная возможность пересмотреть радикальность обеих методологических позиций.

Великий российский историк Арон Гуревич под занавес минувшего века писал: «Я убежден в том, что история не кончилась ни в качестве реального процесса жизни человечества, ни в качестве научной дисциплины, существенно важной для общества. Однако было бы, на мой взгляд, ошибочным отрицать тот факт, что постмодернистская критика историографии обнаружила действительные слабости в методологии историков. Она как бы разбередила раны, на которые историки до недавнего времени не обращали должного внимания» [8, с. 5–10]. Нам же остаётся надеяться, что последующие поколения учёных-гуманитариев найдут способы как эти раны излечить, а не только покалечить.

Библиографический список

1. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики: СПб., М., 1975. С. 234–407.

2. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1977. 232 с.

3. *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. 591 с.

4. *Ващева И. Ю.* Концепция Поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 220–231.

5. *Гайденко П. П.* Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 5–26.

6. *Гегель Г. В. Х.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 479 с.

7. *Гуревич А. Я.* Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 182–232.

8. *Гуревич А. Я.* Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 5–10.

9. *Зарецкий Ю. П.* История от первого лица: новые подходы к изучению личных свидетельств // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях. 2019. С. 197–202.

10. *Зарецкий Ю. П.* История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. № 3, 2012 [URL: <https://inlnk.ru/MjK7m7> (дата посещения 25.09.2022)].

11. *Зарецкий Ю. П.* Самоидентификация или «моделирования Я»? Постклассический концепт субъективности в историографии // Социальная идентичность средневекового человека. М.: Наука, 2007. С. 9–21.

12. *Литовченко Е. В.* Позднеантичная эпистолография в контексте медиевализации и культурного континуитета на латинском западе (IV–VI вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Белгород, 2021. 804 с.

13. *Манукян Э. М.* «Die Zeit Constantin's des Grossen» Якоба Буркхардта, или когда Античность стала «поздней»? // *Метаморфозы истории*. 2019. № 14. С. 36–74.

14. *Мирошниченко Е. И.* Синесий Киренский: личность и этикет в позднеантичной эпистолографии. СПб.: Нестор-История, 2021. 312 с.

15. *Мэн-цзы* / пер. с кит. В. Колоколова, СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 272 с.

16. *Остроумов А.* Синезий, епископ Птолемандский. М.: тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1879. VIII, 364 с.

17. *Тюленев В. М.* Римская школа на позднеантичном латинском западе (Южная Галлия и Италия в V — первой половине VI в.). Иваново, 2019. 236 с.

18. *Doreen I.* Demetrius: On Style, in *Aristotle Poetics, Longinus On the Sublime, Demetrius on Style*. Loeb Classical Library. Harvard University Press. 1995. 544 p.

19. *Waarden van J.* Amicitia, Otium, and the Chronotope of Sidonius's Correspondence // *Journal of Late Antiquity* (special issue: Leisure and the Muses in Sidonius Apollinaris). Vol. 13. № 1. 2020. P. 149–172.

SUMMARY

Tyulenev V. M. Ambrose of Milan in Ennodius' poetical reflection

Annotation: The article analyzes two poetic works of Ennodius dedicated to Ambrose of Milan. The first of them is one of the twelve epigrams describing the bishops of Milan, the second is one of the twelve hymns composed by Ennodius on the Ambrosian model. Primary attention in the article is paid to the image of the saint created by Ennodius. In particular, it is shown that Ennodius in the glorification of the saint is guided by the Southern Gallic hagiographic tradition, seeing the main dignity of the saint not in miracles, but in pastoral activity, the key to success in which is the eloquence of the bishop. Presenting Ambrose primarily as a preacher, Ennodius proves that rhetoric is a divine gift and should serve not vain glory, but the glorification of Christ, the protection of faith and instruction in righteousness.

Key words: Ennodius, Ambrose of Milan, epigrams, hymns, model of holiness.

Kasakova A. A. Cassiodorus. Varia XI, 1: Introduction, translation and commentary

Annotation: There is a translation of the first letter from the eleventh book of «Varia» by Flavius Cassiodorus. This message is significant for several reasons. On the one hand, it serves as a certain panegyric to queen Amalasuintha; on the other hand, the missive demonstrates an example of development the political program of Cassiodorus. Saturated with many historical allusions, it is an important source for studying the image of power in Ostrogothic Italy. The publication is accompanied by a preface and commentary.

Key words: Ostrogothic Kingdom, Cassiodorus, Varia, Amalasuintha.

Devyataykina N. I. «It's better for us to stay in your village»: features of friendly relations of new intellectuals of the XIV century (Petrarch and Cabassole)

Annotation: In the article, based on the material of Petrarch's treatise «De vita solitaria» and some of his letters, the author reveals the personal and emotional level of communication, the range of literary and philosophical knowledge and interests, the public position, the attitude to seclusion of two intellectuals of the century — the poet and humanist Petrarch and

Philippe Cabassole, Bishop of Cavaillon, a prominent figure in church affairs of the century.

Key words: Bishop Cabassole, Avignone, Valchiusa, the new intellectual, Petrarch's treatise «On Solitary Life», Petrarch's «Letters without an address», social circle, humanistic ideal of man.

Lukyanova L. M. Petrarca. Jason and Hercules (a fragment from the work «On Famous Men»)

Annotation: An excerpt from Petrarch's prose work «On Famous Men» is offered for readers attention. Depicting the actions of mythological figures, the humanist underscores their traits corresponding to his ideal of man, which combines physical strength with the power of reason.

Key words: Petrarch, work «On Famous Men», Italian Humanism, valor, reason, glory, nobleness.

Pavlov K. V. Francesco Guicciardini's «La Decima Scalata»: Introduction, translation

Annotation: The published text is a translation of a work by the Florentine diplomat, thinker, and historical writer of the Italian Wars of 1494–1559 Francesco Guicciardini's «La Decima Scalata» («The Scaled Tenth») with a preface. This source is two parts of an essay-expression on the project of fiscal reform of the Florentine Republic in the era of the wars in the Apennines, united according to the principle «in utramque partem»: «Discourse in Favour of the Tax» and «Discourse Against the Tax, for the Prevailing Opinion». The preface examines the social problems of the contemporary Guicciardini's Florentine Republic, reflected in the Florentine positions of supporter and opponent of the introduction of the new principle of taxation expressed in this work. The translation retains the author's two-part structure of the source text, as well as the subtitles of its first and second parts.

Key words: «Scaled Tenth», Guicciardini, Florentine society, Florentine Republic in the Italian wars, tax reform of the Florentine Republic.

Samotovinskij D. V. Loys Le Roy's treatise «Reflections on the French and Universal History of our Time, the amazing events of which are summarized» (1567): translation and commentary

Annotation: The second half of the XVI century in France was marked by a religious schism and Religious Wars. However, it was precisely these challenges that prompted the French to reflect on social conflicts, poli-

tics and history. One of these Frenchmen was Loys Le Roy (c. 1510–1577). He started his career as a humanist, polymath, translator of ancient Greek authors, but the crisis situation in the country pushed him to think about politics and history. The result of these reflections was his treatise «Reflections on the French and Universal History of our Time» (1567). The essay was written in the form of a letter to Catherine de' Medici, the mother of the King of France Charles IX. Le Roy saw the global interconnectedness of events as the main feature of «Our time». An adequate way to describe the new reality was to be a «universal» history showing the relationship between what is happening in different countries and parts of the world. The history of France, at least the modern one, also could not be understood outside of a broader or even global context.

Key words: Loys Le Roy, Religious wars, «perfect history», «universal history».

Solovyev S. V. Logical Blunder and Genius Mistake. The Renaissance in the works of Leonid Batkin

Annotation. The article deals with the main works of Leonid Batkin (1932–2016) dedicated to the Renaissance. It seems that in these works, the famous Russian historian opened the new horizons in the study of the culture of the 15th–16th centuries, introducing into scientific circulation such concepts as humanistic dialogue, *varietà*, and the Renaissance type of individuality. Batkin considered the Renaissance as one of the main period in the development of modern European man (person). Batkin's works have always caused a heated discussions in the scientific community, but even today they are just as provocative and have not lost their relevance.

Key words: The Renaissance, humanism, historiography, humanistic dialogue, *varietà*, the concept of personality and individuality, Leonardo da Vinci, Renaissance art, history of the XV–XVIth centuries, rhetoric.

Revyakina N. V. «Russia is always in our thoughts»: on the 100th anniversary of Piero Cazzola

Annotation. The article is devoted to centenary of prominent Italian erudite resistor, the professor of Bologna University Piero Cazzola. The author of present article had many years scientific and amicable contacts with Piero Cazzola. The letters, conserved from this contacts, served as the source for this article. The letters show huge love of Piero Cazzola to Russian culture and her excellent knowledge, what had received a reflection in his books, articles, translation, in organization of the conferences, dedicate to Russian themes and publication of their results, in lectures and histories about the Russian culture to simple audience.

Key words: Piero Cazzola, Russian culture, conferences, Russian literature, Leskov, Bologna university.

Manukyan E. M. Miroshnichenko E. I. Synesius of Cyrene: Person and Etiquette in Late Antique Epistolography. SPb., 2021. 312 p.

Annotation. This review analyzes the book by E. I. Miroshnichenko, dedicated to the manifestations of the author's individuality in the epistolography of Synesius of Cyrene. This review is embedded in the context of a relatively long-standing philosophical controversy about the search for the individual in history and sets the task of clarifying the place of the book within this discourse.

Key words: methodology of history, individual, self-identity, Late Antiquity, epistolography, Synesius of Cyrene.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Десяткина Нина Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова; профессор кафедры методики преподавания истории Института истории и политики Московского государственного педагогического университета;
devyatay@yandex.ru

Казакова Анна Александровна – студентка Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета;
studyandresearch@mail.ru

Лукьянова Лариса Михайловна – доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского государственного университета;
marlar38@yandex.ru

Манукян Эдуард Мгерович – преподаватель колледжа Московского педагогического государственного университета
manukyan_33@mail.ru

Павлов Кирилл Владимирович – студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета;
Kir2014Sch603@gmail.com

Ревякина Нина Викторовна – доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета;
nvrevyakina@yandex.ru

Самотовинский Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета;
samotov@mail.ru

Соловьев Сергей Владимирович – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Государственного института искусствознания и Музея АЗ (г. Москва);
club2@mail.ru

Тюленев Владимир Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета;
tyulenev.vl@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Devyataykina Nina Ivanovna – Doctor of History, Professor of Department of Humanities, Saratov State Conservatoire named L. V. Sobinov; Professor of the Department of Methods of Teaching History, Institute of History and Politics of the Moscow State Pedagogical University;
devyatay@yandex.ru

Kazakova Anna Alexandrovna – Student of the Institute of Humanities, Ivanovo State University;
studyandresearch@mail.ru

Lukyanova Larisa Mikhailovna – Associate Professor of the Department of Russian and General Literature, Saratov State University;
marlar38@yandex.ru

Manukyan Eduard Mgerovich – College of Moscow Pedagogical State University;
manukyan_33@mail.ru

Pavlov Kirill Vladimirovich – Student of the Institute of History, St. Petersburg State University;
Kir2014Sch603@gmail.com

Revyakina Nina Viktorovna – Doctor of History, Professor of the Ivanovo State University;
nvrevyakina@yandex.ru

Samotovinskij Dmitrij Vladimirovich – Candidate of History, Docent of History and Cultural Studies Chair of Ivanovo State University of Chemistry and Technology;
samotov@mail.ru

Solovyev Sergey Vladimirovich – Candidate of Art Studies, Moscow Institute of Art Studies, AZ-Museum;
club2@mail.ru

Tyulenev Vladimir Mikhailovich – Doctor of History, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University;
tyulenev.vl@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ	
<i>Тюленев В. М.</i> Амвросий Медиоланский в поэтическом осмыслении Эннодия	5
<i>Казакова А. А.</i> Кассиодор. Варии XI, 1. Вступительная статья, перевод и комментарий	22
ЧЕЛОВЕК РЕНЕССАНСА	
<i>Девятайкина Н. И.</i> «Лучше нам остаться в твоей деревне»: феномен дружбы новых интеллектуалов XIV века (Петрарка и Кабассоль)	35
<i>Лукьянова Л. М.</i> Петрарка. Ясон и Геркулес (фрагмент трактата «О знаменитых мужах»)	51
<i>Павлов К. В.</i> Франческо Гвиччардини. Десятичная шкала (предисловие и перевод)	62
<i>Саматовинский Д. В.</i> Трактат Луи Ле Руа «Рассуждение о французской и всеобщей истории нашего времени, удивительные события которой кратко изложены» (1567): перевод и комментарий	90
ВСПОМИНАЯ КОЛЛЕГ И УЧИТЕЛЕЙ	
<i>Соловьев С. В.</i> Логический промах и гениальное недоразумение. Эпоха Ренессанса в сочинениях Леонида Михайловича Баткина	115
<i>Ревякина Н. В.</i> «Россия всегда в наших мыслях»: к 100-летию со дня рождения Пьеро Каццолы	132
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
<i>Манукян Э. М.</i> Мирошниченко И. Е. Синезий Киренский: личность и этикет в позднеантичной эпистолографии. СПб.: Нестор-История, 2021. 312 с.	142
Summary	164
Сведения об авторах	168

CONTENTS

Foreword	3
FROM ANTIQUITY TO THE MIDDLE AGES	
<i>Tyulenev V. M.</i> Ambrose of Milan in Ennodius' poetical reflection ...	5
<i>Kasakova A. A.</i> Cassiodorus. <i>Varia XI, 1</i> . Introduction, translation and commentary	22
RENAISSANCE MAN	
<i>Devyataykina N. I.</i> «It's better for us to stay in your village»: features of friendly relations of new intellectuals of the XIV century (Petrarch and Cabassole)	35
<i>Lukyanova L. M.</i> Petrarca. Jason and Hercules (a fragment from the work «On Famous Men»)	51
<i>Pavlov K. V.</i> Francesco Guicciardini's «La Decima Scalata». (Introduction and translation)	62
<i>Samotovinskij D. V.</i> Loys Le Roy's treatise «Reflections on the French and Universal History of our Time, the amazing events of which are summarized» (1567): translation and commentary	90
REMEMBERING COLLEAGUES AND TEACHERS	
<i>Solovyev S. V.</i> Logical Blunder and Genius Mistake. The Renaissance in the works of Leonid Batkin	115
<i>Revyakina N. V.</i> «Russia is always in our thoughts»: on the 100 th anniversary of Piero Cazzola	132
DISCUSSIONS	
<i>Manukyan E. M.</i> Miroshnichenko E. I. Synesius of Cyrene: Person and Etiquette in Late Antique Epistolography. SPb., 2021. 312 p.	142
Summary	164
About the authors	168

CURSOR MUNDI

Человек

Античности, Средневековья и Возрождения

**Научный альманах,
посвященный проблемам исторической антропологии**

Выпуск 13

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 19.10.2022 г.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 10,0.

Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 100 экз. Заказ № 21. Цена свободная.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Принткарт»

✉ 153045 Иваново, м. Афанасово, ул. Новосельская, 5

ИВАНОВО

2022